299755
ОР
Б835
Пр. 1955 г.
Б-43

Проф. А. К. Бороздин

М. Ю. Лермонтов

СПБ, 1914

10/IX 82 - 9968 ~~[illegible]~~
16/III 83 9680
Мибл. кон.
16/VI 83 66
до 16/XI 86 - 13
299755

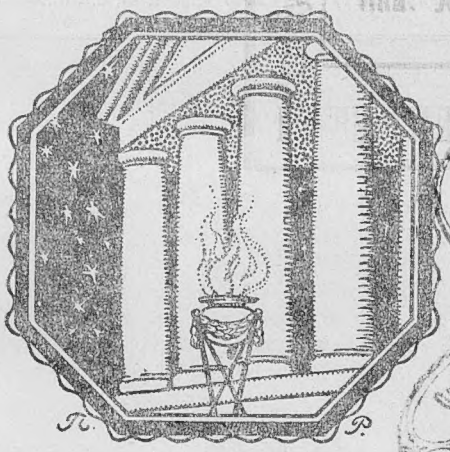
М. Лермонтов

~~800~~ 891.7
~~Б. 83~~
Пр. 1955 г.
~~891~~
~~Б 83~~

Проф. А. К. Бороздинъ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

БИБЛИОТЕКА
Шифр. 891.7
Б-83
Инв. № 4683
Университета
ПРОВЕРЕНО в 1937 г.
Уральский Госуниверситет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск
Свердловская Высш. Коммун.
Фундаментальная БИБЛИОТЕКА
с/х. школа им. В. И. Ленина
299755



Цѣна 90 коп.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“ Н. Н. МИХАЙЛОВА.
С.-Петербургъ, Поварской, 10.
1914.

№ 3048

8Р
Б835

8Р1.3 (Лермонтов) – 4 персон.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами. Г.г. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ къ издателю Николаю Николаевичу Михайлову кн-во «Прометей», С.П.Б., Поварской, 10.

ТИПОГРАФІЯ
„ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“
СПБ., ПРАЧЕШНЫЙ ПЕР., 4.

16804

Жизнь поэта.

Въ стихотвореніи „Желаніе“, относящемся къ 1831 г., Лермонтовъ говоритъ о своей далекой „отчизнѣ“, отъ которой его отдѣляютъ „волны морей“. Эта отчизна — Шотландія, откуда происходилъ родъ Лермонтова. Извѣстно, что въ этомъ роду были и „отважные бойцы“, упоминаемые въ томъ же стихотвореніи, и полулегендарный бардъ, жившій въ XIII столѣтіи. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича одинъ изъ представителей этого рода появляется въ Россіи. Его потомки нѣкоторое время занимали видныя мѣста, но скоро родъ Лермонтовыхъ теряетъ значеніе, и его члены становятся въ разрядъ захудалаго дворянства.

Къ числу такихъ захудалыхъ людей принадлежалъ и отецъ поэта, Юрій Петровичъ, начавшій службу очень хорошо, судя по тому, что уже 24 лѣтъ былъ капитаномъ, но рано вышедшій въ отставку и поселившійся въ деревнѣ. Вскорѣ онъ женился на богатой помѣщицѣ Маріи Михайловнѣ Арсеньевой. Характеры супруговъ рѣзко различались. Юрій Петровичъ былъ человѣкъ легкомысленный, кутила, грубый, хотя и не лишенный нѣкоторой доброты; Марія Михайловна отличалась какой-то мечтательностью, сентиментальностью. Согласіе въ семьѣ было непродолжительно; Юрій Петровичъ охладѣлъ къ своей женѣ, почти совсѣмъ ее покинулъ. Это не могло не отразиться на ея здоровьѣ, и безъ того не особенно крѣпкомъ; развилась чахотка, и въ 1817 г. Марія Михайловна скончалась.

Отъ этого брака 3 октября 1814 г. родился нашъ великій поэтъ. Ранняя смерть матери была для него первымъ тяжелымъ ударомъ: онъ почти не зналъ матери, хотя неясный образъ этой женщины навсегда сохранился въ его памяти. Впечатлѣніе глубоко таилось въ его душѣ, какъ видно изъ замѣтки, относящейся къ 1830 г.: „когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ, ея я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что, если бы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать“.

*

Послѣ смерти Маріи Михайловны воспитаніемъ поэта занялась ея мать, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, совершенно отъ него отстранившая его отца. Началась долголѣтняя распря между этими лицами, близкими Лермонтову, и, конечно, она не могла пройти безъ слѣда для самого поэта: въ его душѣ оставалось тягостное впечатлѣніе отъ этого раздора. Какъ онъ ни любилъ свою бабушку, относившуюся къ нему съ величайшею заботливостью и нѣжностью, онъ не могъ подавить въ себѣ любви къ отцу, противъ котораго его хотѣли возстановить.

Но и помимо этого обстановка дѣтства поэта была далеко не соотвѣтствующею нормальнымъ воспитательнымъ требованіямъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго „Отрывка изъ неоконченной повѣсти“, въ которой Лермонтовъ, подъ видомъ Саши Арбенина, рисуетъ самого себя: „Зимою горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому, что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобы потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ; но у старой няньки руки были такія жесткія! Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный мальчикъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, еслибъ не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бы онъ не получилъ отъ природы железнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя послѣдствія и странное

вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но—увы! никто не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ охватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистъ волжской бури".

Какъ и Саша Арбенинъ, Лермонтовъ въ дѣтствѣ много болѣлъ, отличался „худосочіемъ", и бабушка должна была долго заботиться о его лѣченіи. Съ этою цѣлью не разъ предпринимались поѣздки на кавказскія минеральныя воды. Очень сильны были впечатлѣнія, произведенныя на поэта кавказской природой, и еще въ юные годы онъ говорилъ, что любитъ Кавказъ, какъ „сладкую пѣсню отчизны", что кавказскія горы „взлелѣяли дѣтство" его, „пріучили его къ небу", и „съ той поры онъ все мечталъ" о нихъ и о небѣ. Во время поѣздки на Кавказъ 1825 г. поэтъ впервые испыталъ чувство любви. Впослѣдствіи онъ такъ разсказывалъ объ этомъ раннемъ своемъ увлеченіи: „Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?... Мы жили большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я не помню, хороша собою была она, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая, это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ! И такъ рано!... Надо мною смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить о ней и убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда... И по-

нынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они забыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу; не повѣрятъ ея существованію, а это было бы мнѣ больно... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ. — Горы кавказскія для меня священны...".

Учебныя занятія Лермонтова начались подъ руководствомъ гувернера Капэ, бывшаго офицера наполеоновской гвардіи, который пробылъ при мальчикѣ все время, пока Е. А. Арсеньева жила въ своей деревнѣ Тарханахъ, въ Пензенской губерніи. Лермонтовъ очень полюбилъ своего воспитателя, повидимому, хорошаго человѣка, который внушилъ ему преклоненіе передъ Наполеономъ и нѣкоторыя свободолюбивыя идеи. Въ 1827 г., послѣ переѣзда Арсеньевой въ Москву, Капэ умеръ, и его мѣсто занялъ французъ эмигрантъ Жандро, имѣвшій не особенно благотворное вліяніе на Лермонтова. Не очень значительно было также вліяніе слѣдующаго воспитателя, англичанина Виндсона, хотя, благодаря ему, Лермонтовъ сталъ знакомиться съ англійской литературой, съ Шекспиромъ и Байрономъ.

Въ это время Лермонтовъ готовится въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, куда и поступилъ въ 1828 г. Это учебное заведеніе въ свое время дало Россіи цѣлый рядъ выдающихся литературныхъ и общественныхъ дѣятелей: въ немъ учились Жуковскій, братья Тургеневы, Грибоѣдовъ и др., и когда поступилъ въ него Лермонтовъ, старыя традиціи литературнаго образованія еще не угасли. Устраивались литературные вечера, издавались рукописные журналы, въ которыхъ участвовали воспитанники пансіона; преподавателями словесности были лучшіе ученые того времени, профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ и магистръ Дубенскій, извѣстный своимъ изслѣдованіемъ о „Словѣ о полку Игоревѣ", и конечно, такіе люди должны были возбуждать и поддерживать въ своихъ ученикахъ любовь къ литературѣ. Мерзляковъ, вообще имѣвшій большое вліяніе на своихъ слушателей, человѣкъ отличавшійся критическимъ чутьемъ и поэтическимъ талантомъ, тѣмъ болѣе, по мнѣнію проф. П. А. Висковатова, долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить, насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позднѣе надъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу

стихотворенія его на смерть Пушкина: „И зачѣмъ я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его!“ [1])

Внѣшнія вліянія могутъ содѣйствовать возникновенію поэтическаго творчества, но присутствіе таланта необходимо, и талантъ этотъ очень рано пробуждается въ Лермонтовѣ. Первымъ его произведеніемъ была написанная въ пансіонѣ поэма „Индіанка“, содержаніе которой было навѣяно чтеніемъ романа Шатобріана „Аттала“. Эта поэма была тогда же сожжена Лермонтовымъ, и поэтому первымъ его литературнымъ опытомъ нѣкоторые считаютъ переводъ баллады Шиллера „Перчатка“, хотя онъ писалъ много и ранѣе. Достовѣрно мы знаемъ, что во время пребыванія своего въ пансіонѣ Лермонтовъ увлекался произведеніями Шиллера, Байрона, Шекспира и Пушкина. Изъ Шиллера онъ перевелъ нѣсколько балладъ, а Пушкину и Жуковскому подражалъ въ своихъ юношескихъ поэмахъ. Подражаніе было настолько сильно, что Лермонтовъ почти цѣликомъ переписывалъ поэмы Пушкина, напримѣръ „Кавказскій плѣнникъ“. Однако и здѣсь проявлялась оригинальность юнаго поэта: выписавъ рядъ Пушкинскихъ стиховъ, онъ вставляетъ какія-нибудь новыя подробности, при чемъ почти всегда замѣтно его стремленіе придать произведенію своего предшественника болѣе трагическій отпечатокъ. „Стихи (говоритъ Висковатый), которые онъ заимствовалъ у другого поэта, получили у него своеобразный видъ и напоминали оригиналъ развѣ одною лишь чисто-внѣшней своей формой, но отнюдь не значеніемъ“.

Пятнадцатилѣтній мальчикъ, Лермонтовъ, очень много читаетъ, пишетъ; о многомъ ему приходится передумать, и повидимому, духовная работа его совершается, какъ и прежде, въ одиночествѣ, такъ какъ въ окружающихъ его людяхъ онъ почти не находитъ отзвука на волнующія его стремленія. Онъ задумывается и надъ общественными вопросами, какъ это видно, напримѣръ, изъ стихотворенія „Жалоба турка“, въ которомъ онъ изображаетъ угнетеніе мысли, рабскій строй жизни своей „отчизны“. Но гораздо сильнѣе въ это время звучатъ въ его поэзіи мотивы личные: тоска, разочарованіе навѣвались не только чтеніемъ такихъ произведеній, въ которыхъ отражалась „міровая скорбь“, но и ближайшей обстановкой, въ которой ему приходилось жить. Разладъ между его отцомъ и бабушкой не прекращался и грозилъ новыми осложненіями, такъ какъ отецъ согласился оставить его у Е. А. Арсеньевой только до 16-лѣтняго возраста, до окончанія школьнаго воспитанія.

---

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 41.

Гроза должна была разразиться въ 1830 году. Въ этомъ году истекалъ назначенный срокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ вышелъ изъ университетскаго пансіона, который былъ преобразованъ въ гимназію. Юрій Петровичъ потребовалъ, чтобы сынъ былъ ему возвращенъ, и юноша, любившій своего отца, соглашался на это; но бабушка рѣшительно возстала; она слишкомъ привязана была къ своему внуку, онъ напоминалъ ей безвременно умершую ея дочь, и разлука съ нимъ была бы для нея ужаснымъ ударомъ. То, что переживалъ въ это время Лермонтовъ, ярко отразилось въ его драмѣ „Menschen und Leidenschaften“, герой которой Юрій Волинъ, т.-е., самъ поэтъ не рѣшается покинуть „несчастную старуху“. Ея слезы, мольбы остановили его, и онъ говоритъ своему отцу: „Она дала мнѣ воспитаніе, ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я своимъ пропитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я приблизилъ ее къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... я не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязанность человѣчества должна была занять мое сердце“. Если бабушкѣ Лермонтовъ былъ обязанъ всѣмъ, то отцу онъ былъ „обязанъ одною жизнью“—и въ концѣ концовъ онъ рѣшился остаться съ бабушкой. Отецъ уѣхалъ и очень скоро умеръ, по словамъ одного близкаго къ Лермонтову человѣка, отъ холеры. Такъ завершилась эта многолѣтняя распря, но она, конечно, не могла не оставить горькаго осадка въ душѣ поэта.

Лѣто 1830 г. ушло на подготовку къ университетскому экзамену, и въ августѣ Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетъ въ число студентовъ нравственно-политическаго отдѣленія, а затѣмъ вскорѣ перешелъ на словесное отдѣленіе. Московскій университетъ переживалъ въ это время полосу застоя, упадка, преподаваніе стояло весьма невысоко. Вотъ какъ изображаетъ положеніе университета Герценъ: „Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ, или лучше сказать, допожарныхъ, т.-е. до 1812 г. Въ тѣ времена начальство университетомъ не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили, и ходили притомъ не въ мундирныхъ сюртукахъ ad instar конно-егерскихъ, а въ разныхъ отчаянныхъ и эксцентрическихъ платьяхъ, въ крошечныхъ фуражкахъ, едва державшихся на дѣвственныхъ волосахъ. Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга — одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой изъ не-нѣмцевъ. Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые, какъ Лодеръ, Фишеръ, Гильдебрандтъ и самъ Гаймъ, вообще отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскій языкъ,

хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго клієнтизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-нѣмцы, съ своей стороны, не знали ни одного (живого) языка, кромѣ русскаго, были отечественно раболѣпны, семинарски неуклюжи, держались, за исключеніемъ Мерзлякова, въ черномъ тѣлѣ и, вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Геттингена, не-нѣмцы—изъ поповскихъ дѣтей. Двигубскій былъ изъ не-нѣмцевъ. Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ, приходя за табелью, подошелъ къ нему подъ благословеніе и постоянно называлъ его „Отецъ ректоръ“. Притомъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Когда, бывало, приходилъ въ нашу аудиторію или съ деканомъ Чумаковымъ, или съ Котельницкимъ, который завѣдывалъ шкафомъ съ надписью Materia Medica, непзвѣстно зачѣмъ проживавшимъ въ математической аудиторіи, или съ Рейсомъ, выписаннымъ изъ Германіи за то, что его дядя хорошо зналъ химію, съ Рейсомъ, который, читая по-французски, называлъ свѣтильню—baton de coton, ядъ—рыбой (poisson), а слово молнія такъ несчастно произносилъ, что многіе думали, что онъ бранится,—мы смотрѣли на нихъ большими глазами, какъ на собраніе ископаемыхъ, какъ на послѣднихъ Абенсераговъ, представителей иного времени, не столько близкаго къ намъ, какъ къ Третьяковскому и Кострову; времени, въ которомъ читали Хераскова и Княжнина, времени добраго профессора Дильтея, у котораго были двѣ собачки, одна вѣчно лаявшая, другая никогда не лаявшая, за что онъ очень справедливо назвалъ одну Баваркой, а другую Пруденкой“... Попечитель кн. Голицынъ былъ удивительный человѣкъ. Онъ долго не могъ привыкнуть къ этому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій по очереди долженъ былъ его замѣнить, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, а акушеру Рейхелю—толковать безсѣменное зачатіе“ [1]).

Словесное отдѣленіе на которое поступилъ Лермонтовъ, тоже находилось въ плачевномъ состояніи. Мерзлякова уже не было. Шевыревъ, пріобрѣвшій на первый разъ большую, но не долгую популярность, появился на каѳедрѣ немного позднѣе, а Надеждинъ началъ читать лишь въ 1832 году, и Лермонтовъ могъ слушать его только въ по-

[1]) Искандеръ. Былое и Думы. Лонд. 1861, т. I, стр. 134, 152 — 4.

слѣднее полугодіе своего пребыванія въ университетѣ. На первомъ курсѣ студенты всѣхъ отдѣленій обязательно слушали словесность у Побѣдоносцева, преподававшаго риторику по старинным преданіямъ, по руководствамъ Ломоносова, Рижскаго и Мерзлякова. Онъ читалъ о хріяхъ, инверсахъ и автоніанахъ, но главное вниманіе свое обращалъ на практическія занятія: неуклонно требовалъ соблюденія правилъ грамматики, занималъ студентовъ переводами съ латинскаго и французскаго языковъ, при чемъ строго слѣдилъ за чистотою слога и преслѣдовалъ употребленіе иностранныхъ словъ и оборотовъ. Особенно любилъ задавать студентамъ темы на сочиненія и требовалъ, чтобы слушатели подавали ему „хрійки“. Лекціи богословія читались Терновскимъ самымъ схоластическимъ образомъ. По обычаю семинаріи, кто-нибудь изъ студентовъ вступалъ съ профессоромъ въ діалектическій споръ. Терновскій сердился, но спорилъ. Когда споръ прекращался, онъ заставлялъ кого-нибудь изъ слушателей пересказывать содержаніе прошедшей лекціи. Каченовскій читалъ соединенную исторію и статистику Россійскаго государства и правила россійскаго языка и слога, относящіяся преимущественно къ поэзіи. Всеобщую исторію читалъ Ульрихсъ по Гейму, греческую словесность и древности преподавалъ Ивашковскій, Снегиревъ—римскую словесность и древности, нѣмецкій языкъ — Кистеръ, французскій—Декампъ [1]). О всѣхъ этихъ профессорахъ, за исключеніемъ Каченовскаго, ихъ бывшій слушатель, знаменитый авторъ „Обломова“, И. А. Гончаровъ, даетъ самые отрицательные отзывы въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ.

Изъ лекцій подобныхъ профессоровъ, конечно, нельзя было почерпнуть ни особыхъ знаній, ни возвышеннаго идеализма. Лишь 2 — 3 человѣка изъ всего преподавательскаго состава университета могли вліять на юношество, направляя къ серьезному труду. Студенты, по отзывамъ современника, учились плохо, но все же университетъ приносилъ огромную пользу. „Больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія,—юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ... Въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой, и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея. До 1848 года устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому, кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпост-

[1]) Соч. Лермонтова, изд. П. А. Висковатаго, т. VI, стр. 104—105.

нымъ, ни крестьяниномъ, не уволеннымъ своей общиной... Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ; объ англійскихъ университетахъ я не говорю: они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей бѣлой костью или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ „воды и огня“, замученъ товарищами. Внѣшнія различія, дѣлившія студентовъ, и то не глубокія, шли изъ другихъ источниковъ... Нѣмцы держали себя нѣсколько въ сторонѣ и были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ. Все воспитаніе несчастныхъ семинаристовъ, всѣ ихъ понятія были совсѣмъ иныя, чѣмъ у насъ, мы говорили разными языками; они, выросшіе подъ гнетомъ монашескаго деспотизма, забитые своей риторикой и теологіей, завидовали нашей развязности; мы — досадовали на ихъ христіанское смиреніе... Молодежь была прекрасная на нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь рано исчезали, не замѣнялись еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассессоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ. Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи все, что приходило въ голову, тетрадки запрещенныхъ стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями, и при всемъ томъ, я не помню ни одного доноса изъ аудиторіи, ни одного предательства. Были робкіе молодые люди уклонявшіеся, отстранявшіеся, но и тѣ молчали [1])“.

Это было время образованія среди молодежи знаменитыхъ кружковъ Бѣлинскаго, Станкевича, Герцена, сыгравшихъ такую видную роль въ умственномъ и политическомъ развитіи нашего общества. Ни въ одинъ изъ такихъ кружковъ Лермонтовъ не вошелъ, онъ держался, напротивъ, вдали отъ товарищей, погруженный въ свои думы, въ чтеніе. Случайныя воспоминанія его однокурсника, Вистенгофа, пока-

[1]) Былое и Думы, т. I, стр. 134—136, 148—149, 156.

зываютъ, что Лермонтовъ какъ-то демонстративно отвергалъ всякія попытки товарищей къ сближенію, что онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ товарищамъ, какъ къ людямъ, стоявшимъ ниже его по развитію. Столь же демонстративно сходился онъ съ разными свѣтскими, пустыми господами. Объ этомъ онъ разсказываетъ въ романѣ „Княгиня Лиговская", изображая времяпровожденіе Печорина, подъ видомъ котораго онъ выставлялъ самого себя, хотя нужно сказать, что краски въ этомъ беллетристическомъ портретѣ сильно сгущены. „Всѣ путешествія Печорина ограничивались поѣздками съ толпой такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій паркъ, въ Сокольники и въ Марьину рощу. Можно вообразить, что они не брали съ собой тетрадей и книгъ, чтобы не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было, впрочемъ, не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе. Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывъ глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ „la bande joyeuse"...

Однако, если даже согласиться съ тѣмъ, что вся эта характеристика Печорина относится къ самому Лермонтову, приходится сказать, что она далеко не совсѣмъ правильна, что Лермонтовъ въ сущности не былъ такимъ пустымъ человѣкомъ, какимъ представляется его герой, и что во время его пребыванія въ университетѣ его интересовали не одни кутежи и свѣтскія похожденія. Между прочимъ, изъ поэмы „Сашка" мы узнаемъ, что Лермонтову не совсѣмъ чуждо было и студенческое товарищество, что университетъ оставилъ въ немъ навсегда свѣтлое воспоминаніе, что онъ, можетъ быть, принималъ участіе и въ серьезныхъ, горячихъ спорахъ какихъ-нибудь товарищескихъ кружковъ. Взять хотя бы слѣдующіе стихи:

Святое мѣсто! Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,

Ихъ сертуки, висящіе клочками.
Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто—въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ—шумятъ;
Уходитъ—втрое хуже...

Вѣдь въ этихъ строкахъ несомнѣнно сквозитъ симпатія къ „святому мѣсту“, и къ его „сынамъ“, и къ тѣмъ серьезнымъ (а порой и пустымъ) спорамъ, которые велись между товарищами. Такая симпатія врядъ ли могла быть при совершенномъ отчужденіи отъ товарищеской среды и вліяніе этой среды, вѣроятно, не было вполнѣ безразличнымъ именно въ томъ гражданскомъ направленіи, о которомъ, какъ мы видѣли, говоритъ Герценъ. Правда, и до университета Лермонтовъ отозвался на іюльскую революцію, но подавленіе бунта военныхъ поселеній нашло въ немъ отголосокъ уже во время студенчества, а также, думается намъ, не было вполнѣ случайнымъ совпаденіе въ отношеніяхъ къ крѣпостному праву, обнаруживающееся въ студенческихъ драмахъ Бѣлинскаго и Лермонтова и отмѣченное покойнымъ П. А. Висковатовымъ. Герой Лермонтовской драмы „Странный человѣкъ“ выражаетъ несомнѣнно чувства и взгляды самого поэта, когда, услышавъ о жестокомъ обращеніи помѣщицы съ крестьянами, онъ въ ужасѣ восклицаетъ: „Люди, люди! и до какой степени злодѣйства доходятъ женщины, твореніе иногда столь близкое къ ангелу! О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство—все куплено кровавыми слезами!... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... О, мое отечество, мое отечество!“ Наконецъ, мы думаемъ, что не лишено значенія и то обстоятельство, что среди произведеній Лермонтова, написанныхъ за время его студенчества, мы совсѣмъ не находимъ ничего подобнаго тому цинизму и той пошлости, которыми отличаются нѣкоторыя его произведенія болѣе поздней поры, времени ученія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и отсюда можно заключить, что вліяніе свѣтской пошлой молодежи, если и проявлялось въ жизни Лермонтова въ студенческіе годы, умѣрялось въ сильной степени тѣмъ, что давала поэту университетская среда, направлявшая его къ болѣе возвышеннымъ, серьезнымъ интересамъ.

Недолго, однако, пробылъ Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ: вслѣдствіе столкновеній съ профессорами, особенно съ Побѣдоносцевымъ, или какихъ-нибудь другихъ причинъ онъ вынужденъ былъ выйти изъ университета въ іюнѣ 1832 г. Переселившись въ Петербургъ, онъ хотѣлъ продолжать занятія въ здѣшнемъ университетѣ, но отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ совѣтъ Петербургскаго университета не согласился зачесть время, проведенное Лермонтовымъ въ Московскомъ, а кромѣ того былъ поднятъ вопросъ объ увеличеніи университетскаго курса до четырехъ лѣтъ, вмѣсто прежнихъ трехъ, и Лермонтову при этихъ условіяхъ удалось бы окончить курсъ лишь въ 1836 году.

Лермонтовъ рѣшается поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣшнее Николаевское кавалерійское училище). Еще недавно эта школа стояла очень высоко: основанная съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать военному воспитанію молодыхъ людей, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и посвятившихъ себя военной службѣ, она отличалась серьезнымъ направленіемъ, и ея воспитанники выдѣлялись въ военной средѣ своимъ образованіемъ. Въ этой школѣ уже учились многіе товарищи Лермонтова по Московскому университету, и поступая въ нее, Лермонтовъ не могъ думать, что онъ попадаетъ въ среду пустыхъ, невѣжественныхъ юношей, нисколько не похожихъ на его прежнихъ товарищей. Но какъ разъ въ это время въ школѣ произошли перемѣны, вслѣдствіе которыхъ ея воспитательно-образовательный уровень значительно понизился. Идеаломъ стала фронтовая выправка, а серьезное умственное развитіе было отодвинуто на задній планъ. Признано было необходимымъ юнкеровъ подтянуть, и этимъ занялся самъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній, великій князь Михаилъ Павловичъ. „Прежнее устройство школы,—говоритъ П. А. Висковатовъ, — болѣе свободное, мало чѣмъ отличалось отъ устройства тогдашнихъ университетовъ. Школа имѣла видъ скорѣе военнаго университета съ воспитанниками, жившими въ стѣнахъ его, на подобіе того, какъ жили казеннокоштные студенты въ Московскомъ университетѣ. Нравы и обычаи въ обоихъ учрежденіяхъ немногимъ отличались другъ отъ друга, если только взять въ соображеніе разницу, которая происходила отъ общественнаго положенія молодыхъ людей. Казеннокоштные студенты университета были люди изъ бѣдныхъ семей, въ „школѣ“ же это были сыновья богатыхъ и знатныхъ родителей [1]).

Рѣшившись поступить въ военную школу, Лермонтовъ

---

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 171.

былъ не особенно радостно настроенъ; онъ прямо говорилъ, что испытываетъ горе, что его слѣдуетъ пожалѣть, а своему другу, М. А. Лопухиной, писалъ: „Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость: до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я—воинъ. Быть можетъ, тутъ есть особая воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче; и если онъ не ведетъ къ моей первой цѣли, можетъ быть, по немъ дойду до послѣдней цѣли всего существующаго; вѣдь лучше умереть съ свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія“. А черезъ годъ онъ пишетъ той-же Лопухиной: „Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, со мной случилось такъ много страшныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ—путемъ ли порока или пошлости. Правда, оба эти пути ведутъ часто къ той-же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня — это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: скажи съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ... Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мои мечтанія разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, обходиться безъ нихъ. Я сталъ пробовать; я походилъ въ то время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были тщетными, и скоро прошлое стало представляться мнѣ не болѣе, какъ программою незначительныхъ и весьма обыденныхъ похожденій... Я не тотъ, какимъ былъ прежде: я чувствую и говорю иначе и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще стану въ теченіе года! Жизнь моя здѣсь была вереницей разочарованій, что заставляетъ меня теперь смѣяться, смѣяться надъ собой и надъ другими...“. При такихъ впечатлѣніяхъ, не мудрено, что Лермонтовъ называлъ годы своего пребыванія въ школѣ подпрапорщиковъ „страшными“ и „злополучными“.

Бывшаго студента не могла не стѣснять военная дисциплина школы, ему трудно было свыкаться съ тѣсной курткой, съ маршировками и парадировками, которыя имѣли такое значеніе въ обученіи юнкеровъ; еще труднѣе, конечно, было ему мириться съ запретомъ читать книги чисто-литературнаго содержанія; не могла его удовлетворять и товарищеская среда, духовные интересы которой были весьма не высоки. Онъ не сближался съ товарищами, не открывалъ имъ своего внутренняго міра. „Напротивъ, онъ любилъ удаляться отъ нихъ и предаваться своимъ мечтаніямъ и творчеству въ уединеніи, рѣдко кому читая отрывки изъ своихъ

задушевныхъ произведеній, чувствуя, что они будутъ не такъ поняты и боясь каждой неосторожной, глубоко оскорбляющей выходки. Въ отношеніяхъ его къ товарищамъ была, слѣдовательно, нѣкоторая неестественность, которую онъ прикрывалъ веселыми остротами, и такія выходки при остромъ и зломъ языкѣ, конечно, должны были подчасъ коробить тѣхъ, противъ кого были направлены".

Возможность ужиться съ этимъ пустымъ міромъ юнкеровъ была одна: надѣть маску, затаить въ глубинѣ души жившія въ поэтѣ высокія, идеальныя стремленія, подладиться подъ общій уровень пошлаго и грязнаго товарищества, стать по внѣшности такимъ же „шалуномъ", забіякой, „молодцомъ", какъ и всѣ остальные юнкера, принять дѣятельное участіе въ ихъ попойкахъ, кутежахъ и всякихъ иныхъ похожденіяхъ. Въ рукописномъ журналѣ „Школьная Заря", издававшемся юнкерами, Лермонтовъ помѣщаетъ разныя свои стихотворенія, содержаніе которыхъ, по замѣчанію одного библіографа, „по своей скабрезности едва-ли не превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова." Эти произведенія создаютъ поэту дешевую популярность въ товарищеской средѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, распространяясь за стѣнами школы, возбуждаютъ противъ него негодованіе серьезныхъ людей, которые считаютъ его безнравственнымъ циникомъ.

А между тѣмъ этотъ циникъ по существу былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и совершенно справедливо его оцѣниваетъ А. Н. Пыпинъ, говоря: „Лермонтовъ, съ дѣтства мало сообщительный, не былъ сообщителенъ и въ школѣ. Онъ представлялъ товарищамъ своимъ шуточныя стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серьезныя заботы. У него было два рода серьезныхъ интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую,—и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противоположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли разсказать, кромѣ анекдотовъ и внѣшнихъ случайностей его жизни; ни у кого не было въ мысли затронуть болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями,—объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ школы". Въ этихъ пись-

махъ мы видимъ, между прочимъ, что его не удовлетворяла не только школа, но и вообще то свѣтское общество, въ которое ему привелось войти въ Петербургѣ. Еще въ 1832 г. онъ писалъ Лопухиной: „Вы просите назвать Вамъ всѣхъ, у кого бываю. Изъ всѣхъ лицъ, съ которыми имѣю общеніе, пріятнѣйшее для меня—это я. Правда, по пріѣздѣ я навѣщалъ довольно часто родныхъ своихъ, съ коими долженъ познакомиться, но подъ конецъ нашелъ, что лучшій изъ родственниковъ моихъ—я самъ. Видѣлъ я образчики здѣшняго общества—дамъ весьма любезныхъ, молодыхъ людей весьма вѣжливыхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, узкаго и незамысловатаго, но въ которомъ съ перваго раза легко можно потеряться,—до того хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все самобытное".

Въ этотъ самый свѣтъ „завистливый и душный" вступилъ Лермонтовъ послѣ производства въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, 2 ноября 1834 года, и, конечно, послѣ того его жизнь не могла стать счастливѣе, а даже скорѣе его должны были ожидать новыя горести, новыя разочарованія. Очень хорошо характеризуетъ положеніе въ этомъ обществѣ людей, сколько-нибудь выдающихся, кн. Васильчиковъ, близко знавшій Лермонтова. „Парады и разводы для военныхъ, говоритъ онъ, придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ торжественные сроки праздниковъ 6 декабря, въ новый годъ и въ Пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ въ фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры — вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество, представителями коего были не Лермонтовъ и Пушкинъ, а молодцоватые Скалозубы и всепокорные Молчалины. Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту, и не зная, куда дѣться, не находя пищи ни для дѣла, ни для ума, предавались буйному разгулу, погубившему многихъ изъ насъ. Лучшіе изъ офицеровъ старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и Красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и придворному обществу, составляли грушу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадеровъ и танцоровъ".

Лермонтову оставалось одно: жить въ этомъ обществѣ такъ же, какъ онъ жилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, т.-е. затаивъ про себя свои запросы, по внѣшности сливаться съ общимъ уровнемъ окружающей среды, принимать участіе во всякихъ кутежахъ, попойкахъ, „ша-

лостяхъ“ гвардейской молодежи. „Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ (какъ вспоминаетъ гр. Ростопчина) сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга: онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ всего того, что составляло жизнь въ эти годы“. Желаніемъ обратить на себя вниманіе свѣта объясняются любовныя похожденія Лермонтова и прежде всего его романъ съ Е. А. Хвостовой, урожденной Сушковой, которая съ пренебреженіемъ отнеслась къ нему, когда онъ увлекался ею еще почти мальчикомъ. „Если, разсказываетъ поэтъ, я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало разсчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидѣлъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно также займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой. Романъ съ Сушковой былъ не единственнымъ, и та же гр. Ростопчина такъ характеризуетъ любовныя похожденія Лермонтова: „Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся“.

Но такое времяпровожденіе было опять-таки своего рода маскою, за которой Лермонтовъ скрывалъ отъ свѣта серьезную внутреннюю работу, въ немъ происходившую. Онъ много въ то время читаетъ, о многомъ размышляетъ, опредѣляетъ свое міросозерцаніе, переходя отъ тревожныхъ исканій юности къ болѣе яснымъ и отчетливымъ взглядамъ на жизнь, на свое призваніе. Онъ знакомится съ русской исторіей, изучаетъ внимательно русскую поэзію, и результатомъ этихъ изученій является сперва поэма „Бояринъ Орша“, а затѣмъ такое совершенное въ художественномъ отношеніи произведеніе, какъ „Пѣсня про купца Калашникова“, начатая уже теперь, но окончательно обработанная

въ 1838 г. Кромѣ того, онъ задумываетъ драму, въ которой, на подобіе „Горе отъ ума“, хочетъ представить современное пустое русское общество,—и тутъ-то онъ встрѣтился съ тѣми „независящими обстоятельствами“, которыя тяжкимъ бременемъ легли на всю исторію русской литературы. Не смотря на то, что поэтъ передѣлывалъ нѣсколько разъ свое произведеніе, ни цензурное вѣдомство, ни III Отдѣленіе не допускали его драмы на сцену „по причинѣ, какъ сказали Лермонтову, слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель недостаточно награждена. Наконецъ, въ то же время поэтъ работаетъ надъ своимъ „Демономъ“, котораго уже давно задумалъ.

Но вся эта работа совершается въ тиши отъ свѣта, въ печать не проникаетъ за это время почти ничего изъ произведеній Лермонтова, котораго свѣтъ знаетъ, какъ лихого кутилу-гусара и какъ автора циническихъ стихотвореній юнкерской поры. И вдругъ совершается событіе, открывающее свѣту этого гусара совсѣмъ съ новой стороны. Убитъ на дуэли Пушкинъ, и Лермонтовъ пишетъ по этому поводу свое знаменитое стихотвореніе, сначала безъ заключительныхъ 16 стиховъ. „Оно прочтено было Государемъ и другими лицами и въ общемъ удостоилось высокаго одобренія. Разсказывали, что великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ даже: „Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина“; что Жуковскій призналъ въ немъ проявленіе могучаго таланта, а князь Вл. Ѳед. Одоевскій по адресу Лермонтова наговорилъ комплиментовъ при встрѣчѣ съ его бабушкой, Арсеньевой. Толковали, что Дантесъ страшно разсердился на новаго поэта, и что командиръ л.-гв. гусарскаго полка утверждалъ, что не сиди убійца Пушкина на гауптвахтѣ, онъ непремѣнно послалъ бы вызовъ Лермонтову за его ругательные стихи. Но самъ Государь выразилъ относительно стиховъ довольство свое. Такимъ образомъ, неудобно было не находить прекраснымъ стихотвореніе молодого гусарскаго офицера, хоть и не нравились его нападки на Дантеса и на тотъ новый кругъ Пушкинскихъ знакомыхъ, который нехотя принялъ его въ свою среду“ [1]). Но все это измѣнилось, какъ только появились послѣдніе 16 стиховъ, написанные Лермонтовымъ подъ вліяніемъ бесѣды съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, свѣтскимъ человѣкомъ, камеръ-юнкеромъ Столыпинымъ, который защищалъ Дантеса, находя, что онъ бы не могъ иначе поступить, какъ благородный человѣкъ. Стихи быстро распространились и, конечно, обличенная поэтомъ камарилья не могла простить молодому

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 242.

*

гусару того, что онъ осмѣлился „отдѣлать на чемъ свѣтъ стоитъ la crème de la noblesse“. Лермонтовъ былъ арестованъ, и 25 февраля 1837 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ его на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Во время этой первой ссылки Лермонтовъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ отряда генерала Вельяминова и много странствовалъ по Кавказу, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ С. А. Раевскому: „Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, я находился въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское...“ Писалъ онъ много, но большая часть произведеній этой поры пропала, а въ печать проникли „Бородино“, написанное, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ боевыхъ разсказовъ солдатъ, и окончательно обработанная „Пѣсня про купца Калашникова“.

Въ октябрѣ того же года ссылка кончилась, и Лермонтовъ былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, хотя этотъ переводъ и не особенно его радовалъ. „Скучно ѣхать въ новый полкъ, писалъ онъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта, и серьезно думаю выйти въ отставку“. Передъ тѣмъ, чтобы пріѣхать на мѣсто новой службы, онъ побывалъ въ Петербургѣ, но его впечатлѣнія не были благопріятны, какъ это видно изъ его письма къ М. А. Лопухиной отъ 15 февраля 1838 года. „Я все поджидалъ, пишетъ онъ, не случится ли со мною чего хорошаго, чтобы увѣдомить васъ о томъ: но ничего не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ скучно до смерти. Первые дни послѣ пріѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты—вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобы я бросилъ службу, хотя мнѣ было бы и можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мной поступили въ гвардію, теперь уже въ отставкѣ. Наконецъ, я такъ упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту; тогда, по крайней мѣрѣ, былъ бы предлогъ къ сѣтованіямъ, а это все же было бы утѣшеніемъ“. Въ концѣ февраля Лермонтовъ былъ уже въ Новгородѣ, въ Гродненскомъ полку, но пробылъ тамъ очень недолго, и на Пасху 1838 г., по ходатайству Е. А. Арсеньевой, былъ возвращенъ въ Петербургъ въ прежній полкъ.

Хотя на этотъ разъ въ высшемъ обществѣ его принимали очень любезно, высказывали къ нему живой интересъ, какъ къ поэту и къ человѣку, побывавшему на Кавказѣ, самъ Лермонтовъ не могъ измѣнить своего отношенія къ этому обществу, которое онъ охарактеризовалъ въ „Думѣ“. Онъ видѣлъ себя предметомъ какой-то моды, и, конечно, это нисколько не могло примирять его съ обществомъ, которое совсѣмъ не могло его понимать, какъ это видно, хотя бы изъ слѣдующаго отзыва одного изъ его товарищей: „Entre nous soit dit, я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ препустой малый, плохой офицеръ и поэтъ неважный. Въ то время мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ, изгрызетъ множество перьевъ, поломаетъ карандашей и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну, развѣ это поэтъ?“ Съ подобными учителями и судьями пришлось поэту опять надѣть маску, опять замкнуться въ себѣ и иногда на зло свѣту щеголять своей мнимой пустотой. „Онъ былъ, говоритъ о Лермонтовѣ И. И. Панаевъ, неизмѣримо выше среды, окружавшей его, и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ. Это—тупые мудрецы, важничающіе своей дѣятельностью и разсудочностью и не видящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе казаться самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ.

И отношеніе Лермонтова къ этому пустому свѣтскому обществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ тоска, которую онъ испытывалъ въ Петербургѣ, лучше всего характеризуются въ слѣдующемъ его письмѣ къ М. А. Лопухиной, написанномъ уже въ 1839 г.: „Я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ. Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно... Можетъ быть, вы найдете страннымъ искать удовольствій и скучать ими, ѣздить по гостинымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ—суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня

всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго вниманія; дамы съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ хотятъ, чтобъ я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже левъ; да, я вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянить; но, къ счастью, меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю находить все это невыносимымъ. Эта новая опытность полезна въ томъ, что она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, и если когда-либо оно меня будетъ преслѣдовать своими клеветами (что непремѣнно случится), тогда у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низкаго и смѣшного, какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня нашли бы наиболѣе смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю, какъ съ своей совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ".

Въ началѣ 1840 г. Лермонтова ждало новое свѣтское столкновеніе. Ухаживая за одной свѣтской дамой, Лермонтовъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ сына французскаго посланника, виконта де-Баранта и рѣзко о немъ отозвался. Слова Лермонтова были переданы въ искаженномъ видѣ де-Баранту, и между соперниками произошло объясненіе, приведшее къ дуэли. За эту дуэль, окончившуюся примиреніемъ, Лермонтовъ былъ 10 марта 1840 г. арестованъ и отданъ подъ судъ. Во время заключенія Лермонтова на гауптвахтѣ его посѣтилъ Бѣлинскій, и между знаменитымъ критикомъ и поэтомъ произошелъ разговоръ, о которомъ Бѣлинскій передавалъ И. И. Панаеву слѣдующія подробности: „Я попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!! Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вышелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію,— думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверти часа... Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и о Вальтеръ-Скоттѣ...—„Я не люблю Вальтеръ-Скотта", — сказалъ мнѣ Лермонтовъ, „въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ" и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь.

Я смотрѣлъ на него—и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтера-Скотта къ Куперу и говорилъ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ, и, что удивило меня, даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ. Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя „хотя на минуту быть самимъ собою—я увѣренъ въ этомъ“. Сообщая объ этой бесѣдѣ В. П. Боткину, Бѣлинскій съ восторгомъ отзывается о Лермонтовѣ: „Глубокій и могучій духъ! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго!“

13 апрѣля 1840 г. Николай Павловичъ на приговорѣ генералъ-аудиторіата написалъ слѣдующую конфирмацію: „Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ“. Такимъ образомъ Лермонтовъ снова попадаетъ на Кавказъ, въ боевую жизнь. Онъ состоялъ въ Чеченскомъ отрядѣ генерала Голофѣева и принималъ участіе въ походахъ противъ горцевъ. Въ оффиціальномъ донесеніи говорилось, что „ему была поручена конная команда изъ казаковъ охотниковъ, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встрѣчала непріятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала въ бѣгство сильныя партіи“. Храбрость Лермонтова удостовѣряется и въ донесеніи генерала Голофѣева о сраженіи при Валерикѣ: „Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы“.

Описалъ Лермонтовъ это сраженіе въ чудныхъ стихахъ, но кромѣ этого вообще много работалъ за это время для поэзіи. Теперь онъ заканчивалъ романъ „Герой нашего времени“, начатый еще въ 1838 году, а также написалъ рядъ лирическихъ стихотвореній. Эта высылка была пре-

рвана отпускомъ съ декабря 1840 г. до мая 1841 г., когда поэтъ успѣлъ въ послѣдній разъ побывать въ Петербургѣ. Здѣсь онъ думалъ выхлопотать себѣ увольненіе въ отставку, но высшее военное начальство, а въ особенности шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ не допустили отставки. Какъ предполагаетъ съ нѣкоторымъ основаніемъ П. А. Висковатый, Бенкендорфъ „не желалъ имѣть въ столицѣ „безпокойнаго“ молодого человѣка, становившагося любимцемъ „публики“, собиравшагося къ тому же основать журналъ. Высылая Лермонтова и на этотъ разъ на Кавказъ, предписали мѣстному начальству ни подъ какимъ видомъ не удалять его изъ фронта полка, т.-е. не прикомандировывать къ экспедиціямъ противъ горцевъ, и такимъ образомъ лишить его возможности выслужить отставку, о которой онъ такъ мечталъ, желая всецѣло отдаться литературѣ.

Послѣдніе два мѣсяца своей жизни Лермонтовъ провелъ въ Пятигорскѣ. Здѣсь онъ часто бывалъ въ домѣ генерала Верзилина. Время проходило очень весело, такъ какъ хлѣбосольный хозяинъ, радушная хозяйка и три красивыя веселыя дочери привлекали въ домъ молодыхъ людей. Среди посѣтителей этого дома былъ маіоръ Н. С. Мартыновъ, человѣкъ въ сущности пустой, отличавшійся крайнимъ самолюбіемъ. Быть можетъ, соперничая съ нимъ въ ухаживаніи за дѣвицами Верзилиными, Лермонтовъ подмѣтилъ нѣкоторыя смѣшныя его стороны, сталъ преслѣдовать его своими насмѣшками, рисовалъ на него каррикатуры, далъ ему кличку montagnard au grand poignard (горецъ съ большимъ кинжаломъ), такъ какъ Мартыновъ ходилъ въ черкескѣ съ огромнымъ кинжаломъ. Эти насмѣшки сильно задѣли Мартынова, онъ вызвалъ Лермонтова на дуэль, и 15 іюля 1841 г. поэтъ былъ убитъ. Вѣсть о его смерти поразила всѣхъ любившихъ литературу и ожидавшихъ отъ его генія новыхъ великихъ созданій, но въ великосвѣтскомъ кругу нашлись и такіе люди, которые встрѣтили это извѣстіе совсѣмъ равнодушно: для нихъ геніальный поэтъ оставался по прежнему пустымъ гусарскимъ офицеромъ, непріятнымъ въ обществѣ. Это были тѣ же палачи „свободы, генія и славы“, которые раньше сгубили Пушкина.

Литературныя вліянія.

Вопросъ о литературныхъ вліяніяхъ имѣетъ весьма существенное значеніе, въ особенности въ томъ случаѣ, когда мы касаемся произведеній такого поэта, творчество котораго оборвалось, какъ это было съ Лермонтовымъ, въ очень сравнительно раннемъ возрастѣ. Какъ бы ни былъ могучъ талантъ поэта, оригинальность его въ полной мѣрѣ проявляется только съ годами, и даже величайшіе геніи обыкновенно начинаютъ подражаніемъ своимъ предшественникамъ, заимствуя у нихъ сюжеты, образы, внѣшнюю форму выраженія, въ той или иной мѣрѣ подчиняясь настроеніямъ, навѣяннымъ современной или прежней литературой. Поэтъ какъ бы проходитъ извѣстную школу въ своемъ творчествѣ, и слѣдованіе по пути, проложенному другими, является для него часто средствомъ къ раскрытію въ будущемъ своей собственной духовной силы. У однихъ процессъ подражанія заканчивается раньше, у другихъ позже, но мы не можемъ указать ни на одного поэта, который выступилъ бы на литературное поприще прямо, какъ совершенно самобытный творецъ. Кромѣ простого подражанія и заимствованія, духовная связь между поэтами сказывается и въ особаго рода вліяніи, которое можно уподобить взаимодѣйствію одинако настроенныхъ струнъ: въ творчествѣ поэта невольно находятъ отзвукъ мотивы, затронутые его предшественниками, настроеніе которыхъ совпадаетъ съ его собственными думами и стремленіями.

Если такимъ образомъ вліяніе одного поэта на другого и даже прямое подражаніе могутъ считаться своего рода общимъ явленіемъ, то говоря о нихъ въ примѣненіи къ творчеству того или другого поэта, мы въ сущности имѣемъ въ виду разрѣшить вопросы лишь о характерѣ вліянія, его силѣ и продолжительности, мы ставимъ своей цѣлью изслѣдованіе того, было ли въ творчествѣ даннаго поэта дѣйствительное подражаніе извѣстнымъ образцамъ, испытывалъ ли онъ на себѣ поглощающее вліяніе другого творца, вліяніе, доходящее до степени подчиненія съ идей-

ной и формальной стороны, или же, наконецъ, совпаденіе въ отдѣльныхъ чертахъ можетъ объясняться, какъ результатъ одинаковыхъ настроеній, сходныхъ обстоятельствъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать поэтамъ.

Когда съ подобными вопросами мы подходимъ къ творчеству Лермонтова, то уже чуть ли не съ первыхъ произведеній нашего поэта намъ бросается въ глаза исключительная сила вліяній на него двухъ „властителей думъ“ той эпохи, въ которую начинается его творчество, мрачнаго генія „безочарованія“, Байрона и многограннаго, свѣтлаго генія нашей поэзіи, Пушкина. На этихъ-то двухъ вліяніяхъ мы прежде всего и остановимся.

Разочарованіе, тревожное состояніе духа, характерное для байронизма, должно было захватить представителей нашей молодой поэзіи 20-хъ годовъ XIX в. главнымъ образомъ потому, что нашей интеллигенціи того времени пришлось пережить полное крушеніе свѣтлыхъ ожиданій, зародившихся въ началѣ столѣтія. Политическая реакція была основой развитія на Западѣ поэзіи міровой скорби, и до извѣстной степени аналогичныя обстоятельства дѣлаютъ эту поэзію популярною и у насъ. Но кромѣ этихъ общихъ причинъ байронизмъ Лермонтова коренится въ нѣкоторыхъ чисто личныхъ мотивахъ, какъ это видно изъ слѣдующаго его стихотворенія, написаннаго имъ въ 1830 г., послѣ прочтенія біографіи Байрона, составленной Муромъ:

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Нѣтъ! Всѣ мои жестокія мученья —
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.
Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки;
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!..
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы!..
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ — прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ — тамъ нѣтъ души родной!

Въ это время нашему поэту было всего 16 лѣтъ, но, какъ мы знаемъ изъ его біографіи, онъ испыталъ ужъ не мало тяжелыхъ впечатлѣній отъ окружавшей его обстановки, и познакомившись съ произведеніями Байрона, онъ могъ найти въ нихъ много такого, что соотвѣтствовало его

собственному настроенію. Вполнѣ естественнымъ явилось желаніе сопоставлять факты изъ своей жизни съ тѣмъ, что ему раскрылось при чтеніи книги Мура, и Лермонтовъ въ томъ же 1830 г. вноситъ въ свою записную тетрадь такое „замѣчаніе“: „Когда я началъ марать стихи въ 1828 г. (въ пансіонѣ), я, какъ бы по инстинкту, переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же — это сходство меня поразило!“. Нѣсколько позже, въ другой тетради находимъ новую замѣтку: „Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ *великій человѣкъ* и будетъ два раза женатъ. Про меня на Кавказѣ предсказала *то же самое* старуха моей Бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя бъ я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ“. Стремленіе даже въ мелочахъ отыскивать сходство между собою и міровымъ геніемъ, всѣми признаннымъ „властителемъ думъ“, вполнѣ естественно въ мальчикѣ, только что начинающемъ писать; естественно также со стороны этого мальчика и подражаніе великому поэту въ выборѣ темъ, въ характеристикѣ героевъ и ихъ отношенія къ жизни. Однако, не даромъ этотъ мальчикъ надѣленъ геніальною натурой, и въ немъ уже въ періодъ, казалось бы, слѣпого ученичества пробивается сознаніе своей оригинальности: хотя бы даже, по выраженію Н. А. Котляревскаго, „изъ чувства самозащиты“, изъ справедливаго опасенія, „что его назовутъ подражателемъ, какъ его, дѣйствительно, иногда называли“, этотъ мальчикъ стремится, увлекаясь Байрономъ, подчеркнуть, что въ немъ есть что-то свое, независимое отъ чужаго вліянія, и всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ приведенныхъ замѣтокъ онъ пишетъ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой
Еще невѣдомый избранникъ —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ.
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Я, или богъ, или никто.

Въ этихъ стихахъ нѣкоторые изъ критиковъ, какъ напр., Спасовичъ, видѣли какую-то фальшь и аффектацію;

но гораздо справедливѣе относятся къ нимъ французскій изслѣдователь, проф. Дюшенъ и академикъ Н. А. Котляревскій. „Того глубокаго смысла, который затаенъ въ творчествѣ Байрона, — говоритъ Н. А. Котляревскій,—Лермонтовъ не усвоилъ и не могъ усвоить, въ виду разницы историческихъ и общественныхъ условій, въ которыхъ выростали оба поэта. Лермонтовъ перенялъ только общій колоритъ байроническаго настроенія, какъ оно выразилось въ первыхъ произведеніяхъ Байрона. Это настроеніе было однимъ изъ преобладающихъ литературныхъ настроеній въ началѣ XIX вѣка, и можно было совсѣмъ не знать Байрона и въ то же самое время написать поэму въ его духѣ. Но во всякомъ случаѣ слѣды прямого вліянія Байрона въ стихахъ Лермонтова несомнѣнны, хотя упорство въ обрисовкѣ постоянно одного и того же типа, который имѣетъ столько сходнаго съ типами Байрона, показываетъ намъ ясно, что этотъ постоянно повторяющійся образъ коренился глубоко въ душѣ Лермонтова, былъ тѣсно и неразрывно связанъ съ его собственной психикой, а никакъ не навѣянъ извнѣ...

Опредѣляя далѣе характеръ вліянія Байрона на Лермонтова, Н. А. Котляревскій говоритъ: „Какъ всегда бываетъ въ первыя минуты увлеченья, внѣшность личности оттѣснила на второй планъ ея внутреннее содержаніе. Увлекаясь колоритной драпировкой байроновскихъ поэмъ, Лермонтовъ едва ли глубоко вникъ въ самый смыслъ жизни ихъ героевъ. Его прельщала больше поза героя, чѣмъ его внутренній міръ. Герои Байрона хоть и автопортреты, но прежде всего они борцы за идеалы очень широко понятой свободы личной и преимущественно общественной. Ихъ эгоизмъ, пессимизмъ и одиночество — печальный выводъ изъ суровой школы жизни, которую прошли не они только, а и весь современный имъ культурный міръ; ихъ вражда съ людьми — просчитавшаяся и обманутая любовь, — любовь, принесшая великія историческія жертвы.

„Этотъ широкій общественный принципъ слабо отмѣченъ въ сильныхъ лермонтовскихъ типахъ; самые видные изъ нихъ: Демонъ, Радинъ, герой „Маскарада“ и Печоринъ — люди съ кругозоромъ достаточно узкимъ, занятые лишь самими собой, себялюбивые резонеры. Но они далеко не выражаютъ всей правды души самого поэта. Лермонтовъ не подчеркнулъ въ нихъ того широкаго гуманнаго чувства, которое таилось въ глубинѣ его собственнаго сердца и не подчеркнулъ его при обрисовкѣ своихъ героевъ, именно потому, что не подражалъ Байрону, а самостоятельно трудился надъ задачей жизни и въ рѣшеніи ея не подвинулся пока еще настолько, чтобы такъ широко ставить вопросы, какъ ихъ ставилъ Байронъ.

„Экзальтированный мечтатель, съ большой склонностью къ рефлексіи, съ очень туманными идеалами, скрытный и любящій уединеніе — Лермонтовъ искалъ въ поэзіи Байрона лишь подтвержденія тѣмъ чувствамъ и мыслямъ, которыя самъ живо испытывалъ и передумалъ. Фантастичность обстановки, меланхолія, отчужденность, гордое уединеніе, любовь, всегда кончающаяся трагично, всегда возвышенная, идеальнострастная, величіе героевъ, поражающее своимъ внѣшнимъ блескомъ, — все это въ стихахъ Байрона плѣняло нашего поэта и находило сразу отзвукъ въ его сердцѣ. Любуясь показной стороной байроническихъ героевъ, поэтъ не задалъ себѣ вопроса: зачѣмъ и ради чего они ведутъ такой странный образъ жизни? Они понравились ему въ одинъ опредѣленный моментъ и въ одной опредѣленной позѣ. И въ эту позу Лермонтовъ часто ставилъ своихъ героевъ. Что же касается внутренняго развитія ихъ характера, то въ психологической мотивировкѣ ихъ образа мыслей и поступковъ, Лермонтовъ оставался вполнѣ самостоятеленъ. Онъ копировалъ самого себя, а не чужой образецъ. Вотъ почему онъ, при неясности собственнаго міросозерцанія, при всей своей растерянности въ рѣшеніи трудныхъ этическихъ проблемъ, не перенялъ цѣликомъ міровоззрѣнія Байрона, не сталъ повторять его политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ сентенцій. Онъ ждалъ, пока сама жизнь приведетъ его къ этимъ или сходнымъ выводамъ. Итакъ, когда мы говоримъ о вліяніи Байрона на Лермонтова, мы должны имѣть въ виду, что это вліяніе, хотя и продолжительное, было вліяніемъ одностороннимъ; оно поддерживало въ Лермонтовѣ настроеніе только опредѣленнаго отрицательнаго порядка и не давало его уму готоваго рѣшенія тѣхъ этическихъ вопросовъ жизни, которые его мучили. Поэзія Лермонтова начала выигрывать, и въ содержаніи, и въ формѣ, по мѣрѣ того, какъ поэтъ сближался съ жизнью больше и меньше читалъ свои любимыя книги. Положительная сторона въ рѣшеніи житейскихъ вопросовъ стала ему выясняться изъ событій его собственной жизни. Но это сближеніе съ людьми и интересами дѣйствительности давалось ему необычайно трудно. Лермонтовъ привыкъ становиться въ отношеніи къ окружавшей его обстановкѣ въ слишкомъ изолированное положеніе, въ знакомую намъ внѣшнюю байроническую позу и онъ чувствовалъ, что становится въ это положеніе, не имѣя ни достаточнаго оправданія въ прошломъ, ни ясныхъ видовъ на будущее. Сознаніе, что эта поза до извѣстной степени фальшива, тяготило Лермонтова, и въ тяжелыя минуты такого сознанія онъ, чтобы какъ-нибудь оправдать ее, бросалъ на бумагу тѣ пессимистическія мечты и мысли, въ которыхъ не щадилъ ни своего прошлаго, ни

будущаго, и предавалъ одинаковымъ проклятіямъ и воспоминанія, и надежды. Но если такое одностороннее вліяніе Байрона, не давая разрѣшенія жизненной загадки, тормозило въ извѣстномъ смыслѣ развитіе характера и творчества Лермонтова, то оно же предохраняло человѣка и поэта отъ измельчанія".

Подобно Н. А. Котляревскому, признавая непосредственное вліяніе Байрона на нашего поэта, и проф. Дюшенъ, какъ мы сказали, сильно ограничиваетъ размѣры этого вліянія, указывая, что оно болѣе всего проявлялось въ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова, сглаживалось съ годами и даже совсѣмъ исчезало, а пессимизмъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ лирическихъ стихотвореній нашего поэта гораздо въ большей степени объясняется его личными переживаніями, чѣмъ какими-либо внѣшними вліяніями.

Если вліяніе Байрона такимъ образомъ сводится въ творчествѣ Лермонтова къ общности настроенія обоихъ поэтовъ, и съ годами степень его значительно понижается, то вопросъ о вліяніи Пушкина представляется гораздо болѣе сложнымъ, прежде всего потому, что мы встрѣчаемся иногда даже чуть ли не съ прямымъ отрицаніемъ наличности этого вліянія. Такъ, напримѣръ, Н. А. Котляревскій утверждаетъ, что „отъ поэзіи Пушкина и Гете въ стихахъ Лермонтова остались слабые слѣды. Пушкину Лермонтовъ подражалъ лишь въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ самъ Пушкинъ шелъ навстрѣчу Байрону, какъ напримѣръ, въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" и въ „Цыганахъ". Въ міропониманіи Пушкина и Гете было для Лермонтова нѣчто неуловимое, неусвояемое, чуждое, и ни Пушкинъ, ни Гете не могли отвѣтить на тревожные душевные запросы юнаго вопрошателя жизни".

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ, что дѣйствительно міропониманіе Лермонтова рѣзко расходилось съ основнымъ строемъ поэзіи Пушкина; но тѣмъ не менѣе трудно въ такой степени умалять значеніе Пушкина для творчества Лермонтова, какъ это дѣлаетъ Н. А. Котляревскій, и справедливѣе разрѣшаютъ вопросъ тѣ изслѣдователи, которые, какъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, отмѣчаютъ весьма значительное количество слѣдовъ Пушкинскаго вліянія въ произведеніяхъ Лермонтова, при чемъ значеніе этого вліянія оказывается не только количественнымъ, но и качественнымъ.

Мы уже упоминали о подражаніяхъ Пушкину въ раннихъ юношескихъ поэмахъ Лермонтова и указывали на характеръ этихъ подражаній: по нимъ видно, что юный поэтъ какъ бы учился у своего великаго предшественника самой тактикѣ поэзіи, повторяя его манеры и пользуясь его обра-

зами. У кого же было поэтому учиться, какъ не у самого создателя новой нашей поэзіи! Что касается содержанія, то въ немъ Лермонтовъ болѣе послѣдователь Байрона, такъ какъ подражаетъ именно такимъ произведеніямъ Пушкина, которыя отмѣчены печатью байронизма, „Кавказскому Плѣннику“, „Цыганамъ“, при чемъ стремится именно усилить элементъ байроническій, недостаточно яркій въ поэмахъ Пушкина.

Проходятъ годы, поэтъ зрѣетъ, но его зависимость отъ Пушкина не исчезаетъ, пріобрѣтая, однако, нѣсколько иной характеръ. Пушкинъ по прежнему остается для него образцомъ поэтической формы, и онъ пользуется иногда вполнѣ открыто его стихотворнымъ размѣромъ: такъ, напримѣръ, приступая къ „Казначейшѣ“, онъ прямо заявляетъ:

Пускай слыву я старовѣромъ,
Мнѣ все равно, я даже радъ;
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.

Въ этой поэмѣ мы видимъ и рифмы, напоминающія Пушкинскій романъ, и общій складъ, весьма къ нему близкій, и отдѣльныя выраженія, иногда почти буквально сходныя, какъ напримѣръ, Пушкинскому „философу въ осьмнадцать лѣтъ“ соотвѣтствуетъ у Лермонтова „красавица въ осьмнадцать лѣтъ. Есть сходство и въ картинахъ: такъ, характеристика „блестящаго круга тамбовскаго въ „Казначейшѣ“ близка къ характеристикѣ общества помѣщиковъ, съѣхавшихся на именины Татьяны. Такое же сатирическое настроеніе, какъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, сквозитъ въ каждой черточкѣ изображенія этого „блестящаго круга“:

Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ,
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ.
. . . . . .
А вотъ уѣздный предводитель,—
Весь спрятанъ въ галстухъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ.
А вотъ спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ,—но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.
Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушеный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ
Нетесаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея.

Онъ понтируетъ, какъ велятъ,
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... Но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

Но, какъ мы сказали, съ годами эта зависимость Лермонтова отъ своего великаго учителя принимаетъ иную форму, становится не подражаніемъ, не перепѣвомъ тѣхъ же мотивовъ, а дальнѣйшею разработкою темъ, затронутыхъ Пушкинымъ. Приведемъ примѣры подобной разработки. Всѣмъ прекрасно извѣстное стихотвореніе „Три пальмы“ несомнѣнно имѣетъ связь съ Пушкинскими „Подражаніями Корану“, гдѣ мы находимъ и аналогичный размѣръ, и кое-какія черты картины, развивающейся у Лермонтова:

И путникъ усталый на Бога роптalъ,
Онъ жаждалъ томился и тѣни алкалъ,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ...
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ
И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы....
. . . . . .
И многіе годы надъ нимъ протекли [1])...
. . . . . .
Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодный
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей.....

Такія картины находимъ мы у Пушкина, и ясно видно ихъ близкое родство съ тѣмъ изображеніемъ пальмъ и родника, которое дается Лермонтовымъ. Однако, сходство останавливается только въ предѣлахъ внѣшней стороны изображенія, такъ какъ и по настроенію, и, такъ сказать, по центральному мотиву дѣйствія данныя произведенія Пушкина и Лермонтова представляются глубоко различными. Въ то время, какъ Пушкинъ сосредоточиваетъ вниманіе читателя на переживаніяхъ путника, причемъ пальма и кладязь являются только подробностями окружающей обстановки, а настроеніе, которымъ проникнуто стихотвореніе поэта, опре-

[1]) У Лермонтова: „И многіе годы неслышно прошли“.

дѣляется заключительнымъ „чудомъ въ пустынѣ“, когда „минувшее въ новой красѣ оживилось“ и святые восторги наполнили грудь“ странника;—для Лермонтова на первый планъ выдвигается гибель ропщущихъ пальмъ отъ безжалостной руки человѣка, возрожденія прежней красоты поэтъ не знаетъ, и примирительнаго аккорда у него мы не видимъ.

Такой же характеръ имѣетъ и сходство элегическихъ мотивовъ и нѣкоторыхъ подробностей „Вѣтки Палестины“ съ Пушкинскимъ стихотвореніемъ „Цвѣтокъ“; сходство это проявляется и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Цвѣтокъ.

Гдѣ *цвѣлъ?* Когда? Какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и *сорванъ кѣмъ*,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?
На память нѣжнаго-ль свиданья
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?
И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

Вѣтка Палестины.

Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
. . . . . .
И пальма та жива ль понынѣ?
. . . . . .
Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты?
. . . . . .
Повѣдай, *набожной рукою*
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто подъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ.

Подчеркнутыя нами выраженія несомнѣнно указываютъ на извѣстное внѣшнее сходство формы обоихъ стихотвореній; кромѣ этой внѣшности сходство есть, какъ мы сказали, и въ общемъ элегическомъ тонѣ сопоставляемыхъ произведеній, но на этомъ оно и заканчивается, и тотъ мотивъ глубокой религіозной поэзіи, которымъ проникнута

Лермонтовская „Вѣтка Палестины“, совершенно отсутствуетъ въ произведеніи Пушкина.

Указывается примѣръ совпаденія въ настроеніи нашихъ поэтовъ въ параллели между Пушкинскимъ „Узникомъ“ и нѣсколькими стихотвореніями Лермонтова („Узникъ“, „Сосѣдъ“, „Плѣнный рыцарь“ и „Сосѣдка“). Дѣйствительно, стремленіе на волю изъ душной темницы представляется общимъ основнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ стихотвореній, и вполнѣ естественно поэтому и совпаденіе въ нѣкоторыхъ образахъ, хотя бы въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Узникъ“—Пушкина.

Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: „Давай, улетимъ!
Мы *вольныя птицы*; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ, да я!

Сосѣдка.

Захоти лишь,— отворится клѣтка
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ...

Однако, и здѣсь совпаденія не могутъ служить поводомъ къ тому, чтобы предполагать какое либо заимствованіе Лермонтовымъ у Пушкина, и объясняются они аналогичностью жизненныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ извѣстныя настроенія и обратившихъ фантазію поэтовъ къ сходнымъ образамъ, къ антитезѣ вольной птицы узнику, томящемуся въ темницѣ, антитезѣ, далеко не исключительно принадлежащей Пушкину. Дальнѣйшей разработкой Пушкинскаго мотива можетъ считаться и знаменитое стихотвореніе „Пророкъ“, въ которомъ Лермонтовъ даетъ какъ бы продолженіе произведенія Пушкина; въ то время, какъ у Пушкина пророкъ представленъ до выступленія на проповѣдь, которою онъ долженъ „жечь сердца людей“, Лермонтовъ взялъ слѣдующій моментъ изъ жизни пророка, когда онъ встрѣтился съ равнодушіемъ, враждой и презрѣніемъ людей, которые не вѣрятъ его божественному избранничеству. Вполнѣ возможно, что самая идея представить пророка въ дѣйствіи возникла у Лермонтова подъ впечатлѣніемъ Пушкинскаго произведенія; но, конечно, совершенно ясно, что ни о заимствованіи, ни о подражаніи здѣсь рѣчи бѣть не можетъ, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ лишь весьма яркій фактъ

психологіи творчества, любопытный въ томъ отношеніи, что образъ, созданный однимъ поэтомъ, служитъ для другого источникомъ совершенно новыхъ поэтическихъ откровеній.

Наконецъ, подобнымъ же образцомъ дальнѣйшаго развитія Пушкинскихъ темъ и мотивовъ можно до нѣкоторой степени считать и романъ „Герой нашего времени“. Каковы бы ни были различія между Печоринымъ и Онѣгинымъ (о которыхъ мы будемъ говорить особо), не можетъ подлежать сомнѣнію, что отправнымъ пунктомъ при созданіи Печорина послужилъ именно Пушкинскій герой, и при всей разницѣ въ строеніи романовъ Лермонтова и Пушкина, есть не мало въ нихъ эпизодовъ сходныхъ.

Можно было бы указать и еще нѣкоторыя параллели между произведеніями Пушкина и Лермонтова, но приведенныхъ нами примѣровъ мы полагаемъ достаточно для того, чтобы притти къ положительному утвержденію, что значеніе поэзіи Пушкина для творчества Лермонтова далеко не было столь малымъ, какимъ оно можетъ показаться на первый взглядъ, что Пушкинскіе мотивы встрѣчали живой откликъ въ душѣ Лермонтова, что въ фантазіи молодого поэта запечатлѣлось не мало образовъ, созданныхъ его великимъ предшественникомъ и учителемъ, сравняться съ которымъ онъ, по свидѣтельству близкихъ къ нему людей, считалъ трудно достижимымъ идеаломъ. Однако, при всемъ этомъ сильная творческая индивидуальность Лермонтова всегда сказывалась въ этомъ слѣдованіи по стопамъ генія, и, воспринимая отъ своего учителя поэтическую технику, онъ прокладывалъ свои собственные пути и давалъ нѣчто совершенно новое, значительно отличающееся отъ первоначальнаго образца.

Что касается отголосковъ въ творчествѣ Лермонтова изъ произведеній другихъ русскихъ поэтовъ, его современниковъ или предшественниковъ, то приходится сказать, что они имѣютъ весьма мало значенія. Проф. Дюшенъ, тщательно отмѣтившій слѣды такихъ отголосковъ, въ сущности долженъ былъ притти къ подобному же заключенію. Говоря, напримѣръ, о вліяніи Марлинскаго, г. Дюшенъ открываетъ его только въ раннихъ юношескихъ драмахъ Лермонтова, герои которыхъ говорятъ вычурнымъ, напыщеннымъ языкомъ высокопарной романтики; однако, далѣе этихъ первыхъ опытовъ пера, вліяніе Марлинскаго на Лермонтова не пошло, и сильный талантъ Лермонтова легко освободился отъ искусственной риторики этого старшаго его современника. Еще менѣе можно говорить о вліяніи Жуковскаго: быть можетъ, оно сказалось въ сходствѣ одного эпизода изъ „Марьиной рощи“, съ концомъ „Боярина Орши“; ви-

дѣть же отголосокъ сентиментально-романтической поэзіи Жуковскаго въ „Молитвѣ“ („Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“) или въ стихотвореніи: „Когда волнуется желтѣющая нива“, какъ это дѣлаетъ проф. Дюшенъ, представляется намъ совсѣмъ не обоснованною натяжкой. Столь же въ сущности незначительны основанія утверждать относительно вліянія Полежаева на Лермонтова, хотя Лермонтовъ и выражаетъ сочувствіе къ преждевременно погибшему поэту, говоря, что „недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ“: сходство между двумя поэтами только въ общности настроенія, возникшаго подъ вліяніемъ Байрона.

Быть можетъ мимолетное вліяніе Гоголевскаго „Портрета“, какъ отмѣчаетъ г. Дюшенъ, отразилось въ слѣдующемъ описаніи въ романѣ „Княгиня Лиговская“, когда Лермонтовъ изображаетъ кабинетъ Печорина: „одна единственная картина привлекла взоры,—она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ, не знавшимъ своего генія, и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо; казалось, вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упадали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался и казалось, имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ, казалось, слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ, когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову, онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, назвалъ ее портретомъ Лары. Товарищи, которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее порядочною картинкой“.

Еще большей таинственностью окруженъ портретъ въ „Отрывкѣ изъ начатой повѣсти“, при описаніи квартиры, нанятой героемъ повѣсти, художникомъ Лугинымъ: „онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій человѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновен-

ной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, рука, перстни—все было очень плохо сдѣлано; зато въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое, попеременно. Но случалось-ли вамъ на замороженномъ стеклѣ или въ зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ-нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу,—вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашемъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій,—и очарованіе исчезаетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій, математически малое отступленіе—и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то непзъяснимое, возможное только генію или случаю.

Наконецъ, изъ русскихъ писателей для Лермонтова имѣлъ извѣстное значеніе Грибоѣдовъ, по образцу знаменитой комедіи котораго Лермонтовъ, какъ мы знаемъ, задумалъ свой „Маскарадъ“. Слѣдъ Грибоѣдовскаго вліянія проф. Дюшенъ видитъ въ діалогѣ Казарина и Арбенина, напоминающемъ остроумныя характеристики московскихъ аристократовъ, даваемыя Чацкимъ. Познакомившись со Шприхомъ, Арбенинъ говоритъ:

Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза—стеклярусъ точно;
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чертомъ не похожъ.
Казаринъ. Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чертъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи,—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ...
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей-езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.
Арбенинъ. Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скверенъ!

Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненный вдобавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой—не въ дѣлѣ,
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль!

Казаринъ. Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому-жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

Арбенинъ. А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

Казаринъ. Трущовъ.
О, малый онъ неоцѣненный!
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
И посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ
И крестъ на шею получилъ.

Арбенинъ. Да! вы разборчивы на новыя знакомства.

Обращаясь къ поэтамъ другихъ національностей, можно отмѣтить въ творчествѣ Лермонтова отдѣльные слѣды разрозненныхъ, отдаленныхъ вліяній то того, то другого поэта, но за исключеніемъ Байрона, о которомъ мы уже говорили, Шиллера, который производилъ сильное впечатлѣніе на Лермонтова въ юные годы и которому Лермонтовъ подражалъ очень близко, и наконецъ, Барбье, желчная сатира котораго была сродни Лермонтову,—мы должны сказать, что всѣ эти вліянія были мимолетны, выразились въ реминисценціяхъ тѣхъ или другихъ образовъ или положеній и нисколько не касались самой сущности Лермонтовскаго творчества.

Наконецъ, было еще одно важное вліяніе—отголосокъ русской народной поэзіи, прозвучавшій въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“—но объ этомъ вліяніи мы скажемъ, когда остановимся на этой замѣчательной „Пѣснѣ“.

Внѣшняя сторона поэзіи Лермонтова.

„Желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью“,—вотъ опредѣленіе, которое мы, вслѣдъ за самимъ поэтомъ, даемъ обыкновенно его творчеству, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны формы и, дѣйствительно, суровые и мрачные аккорды преобладаютъ въ Лермонтовской поэзіи; дикая энергичная музыка особенно поражаетъ, напр., въ поэмѣ „Мцыри“: четырехстопный ямбъ съ мужскими рѳмами какъ-будто бьетъ васъ по нервамъ, но онъ какъ нельзя болѣе кстати и въ немъ чрезвычайно много красоты. Однако рядомъ съ этимъ желѣзнымъ стихомъ мы встрѣчаемъ у Лермонтова чрезвычайно большое разнообразіе метровъ, чѣмъ онъ очень близко подходитъ къ своему учителю въ поэзіи, къ Пушкину. Не говоря объ этомъ метрическомъ богатствѣ, дающемъ чрезвычайное обиліе музыкальныхъ тоновъ, мы отмѣтимъ для примѣра самую нѣжную убаюкивающую мелодію въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“, тихій и грустный мотивъ въ стихотвореніи „Тучки небесныя“, такую, напр., замѣчательно граціозную пѣсенку:

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Такая музыкальность стиха, какъ у Лермонтова, встрѣчается лишь у немногихъ изъ нашихъ поэтовъ, у Пушкина, у Жуковскаго (хотя относительно послѣдняго надо оговориться,

что у него совсѣмъ отсутствуютъ свойственные Лермонтову, энергическіе мотивы), а изъ позднѣйшихъ поэтовъ почти ни у кого нѣтъ этой музыки въ такомъ разнообразіи: И. С. Аксаковъ и гр. А. К. Толстой богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи; чистая музыка, но большею частью чуждая энергичныхъ тоновъ, встрѣчается у Фета; наконецъ, мы можемъ указать на рано погибшаго Надсона, который повторилъ многіе мотивы Лермонтова.

Кромѣ музыкальности, стихи Лермонтова отличаются своею пластичностью, особенно тамъ гдѣ мы встрѣчаемъ у поэта описанія природы. Эти описанія можно сравнить съ живописью, они чрезвычайно богаты красками, часто въ нѣсколькихъ словахъ передъ нами рисуется цѣлая яркая картинка. Припомнимъ, напр., отрывокъ изъ „Спора“:

Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена.
Безглагольна, нелюдима
Мертвая страна...
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Такъ и чуется въ этихъ стихахъ палящій зной аравійскихъ и сирійскихъ степей, но идемъ по нимъ дальше съ поэтомъ и мы приходимъ къ „Тремъ Пальмамъ“ и опять предъ нами яркая картина:

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
Журча пробивался волною холодной.

А вотъ, напр., маленькое стихотвореніе, по своей пластичности представляющее перлъ поэзіи:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана;
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ, задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ.

Здѣсь и тучка золотая и старикъ-утесъ не только вполнѣ

пластично изображены, но они живутъ; такое мастерство доступно лишь немногимъ художникамъ.

Особенно много у Лермонтова описаній кавказской природы. Поэтъ, какъ мы знаемъ, нѣсколько разъ побывалъ тамъ: былъ онъ на Кавказѣ 10-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, былъ 2 раза сюда сосланъ, здѣсь покончилъ свою жизнь. Съ дѣтства онъ полюбилъ эту роскошную страну, и 16-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, вспоминая свое первое посѣщеніе Кавказа, поэтъ писалъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ;
Чтобъ вѣчно васъ помнитъ, тамъ надо быть разъ!
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!

Такъ же сильно высказывается любовь къ Кавказу, „суровому царю земли“, въ посвященіи къ поэмѣ „Демонъ“. „Отъ юныхъ лѣтъ“, говоритъ Лермонтовъ, обращаясь къ Кавказу:

...къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной,
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Зная и любя Кавказъ, Лермонтовъ живописалъ его волшебную природу, какъ никто другой.

Припомнимъ знаменитыя картины изъ „Демона“. Сперва передъ нами является суровая обстановка горныхъ громадъ дикаго Дарьяльскаго ущелья:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ гранъ алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;

И скалы тѣсною толпою,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны.

Контрастомъ къ этой грозной и дикой обстановкѣ представляется чудный видъ, раскрывающійся въ мирномъ краю Грузіи:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ пестрѣющимъ легли.
Счастливый, пышный край земли,
Столпообразныя рапны,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки пылкой, молодой...

Лермонтовъ, говоритъ нѣмецкій критикъ Боденштедтъ, рѣшилъ трудную задачу — удовлетворить въ одно время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, поднимаясь къ верху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ, и опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, клубящійся надъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, „какъ согнутое стекло“, въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями, и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи;

указываетъ ли намъ на облака, бѣгущія „степью лазурною, цѣпью жемчужною“, воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвъ, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до мельчайшихъ подробностей! Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ образахъ и, въ то же время, отъ нихъ вѣетъ какой-то таинственною поэтическою прелестью, какъ-будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ: цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ“.

Чтобы покончить съ анализомъ формы, такъ сказать, матеріальной стороны Лермонтовскаго творчества, скажемъ нѣсколько словъ о его прозѣ. Такъ же, какъ и стихи его, она блещетъ богатствомъ красокъ, изяществомъ, желѣзною силою, сжатостью, простотой и образностью, она стоитъ наравнѣ съ прозою Пушкина и Гоголя. Эта „художественная простота“, приближающая стиль Лермонтова къ замѣчательной прозѣ „Капитанской дочки“, особенно рельефно выступаетъ въ описаніяхъ. Для примѣра приведемъ начало повѣсти „Княжна Мери“: „Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ полисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный; на западѣ пятиглавый Бештау синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури“, на сѣверъ подымается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу предо мной пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, за амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ, вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльбрусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы кажется желать больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?“

Лирика Лермонтова.

Для опредѣленія того, что Бѣлинскій называлъ паѳосомъ поэта, для указанія основной, преобладающей черты его міросозерцанія, проявившейся въ его творчествѣ, особенно важными представляются его лирическія произведенія, такъ какъ въ нихъ болѣе всего выражается субъективность поэта, и чѣмъ моложе поэтъ, тѣмъ сильнѣе у него стремленіе высказать свои затаенныя чувства, повѣдать міру о томъ, что болѣе всего его волнуетъ, о своихъ радостяхъ и горестяхъ, о своихъ задушевныхъ стремленіяхъ.

Въ творчествѣ Лермонтова лирика занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ именно потому, что онъ былъ очень молодъ, ему было далеко до душевной уравновѣшенности; постоянно что-нибудь его волновало, въ немъ кипѣли самыя разнообразныя чувства, стремившіяся вылиться въ слово, и поэтъ постоянно пишетъ именно лирическія признанія, при чемъ часто старается скрыть ихъ отъ другихъ, не желая посвящать міръ въ тайны своей душевной жизни. Этотъ субъективизмъ поэта проявляется и въ его драмахъ, и въ эпосѣ, но сильнѣе всего онъ, конечно, въ лирикѣ.

Въ чемъ же ея паѳосъ? Преобладающею чертою творчества Лермонтова обыкновенно признается скорбное разочарованіе въ существующемъ складѣ жизни, энергичный протестъ противъ несовершенства этой жизни. Причины этого разочарованія и протеста указываются частью въ обстоятельствахъ біографіи поэта, частью въ литературныхъ вліяніяхъ, частью, наконецъ, въ разладѣ между возвышенными идеалами поэта и жизнью окружавшаго его общества, при чемъ, конечно, ясно, что не всѣ эти причины имѣютъ одинаковое значеніе.

Факты ненормальнаго воспитанія въ дѣтскихъ лѣтахъ, невольной двойственности поведенія поэта въ школѣ и въ свѣтѣ, когда онъ былъ офицеромъ, должны были очень тяжело отзываться на его настроеніи, порождали постоянно горькое сознаніе несовершенства окружающей обстановки. Но объ этихъ фактахъ мы достаточно говорили въ пред-

шествующемъ біографическомъ очеркѣ и потому мы на нихъ останавливаться не будемъ. Разобраны нами также и литературныя вліянія, изъ которыхъ, какъ мы указали, наиболѣшее значеніе въ развитіи разочарованія Лермонтова имѣло вліяніе Байрона, который, однако, своей мрачной поэзіей, какъ мы видѣли скорѣе давалъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые уже назрѣли ранѣе въ душѣ нашего поэта, чѣмъ ему самъ внушалъ извѣстное настроеніе.

Наконецъ, касаясь третьей изъ отмѣченныхъ причинъ, несоотвѣтствія идеаловъ поэта окружающей дѣйствительности, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе С. А. Андріевскаго. „Неизбѣжность высшаго міра,—говоритъ нашъ критикъ-поэтъ,—проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь—ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, страсти—громадны, не по плечу толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ: онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію всѣхъ его издателей, всегда начинается „Ангеломъ“, составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова. Дѣйствительно, его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для „печали и слезъ“, всегда здѣсь „томилась“ и

Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

Конечно, возвышенный идеализмъ, прекрасно охарактеризованный въ приведенныхъ словахъ г. Андреевскаго, не могъ мириться, какъ полагаетъ критикъ, ни съ какою дѣйствительностью, и было бы узко, если бы мы стали объяснять протестъ Лермонтова исключительно его недовольствомъ современной ему русской жизнью. Мы согласны съ г. Андреевскимъ, что многіе упреки Лермонтова людямъ могутъ быть повторены въ какую угодно эпоху; не можемъ отвергнуть и того мнѣнія критика, что среди современниковъ Лермонтова были свѣтлые люди, что „его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ,—поколѣніе сороковыхъ годовъ“; но тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать, чтобы обличенія этого поколѣнія дѣлались Лермонтовымъ исключительно „съ космической точки зрѣнія“. Во-первыхъ, уже чисто-формально „Дума“, написанная въ 1838 г., не могла относиться къ людямъ сороковыхъ годовъ; а во-вторыхъ, даже устраняя это формальное возраженіе, такъ какъ подъ

именемъ „людей сороковыхъ годовъ“ мы часто подразумѣваемъ и идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, мы все-таки не понимаемъ, какъ можно съ этими идеалистами, работавшими въ тиши кружковъ, отождествлять все тогдашнее общество: вѣдь въ этомъ обществѣ идеалисты были свѣтлыми и рѣдкими исключеніями, огромное же большинство состояло изъ крѣпостниковъ, фрунтовиковъ, людей индифферентныхъ къ высшимъ духовнымъ запросамъ, среди этой массы идеалисты если не бывали въ такомъ же полу-комическомъ положеніи, какъ Рудины, то во всякомъ случаѣ оказывались „героями безвременья“, какъ очень справедливо назвалъ Лермонтова Н. К. Михайловскій.

Это-то самое современное ему поколѣніе вызывало въ Лермонтовѣ грустныя чувства, такъ ярко выразившіяся въ его „Думѣ“. Эти люди старятся въ бездѣйствіи, „къ добру и злу постыдно равнодушны, передъ опасностью позорно-малодушны и передъ властію презрѣнные рабы“.

Мечты поэзіи, созданія искусства (говоритъ Л.)
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Понятно, что будущее такого поколѣнія должно быть „иль пусто, иль темно“. Печально заключаетъ поэтъ свою думу:

Толпою угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,—
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ“.

Поколѣніе, къ которому обращается поэтъ, заражено безвѣріемъ, оно со скептицизмомъ, вполнѣ равнодушно относится ко всѣмъ нравственнымъ требованіямъ; оно холодно къ высшимъ жизненнымъ задачамъ и потому остается въ полномъ бездѣйствіи. Эту черту нравственнаго индифферентизма, бездушія, холоднаго бездѣйствія поэтъ отмѣчаетъ во многихъ своихъ произведеніяхъ и глубоко ею возмущается. отъ, между прочимъ, какъ онъ о ней отзывается въ стихотвореніи „Волны и люди“.

Волны катятся одна за другой
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ,
Люди проходятъ ничтожной толпой
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей,
Люди хотятъ имѣть души... И что же?
Души ихъ волнъ холоднѣй".

Иногда эти холодные люди начинаютъ дѣйствовать, но дѣйствіе ихъ еще хуже, чѣмъ бездѣйствіе; оно влечетъ за собою горе для всѣхъ окружающихъ, такъ какъ проникнуто исключительно однимъ эгоизмомъ и самообожаніемъ. Таковы, напр., Печоринъ и Арбенинъ.

Если „Дума" и стихотвореніе „Волны и люди", такъ же, какъ и юношеское произведеніе „Два сокола" могутъ разсматриваться, какъ выраженіе разочарованія въ людяхъ вообще, безъ всякаго отношенія къ поколѣнію, которое было современно поэту, то намъ извѣстна жестокая характеристика несомнѣнно уже этого общества въ знаменитомъ стихотвореніи „На смерть Пушкина". Съ чисто-ювеналовскимъ пафосомъ обличаетъ здѣсь молодой поэтъ „безчувственныхъ невѣждъ", „клеветниковъ безбожныхъ", „свободы, генія и славы палачей". Мы имѣемъ дѣло уже не съ отвлеченнымъ мотивомъ міровой скорби, а съ вполнѣ опредѣленнымъ протестомъ противъ общества, равнодушнаго къ высшимъ нравственнымъ запросамъ, и не только равнодушнаго, но даже враждебнаго къ тѣмъ, кто ставитъ себѣ цѣлью разрѣшеніе этихъ вопросовъ.

Въ противоположность этому общественному индифферентизму, въ самомъ поэтѣ жила неукротимая жажда дѣятельности, онъ чувствовалъ въ себѣ силы на служеніе людямъ. „Жизнь скучна, когда боренья „нѣтъ", говоритъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „11 іюня 1831 года".

„Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не можетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь".

У Лермонтова сложился чрезвычайно возвышенный

взглядъ на задачи поэтическаго творчества. Поэтъ не долженъ быть вполнѣ отрѣшеннымъ отъ жизни олимпійцемъ, онъ долженъ служить людямъ, долженъ, какъ Пушкинскій пророкъ, глаголомъ жечь ихъ сердца, долженъ провозглашать „чистыя ученья любви и правды“, хотя бы люди и гнали его за это и клеймили бы своимъ презрѣніемъ. Особенно ярко мысль объ общественномъ служеніи поэта высказывается въ стихотвореніи „Поэтъ“:

Бывало мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ фиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы:
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья.

Ту же мысль Лермонтовъ выражаетъ въ своемъ стихотвореніи „Пророкъ“. Какъ поэтъ, такъ и пророкъ приходитъ съ чистымъ ученіемъ любви и правды, но встрѣтивъ вражду, онъ удаляется отъ людей и подвергается насмѣшкамъ за свою мнимую самонадѣянность. Здѣсь мы видимъ, что поэтъ встрѣчается съ враждою, но бываетъ и хуже, когда онъ встрѣчается съ индефферентностью. Въ стихотвореніи „Журналистъ, читатель и писатель“ намъ представляется разговоръ между журналистомъ и читателемъ, разговоръ, въ который вмѣшивается писатель, и въ его рѣчи мы видимъ Лермонтова; онъ говоритъ, что для равнодушной публики и писать не стоитъ.

Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой!

Въ такіе моменты вдохновенія является поэтическая идеализація.

Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Однако, „странныя творенія“, возникающія въ подобные моменты, поэтъ скрываетъ отъ людей, такъ какъ

„ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ“.

Бываетъ и другое настроеніе у поэта, когда онъ готовъ смѣло обличать пороки и пустоту людей, когда „диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ“, когда поэтъ смѣло предаетъ позору „приличьемъ скрашенный порокъ“. Но и этихъ своихъ произведеній онъ не рѣшается показывать „неприготовленному взору“, и у него является такое безотрадное заключеніе:

Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобы бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О, нѣтъ! Преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

Та же мысль о равнодушіи общества къ поэзіи выражается Лермонтовымъ въ стихотвореніи „Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой.“ Для толпы людской смѣшонъ урокъ и плачъ поэта,

Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

Контрастъ между настроеніемъ поэта и окружающаго его общества особенно ярко обнаруживается въ стихотвореніи „Первое января.“ Изъ холоднаго равнодушнаго свѣта поэтъ переносится къ недавней старинѣ, летитъ вольной

птицей къ созданіямъ своей мечты, онъ любитъ эти созданія

Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье,

и онъ, „царства дивнаго всесильный господинъ,“ находитъ душевный покой въ такихъ мечтахъ; но вотъ врывается въ его сознаніе окружающая дѣйствительность, и настроеніе рѣзко измѣняется.

„Когда-жъ опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.“

Охарактеризовавъ отрицательныя стороны общества въ стихотвореніяхъ „Дума,“ „На смерть Пушкина“ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, поэтъ стремится порвать съ этимъ обществомъ всякую связь. Онъ чувствуетъ себя въ свѣтѣ, какъ въ душной темницѣ, и онъ проситъ „воли, воли, воли,“ а за эту волю готовъ даже пожертвовать счастьемъ. Стремленіе на волю, разочарованіе въ цивилизованномъ обществѣ заставляютъ поэта искать другой, настоящей жизни, онъ надѣется, по примѣру многихъ поэтовъ міровой скорби, начиная съ Руссо, найти ее среди непосредственныхъ натуръ, не тронутыхъ фальшивою цивилизаціей. Фантазія переноситъ поэта на Кавказъ, и здѣсь онъ создаетъ цѣлый рядъ замѣчательно сильныхъ, демоническихъ типовъ, типовъ, протестующихъ противъ общаго уклада жизни.

Не останавливаясь пока на этихъ образахъ, къ которымъ мы обратимся при разсмотрѣніи его драмъ и эпоса, возвратимся къ его лирикѣ, въ которой мы отмѣчали уже преобладаніе мрачнаго мотива разочарованія, неудовлетворенности жизнью вслѣдствіе высокихъ требованій, предъявляемыхъ къ ней поэтомъ. Лучше всего идеальныя стремленія представлены Лермонтовымъ въ его знаменитомъ стихотвореніи „Ангелъ“, которое образно показываетъ, что поэтъ томится дѣйствительностью, его окружающею, и какъ бы вспоминаетъ лучшій небесный міръ, котораго ему никакъ не можетъ замѣнить земное существованіе.

Среди людей, въ свѣтѣ поэтъ чувствуетъ себя всегда почти одинокимъ, и это не можетъ не вызывать въ немъ

грустнаго настроенія, которое изливается уже въ юношескомъ стихотвореніи „Одиночество“. Поэтъ говоритъ:

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить;
Дѣлить веселье всѣ готовы,—
Никто не хочетъ грусть дѣлить.
Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушны,
Года уходятъ будто сны.
И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенный —
Онъ ждетъ; что-жъ медлить надъ землей?
Никто о томъ не сокрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Тѣ же безотрадныя мысли видимъ мы и въ стихотвореніи „Смерть“:

Закатъ горитъ огнистой полосою:
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ,
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ:
То мысль объ ней... О! далеко она;
И надъ моимъ недвижнымъ блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...

Къ тому же 1830 году относятся два стихотворенія съ одинаковымъ заглавіемъ „Смерть“, выражающія такія же тягостныя мысли поэта. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ желаніи быть „дальше, дальше отъ людей“, а въ другомъ рѣшительно заявляетъ:

Довольно въ мірѣ пожилъ я,—
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя и любя.

Если жизнь обманула поэта, то онъ отказывается вѣ-

рить въ возможность счастья. Въ одномъ изъ стихотвореній 1831 г. онъ говоритъ:

Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно,—
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

Отсюда является какая-то постоянная тревога, такъ хорошо изображенная въ „Парусѣ“: поэтъ „счастія не ищетъ“, потому что въ него не вѣритъ,—ему нуженъ только покой, и въ стихотвореніи „Выхожу одинъ я на дорогу“ онъ говоритъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ желалъ забыться и заснуть“ и т. д.

Кромѣ покоя поэтъ ищетъ свободы, и это стремленіе къ свободѣ особенно сильно высказывается въ стихотвореніи „Отворите мнѣ темницу“... Разочарованіе доходитъ у Лермонтова до крайняго предѣла въ стихотвореніи „И скучно и грустно“. Здѣсь поэтъ, отказавшись отъ любви, отъ всякихъ желаній, восклицаетъ въ отчаяніи:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ
вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Дальше этого разочарованіе, отрицаніе жизни итти не можетъ, и у нѣкоторыхъ критиковъ Лермонтова являлась даже мысль, что дальнѣйшаго пути для развитія творчеству нашего поэта не открывалось, такъ что его ждала смерть поэтическая, т.-е. если бы даже его не убили, то самый источникъ его творчества долженъ былъ бы изсякнуть.

Однако, съ подобнымъ мнѣніемъ трудно согласиться. Прежде всего надо замѣтить, что всякія вообще предсказанія могутъ быть только гадательными, тѣмъ болѣе, если намъ приходится говорить о поэтѣ, умершемъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, какъ Лермонтовъ; что бы сказали подобные критики, желающіе быть пророками, если бы дѣятельность

Пушкина оборвалась послѣ „Кавказскаго плѣнника?“ По всей вѣроятности, приговоръ о будущности нашего величайшаго поэта былъ бы крайне неблагопріятнымъ.

Кромѣ этого, слѣдуетъ сказать, что для Лермонтова дѣйствительно открывалась возможность исхода изъ его разочарованія въ другихъ мотивахъ, которые, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе выражались въ его поэзіи. Прежде всего изъ этихъ мотивовъ надо выдвинуть религіозное настроеніе, такъ ярко рисующееся намъ въ стихотвореніяхъ: „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“, „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Въ минуту жизни трудную“. Изъ этихъ стихотвореній мы видимъ, что сомнѣнія покидали поэта, что онъ проникался вѣрой, видѣлъ въ небесахъ Бога и признавалъ возможность постигнуть счастье на землѣ. За религіозными слѣдуютъ молитвы любви и дружбы; припомнимъ, напр., такія стихотворенія, какъ „Памяти кн. А. И. Одоевскаго“, „Разстались мы, но твой портретъ храню я на груди своей“. Далѣе идетъ рядъ произведеній, показывающихъ, что Лермонтовъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать и цѣнить простую русскую жизнь. Таково, напр., его стихотвореніе „Родина“, выражающее то же настроеніе, что мы находимъ у Пушкина въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Таково же и слѣдующее замѣчательное стихотвореніе „Изъ альбома С. Н. Карамзиной“.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Рядомъ съ этой любовью къ простотѣ русской жизни является у Лермонтова, подъ вліяніемъ, можетъ быть, славянофиловъ, критическій взглядъ на западно-европейскую жизнь и сознаніе великихъ задачъ, предстоящихъ Россіи, хотя его патріотизмъ имѣлъ мало общаго съ этимъ крайнимъ національнымъ самомнѣніемъ, „полнымъ гордаго величія покоемъ“, которымъ отмѣчена въ нашей исторіи Николаевская эпоха, и въ этомъ отношеніи его любовь къ родинѣ была дѣйствительно „странною“. Критическое отношеніе къ западу выразилось очень хорошо въ слѣдующихъ строкахъ изъ стихотворенія „Умирающій гладіаторъ“:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головой,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей—
Осмѣянный ликующей толпой.
И передъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно, для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья—
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

Сознаніе силы Россіи и великихъ задачъ, которыя ей предстоитъ разрѣшить, ясно высказано Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ „Бородино“ и „Споръ“.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что чрезвычайно важнымъ средствомъ, которое могло спасти поэта отъ разочарованія, была проявлявшаяся у него объективность творчества. Въ этомъ отношеніи недосягаемымъ образцомъ можетъ служить его знаменитая „Пѣсня про купца Калашникова“.

Драматическія произведенія Лермонтова.

Лермонтовъ очень любилъ драматическую форму изложенія, чуть ли не первыми его поэтическими опытами были именно драмы, да и впослѣдствіи онъ не разъ возвращался къ этому роду поэзіи. Несмотря на такое пристрастіе Лермонтова къ драмѣ, приходится сказать, что талантъ его такъ же, какъ и Байрона, очень мало подходилъ къ этой формѣ. Лермонтовъ, какъ и великій англійскій поэтъ, былъ слишкомъ субъективенъ, и какъ о Байронѣ говорили, что онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ рисовалъ свой собственный характеръ, такъ ближайшее разсмотрѣніе драматическихъ произведеній Лермонтова показываетъ, что нашъ поэтъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на главномъ героѣ, котораго обыкновенно надѣляетъ своими собственными особенностями характера и міровоззрѣнія.

Мальчикомъ поэтъ задумываетъ драму на сюжетъ Пушкинскихъ „Цыганъ“, предполагаетъ написать трагедіи „Неронъ“ и „Маріи“, но этимъ планамъ не суждено было осуществиться, и первымъ его опытомъ въ области драмы является трагедія „Испанцы“, написанная въ 1830 г. Герой трагедіи, еврей Фернандо ребенкомъ былъ потерянъ родителями и попалъ на воспитаніе къ знатному дворянину, Альварецу. Онъ влюбляется въ дочь своего воспитателя, Эмилію; бракъ съ нею оказывается невозможнымъ въ силу сословныхъ предразсудковъ, а кромѣ того Эмилію похищаетъ старикъ инквизиторъ Соррини, развратный человѣкъ, силою добивающійся ея любви. Фернандо убиваетъ свою возлюбленную, чтобы спасти ея честь; но самъ гибнетъ по приговору инквизиціи на кострѣ. Хотя въ этой трагедіи во многомъ видна неопытность юнаго поэта, обнаруживается его подражаніе Лессингу и Шиллеру, тѣмъ не менѣе, какъ справедливо говоритъ Н. А. Котляревскій, „для 16-лѣтняго драматурга опытъ можетъ быть названъ удачнымъ“, и „трагедія любопытна тѣмъ, что въ ней сдѣлана первая попытка правдоподобно объяснить наплывъ неясной печали въ душѣ героя. Жизнь Фернандо обставлена такими усло-

віями, которыя вполнѣ естественно оправдываютъ его неистовые вопли. Онъ,—неблагородный по рожденію,—благороденъ по духу; вокругъ него всѣ знатные по рожденію ведутъ себя какъ негодяи; служители церкви разбойничаютъ и торгуютъ совѣстью, во имя Бога насилуютъ и жгутъ людей. Какъ не произнести проклятія надъ всѣми этими „испанцами“, у которыхъ:

И рай и адъ—все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король народомъ, а народъ свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ...
И сжечь за слово на кострѣ... И подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка...

Указывая на риторичность приведенной тирады, Н. А. Котляревскій признаетъ ее, однако, полною глубокаго смысла для молодого Лермонтова: „въ ней какъ бы *историческими* ссылками подтверждалось законность негодованія на людей и право презирать ихъ“.

Но отъ этихъ попытокъ перенестись въ исторію юный поэтъ скоро отказался, и въ слѣдующихъ его драмахъ дѣйствующими лицами являются современники, русскіе люди въ провинціи и въ столицѣ. При этомъ его произведенія становятся значительно лучше по тѣмъ откликамъ современной жизни, которые въ нихъ встрѣчаются; какъ ни малъ былъ жизненный опытъ юноши Лермонтова, все же онъ былъ значительнѣе его историческихъ свѣдѣній. Кромѣ этого, субъективный элементъ въ русскойо бстановкѣ могъ, дѣйствительно, выразиться во многихъ чисто автобіографическихъ отголоскахъ, какъ въ рѣчахъ главнаго героя, тахъ и въ самыхъ подробностяхъ дѣйствія. Объ этой автобіографической сторонѣ, конечно, не могло быть и рѣчи при изображеніи Фернандо, и какъ мы видѣли, въ „Испанцахъ“ Лермонтовскій субъективизмъ выразился въ иныхъ формахъ.

Уже въ первой изъ этихъ драмъ „Menschen und Leidenschaften“ есть, по выраженію Н. А. Котляревскаго, такія бытовыя сцены, которыя напрашиваются на сравненіе съ театромъ Островскаго. Можетъ быть сравненіе почтеннаго критика нѣсколько преувеличено, но тѣмъ не менѣе жи-

вость бытовыхъ сценъ, дѣйствительно, должна быть признана выдающеюся. Для примѣра приведемъ слѣдующій разговоръ двухъ сестеръ Волиныхъ:

Элиза (примѣривая шляпу). — Посмотрите, ma soeur, какъ эта шляпка на мнѣ сидитъ... не правда ли, что прекрасно?..

Любовь.—Да, это правда (положивъ книгу). Ахъ, если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза.—А что такое, - позвольте спросить?

Любовь.—Вудстокъ, или Всадникъ, Вальтеръ-Скотта! Я остановилась на этомъ мѣстѣ, когда Алина удерживаетъ короля и полковника... Ахъ, какъ я ей завидую!..

Элиза.—По мнѣ ничего тутъ нѣтъ прекраснаго; пускай бы ихъ сражались да шею себѣ ломали. Ха, ха, ха! какая дура твоя Алина!..

Любовь.—У всякаго свой вкусъ...

Элиза.—Кстати. Помнишь ли, какъ мы были въ Москвѣ, я танцовала съ однимъ прехорошенькимъ молодымъ мальчикомъ; онъ мнѣ писалъ письмо, познакомился съ кузинами для меня.

Любовь (съ презрѣніемъ).—И ты приняла письмо?

Элиза.—Экая важность! Я очень рада... Когда мы пріѣдемъ опять въ столицу, онъ на мнѣ женится... А ты не хочешь замужъ, душенька моя? — Будь спокойна, не возьметъ тебя никто!

Любопытны также по реализму изображенія слѣдующія сцены, въ которыхъ затрагивается крѣпостное право.

Элиза.—Ахъ, какой смѣхъ! Grand Dieu! Grand Dieu! Кабы ты знала, Любенька, что тамъ за шумъ внизу. Марѳа Ивановна такъ раскапризничалась, что хоть изъ дому бѣги!.. Ужасть!.. дѣвокъ по щекамъ такъ и лупитъ. Ха! ха! ха! ха! Стоитъ посмотрѣть! И за что?.. ахъ, дай отдохнуть, — самая глупѣйшая глупость. — Ахъ, какъ устала!.. послѣ тебѣ разскажу . . . . . .

. . . . . .

Марѳа Ив. — Какъ ты смѣла, Дашка, выдать на кухню нынѣшній день двѣ курицы и безъ моего спросу? Отвѣчай!

Дарья.—Виновата... я знала, матушка, что двѣ-то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марѳа Ив.—Какъ, дура, скотина! Двѣ много? Да намъ ѣсть нечего будетъ; ты меня этакъ пожалуй съ голоду уморишь! Да знаешь ли ты, что я тебѣ сейчасъ, вотъ при себѣ, велю надавать пощечинъ...

Дарья (кланяясь).—Ваша власть, сударыня! Что угодно... мы ваши рабы...

Марѳа Ив.—Что не было-ли у васъ какого-нибудь крику съ Николай Михайловичемъ?..

Дарья.—Нѣту-съ, какъ-съ можно-съ намъ ссориться? а

вотъ что-съ: нынче ко мнѣ барышни присылали просить сливокъ, и у меня хошь онѣ были, да...

Марѳа Ив.—Что-жъ ты, вѣрно, отпустила имъ?

Дарья.—Никакъ нѣтъ-съ...

Марѳа Ив.—Какъ же ты смѣла?..

Дарья.—Добро бы съ вашего позволенія, а то вы почивали, такъ этакъ, если всякимъ давать сливокъ, — коровъ, сударыня, не достанетъ... У насъ же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата! не дала, не дала густыхъ сливочекъ... Слыхано-ли на свѣтѣ—безъ барскаго позволенія!..

Марѳа Ив.—Ну, такъ, хорошо сдѣлала...

. . . . . .

(Слышенъ громкій стукъ разбитой посуды, обѣ вздрагиваютъ).

Марѳа Ив. — Что это?.. Вѣрно, мерзавцы, что-нибудь разбили... Сбѣгай-ка, да посмотри!.. (Дарья уходитъ. Черезъ минуту приходитъ).

Дарья. — Ваша хрустальная кружка, съ позолоченной ручкой и съ вензелемъ.

Марѳа Ив.—Она...

Дарья.—Въ дребезгахъ лежитъ на полу...

Марѳа. Ив. — Ахъ, злодѣи! кто разбилъ? Кто этотъ окаянный?...

Дарья.—Васька поваренокъ.

Марѳа Ив.—Пошли его сюда... скорѣй... ужъ я ему дамъ, разбойнику, березовой каши! (Дарья призываетъ его).

Марѳа Ив.—Какъ ты это сдѣлалъ, мерзавецъ?.. Знаешь-ли, что она 15 рублей стоитъ?.. Эти деньги я у тебя изъ жалованья высчитаю. — Какъ ты ее уронилъ? Отвѣчай же, болванъ! Ну, что-жъ ты? Говори. (Мальчикъ хочетъ говорить). Какъ? Ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети, на конюшню!.. (Мальчикъ кланяется въ ноги). Вздоръ! я этимъ поклонамъ не вѣрю... убирайся съ чортомъ, прости Боже, мое согрѣшеніе... (Мальчикъ идетъ). Убирайся... (Топнувъ ногой). Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ моимъ вензелемъ!..

Несмотря на живость и яркость приведенныхъ отрывковъ, въ которыхъ обнаруживалось несомнѣнная способность юнаго поэта къ наблюденію и къ воспроизведенію жизни,—цѣлью поэта являлось раскрытіе душевной драмы главнаго героя, т.-е. самого себя. Герой этой драмы, Юрій Волинъ, поставленъ въ трудное драматическое положеніе столкновеніемъ изъ-за него съ одной стороны, воспитавшей его старухи-бабушки, Марѳы Ивановны, а съ другой стороны, всегда отъ него отстраняемаго—отца. Мы знаемъ, что подобное же обстоятельство тяжело отразилось на душевномъ состояніи самого Лермонтова въ юные годы. Въ этомъ, слѣдовательно, несомнѣнно присутствіе элемента автобіографическаго, хотя,

конечно, мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, чтобы отдѣльные эпизоды столкновенія, изображеннаго въ драмѣ, соотвѣтствовали тому, что было въ дѣйствительности, и даже гораздо вѣроятнѣе предположить, что Лермонтовъ именно внѣшнія обстоятельства видоизмѣнялъ согласно съ требованіями болѣе сложнаго поэтическаго замысла. Тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе то, что узнаемъ о душевныхъ переживаніяхъ Юрія Волина.

Этотъ юный герой представляется, подобно самому поэту, уже далекимъ отъ той наивной вѣры въ людей, которою онъ жилъ въ дѣтствѣ. Онъ говоритъ своему товарищу, Заруцкому: „я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде; не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостью кидался въ объятья всякаго; не тотъ, котораго занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало, и щеки покрывались живымъ румянцемъ. О, другъ мой! того юношу давнымъ-давно похоронили. Тотъ, который передъ тобою, есть одна тѣнь: человѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить“. Вспоминая свои идеалистическія стремленія, Юрій восклицаетъ: „помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался потому, что я слишкомъ хорошо узналъ людей. Я не знаю,—отъ колыбели какое-то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ хладными подушками, когда вспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ, кромѣ тебя, но ты былъ далеко. Несправедливости, злоба, все посыпалось на голову мою; какъ будто бы туча разлетѣвшись упала на меня и разразилась, а я стоялъ какъ камень,— безъ чувства. По какому-то машинальному побужденію я протянулъ руку и услышалъ насмѣшливый хохотъ,— и никто не принялъ руки моей и она обратно упала на сердце... Любовь мою къ свободѣ человѣчества почитали вольнодумствомъ“... Юрію приходится разочароваться и въ любимой бабушкѣ и въ отцѣ, разочаровывается онъ и въ возможности дружбы, и въ любви любимой дѣвушки, разочарованіе распространяется и на религію, и жизнь теряетъ для него всякій смыслъ. „Природа, говоритъ онъ, подобна печи, откуда вылетаютъ искры; когда зарево сожжено, печь гаснетъ; такъ природа сокрушится, когда мѣра различныхъ мукъ человѣческихъ исполнится. Все исчезнетъ. Печь производитъ искры, природа — людей: однихъ — глупѣе, другихъ — умнѣе; одни много дѣлаютъ по уму въ мірѣ, другіе — неизвѣстны; такъ

искры не равны межъ собой, но всѣ онѣ равно погаснутъ безъ слѣда; имъ послѣдуютъ другія безъ большихъ послѣдствій, какъ подобныя имъ. Когда огонь истощится, то соберутъ весь пепелъ и выбросятъ вонъ... Такъ съ нами, бѣдными людьми: все равно, страдалъ-ли я, веселился-ли—все умру. Не останется у меня никакого воспоминанія о прошедшемъ. Безумцы! безумцы мы!.. желаемъ жить... Какъ будто два, три года что-нибудь значатъ въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или міръ стоятъ нашихъ заботъ, тщетныхъ, какъ жизнь. Счастливъ умершій въ такое время, когда ему нечего забывать: онъ не знаетъ этихъ свинцовыхъ минутъ безвѣстности... Счастливъ, кто, чувствуя тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобъ прервать его".

Что касается второй юношеской драмы Лермонтова „Странный человѣкъ", то и въ ней мы встрѣчаемъ яркія и живыя подробности быта и между прочимъ такъ же, какъ и въ предшествовавшей драмѣ очень рѣзкое изображеніе ужасовъ крѣпостничества, которое мы находимъ въ слѣдующей сценѣ:

Мужикъ (кланяясь).—Меня, старика, прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяться тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... Всѣ бы стали Богу молиться о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

Бѣлинскій.—Что же? Вамъ не хочется съ госпожей своей разстаться, что ли?

Мужикъ (кланяясь въ ноги). — Нѣтъ! купи, купи насъ, родимый!

Бѣлинскій (въ сторону).—Странное приключеніе! (Мужику). А! такъ вѣрно недовольны своей помѣщицей?

Мужикъ.—Охъ, тяжко!.. за грѣхи наши!.. (Арбенинъ начинаетъ вслушиваться).

Бѣлинскій.—Ну, говори, братъ, смѣлѣе! Жестоко, что-ли, госпожа поступаетъ съ вами?

Мужикъ. — Да, такъ, баринъ, что, вѣдь, ей-Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду...

Бѣлинскій.—Что же она дѣлаетъ? (Лицо Владиміра мрачно).

Мужикъ.—Да что вздумается ея милости...

Бѣлинскій.—Напримѣръ?.. Сѣчетъ часто?..

Мужикъ.—Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жарѣ въ полдень, пока не прикажетъ надѣть; а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

Бѣлинскій.—Какія злоупотребленія!

Мужикъ. — Разъ какъ-то, баринъ, донесли, что-дескать „Ѳедька дурно про тебя говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться...“—А Ѳедька мужикъ былъ славный. Вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барской дворъ, дѣти кричали, жена плакала... Вотъ стали руки вывертывать. „Господинъ управитель! сказалъ Ѳедька, что я тебѣ сдѣлалъ? ты меня губишь!..“—„Вздоръ“, сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукой. На печкѣ такъ и лежитъ да клянетъ свое рожденіе...

Бѣлинскій.—Да что въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ сосѣдей, или исправникъ, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть.

Мужикъ.—Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей? У барыни же всѣ судьи подкуплены нашимъ же оброкомъ... Тяжко, баринъ, тяжко стало намъ! Посмотришь въ другое село, — сердце кровью обливается!..—живутъ покойно да весело, а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась, такъ, вишь, ножницами такъ и кольнула одну изъ дѣвушекъ... Охъ, больно... А какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... (Падаетъ на колѣни передъ Бѣлинскимъ). О! кабы ты намъ помогъ! Купи насъ, купи, отецъ родной (Рыдаетъ).

Герой драмы, Владиміръ Арбининъ, которому Лермонтовъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно влагаетъ въ уста свои собственныя мысли, выслушавъ приведенныя сообщенія мужика, въ „б ѣ ш е н с т в ѣ“ восклицаетъ: „Люди! люди! И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!.. Все куплено кровавыми слезами... Ломать руки! колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ, я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство!“ Въ этихъ словахъ Арбенина выражается такой же протестъ противъ крѣпостного права, какой мы уже видѣли въ драмѣ „Menschen und Leidenschaften“, и подобное совпаденіе можетъ служить показателемъ субъективности въ созданіи образа главнаго героя, такъ какъ его Лермонтовъ надѣлилъ своими собственными соціально-политическими взглядами и стремленіями. Но субъективизмъ идетъ и дальше, и герой драмы оказывается разочарованнымъ и протестующимъ именно противъ тѣхъ явленій жизни, которыя въ это время возмущали самого юнаго поэта.

Все, сказанное объ этихъ юношескихъ драмахъ Лермонтова, позволяетъ намъ присоединиться къ тому заключенію о нихъ, къ которому пришелъ Н. А. Котляревскій. „Нельзя, конечно, — говоритъ онъ,—приписывать самому Лермонтову всего того, что говорятъ о себѣ его молодые герои. Одно то, что поэтъ принужденъ былъ покончить съ ними, показываетъ намъ, что онъ поставилъ ихъ въ условія не нормальныя и съ его собственнымъ положеніемъ не сходныя. Но созданы эти типы, безспорно, для защиты того протестующаго положенія, какое самъ Лермонтовъ занялъ въ отношеніи къ жизни и людямъ. О примиреніи и выходѣ изъ этого положенія нѣтъ пока и рѣчи. Поэтъ занятъ тѣмъ, что оправдываетъ себя, укоряя людей все въ большихъ и большихъ преступленіяхъ противъ этики общественной и личной. Итакъ, если драматическіе опыты Лермонтова не обладаютъ достаточными художественными красотами, которыя позволили намъ наслаждаться ими, какъ памятниками искусства, то они цѣнны для насъ, какъ очень правдивый отголосокъ душевной борьбы, пережитой въ то время самимъ поэтомъ. Протестъ отчужденнаго и обманувшагося человѣка очерченъ въ нихъ ярко и драматично, и притомъ жизненно и реально. Вмѣстѣ съ этимъ протестомъ ярко обозначены и его источники, и раньше плохо мотивированная печаль и бравурное презрѣніе къ людямъ принимаютъ теперь видъ болѣе или менѣе осмысленнаго негодованія.

Послѣ этихъ юношескихъ драмъ, въ творчествѣ Лермонтова, какъ драматурга, наступилъ нѣкоторый перерывъ, но уже въ 1834—36 г.г. поэтъ возвращается къ драматической формѣ, задумавъ, какъ мы говорили уже раньше дать картину общественной жизни въ стилѣ „Горе отъ ума“. Такой картиною должна была быть драма „Маскарадъ“, и дѣйствительно, по характеристикѣ ряда отрицательныхъ типовъ пустого и испорченнаго свѣтскаго общества „Маскарадъ“ стоитъ неизмѣримо выше прежнихъ драматическихъ опытовъ Лермонтова. Міръ игроковъ, шуллеровъ, темныхъ дѣльцовъ, грязныхъ сплетниковъ, легкомысленныхъ кутилъ, интригующихъ свѣтскихъ женщинъ, стоящихъ съ любопытствомъ у самаго порога темныхъ дѣлъ, — изображенъ въ драмѣ Лермонтова чрезвычайно жизненно и ярко, такъ что бытовыя жизненныя подробности въ этой пьесѣ не являются уже такими исключительными черточками, какими они были въ его юношескихъ драмахъ. Развитіе драматическаго дѣйствія въ „Маскарадѣ“ совершается тоже неизмѣримо естественнѣе, чѣмъ это было раньше у Лермонтова. Самый языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица, очистился отъ прежней риторичности и близокъ къ той живой рѣчи „Горе отъ ума“, которую Лермонтовъ хотѣлъ себѣ поставить въ образецъ.

Что касается главнаго героя драмы, Евгенія Александровича Арбенина, то и онъ существенно отличается отъ прежнихъ героевъ — Юрія Волина и Владиміра Арбенина. Они увлекались идеалистическими мечтами: вѣруя во что-то свѣтлое, были сами по себѣ чистыми людьми и пришли къ горькому разочарованію отъ столкновенія съ дѣйствительностью. Прошлое Евгенія Арбенина представляется темнымъ, мы не знаемъ ни о какихъ его былыхъ идеалахъ и чистыхъ увлеченіяхъ, напротивъ, онъ самъ раскрываетъ намъ грязныя черты своей молодости. Вернувшись домой изъ „Маскарада“ и не заставъ жены, онъ предается мрачнымъ размышленіямъ:

Богъ справедливъ! и я теперь едва ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку,
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену—покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю.
И стыдно молвить—ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ море!

Увлекался Арбенинъ также и игрой, при чемъ постичь многія не чистыя ея стороны, какъ это видно изъ слѣдующаго объясненія, которое онъ даетъ кн. Звѣздичу:

...чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно

Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать
свободы,
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ
равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно: „Подлецъ!“

Постигнувши всѣ эти тонкости, увидѣвъ всю эту грязь, разочаровавшись въ увлеченіяхъ невысокаго свойства, о которыхъ онъ говорилъ, Арбенинъ думалъ найти спасеніе въ чистой любви и тутъ открылось, что самъ онъ къ живому, чистому, искреннему чувству уже не способенъ:

.... Я,—говоритъ онъ Нинѣ,—все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отправленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла, міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней.
Стираетъ въ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ;

Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.

Въ сущности Арбенинъ является какъ бы олицетвореніемъ крайней степени эгоизма и этотъ его эгоизмъ и какое-то глубочайшее постиженіе зла, даютъ полное основаніе Н. А. Котляревскому, сопоставляя его съ Демономъ, говорить, что Лермонтовъ „одѣлъ своего Демона въ модный фракъ и замѣнилъ сказочную обстановку игорнымъ домомъ и баломъ“. Этотъ демоническій индифферентизмъ Арбенина проявляется особенно ярко, когда онъ передъ отравленною имъ женою разсуждаетъ о жизни:

...Что такое жизнь? Жизнь—вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей—
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь?—давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ!
. . . . . .
...жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго-ль?.. Жизнь какъ балъ:
Кружишься—весело, кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ—
И все забылъ, и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой,
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба,—
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

Представивъ главнаго героя „Маскарада“ съ чертами рѣзко отрицательными, изображая его совершающимъ иногда весьма некрасивыя дѣйствія, Лермонтовъ въ этомъ образѣ, конечно, не давалъ чего-либо автобіографическаго въ такомъ духѣ, какъ это онъ сдѣлалъ, напримѣръ, при изображеніи Юрія Волина. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобъ нѣкоторыя психическія переживанія Арбенина, нѣкоторыя стороны его воззрѣній были совершенно чужды самому поэту. Такъ, отрицательный взглядъ на жизнь, высказывае-

мый Арбенинымъ, не особенно далекъ отъ извѣстнаго заявленія поэта, что жизнь—„пустая и глупая шутка“; такъ, гордое презрѣніе къ людямъ, одиночество Арбенина, напоминаютъ гордое одиночество Демона, въ образѣ котораго поэтъ воплотилъ много своего личнаго.

Послѣднимъ драматическимъ произведеніемъ Лермонтова была написанная въ 1836 г. драма „Два брата“. Не останавливаясь на запутанномъ мелодраматическомъ сюжетѣ этого произведенія, обратимъ вниманіе только на характеръ главнаго героя, Александра Радина. Это—крайній, холодный эгоистъ, и онъ даетъ весьма любопытное объясненіе того, какъ въ немъ развилось его отношеніе къ людямъ, объясненіе особенно любопытное потому, что впослѣдствіи его повторяетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ въ „Героѣ нашего времени“ Печоринъ. „Такова, говоритъ Александръ, была моя участь со дня рожденія... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали,—и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство,—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли,—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ, я чувствовалъ себя выше его,—меня ставили ниже, я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, меня никто не любилъ, — и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ чостолюбивъ, служилъ долго,—меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни, — а видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы... Въ груди моей возникло отчаянье,—не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе: я рѣшился узнать хоть разъ, что значитъ быть любимымъ“. Однако, и въ любви Александра Радина ждало горькое разочарованіе, и счастливымъ его соперникомъ опять-таки оказался его братъ.

Поэмы Лермонтова.

Оставаясь по преимуществу лирикомъ, постоянно стремясь разсказать „свою душу“, Лермонтовъ для этой цѣли, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего творчества, часто пользовался формою поэмы, тѣмъ ея видомъ, который явился въ нашей литературѣ подъ вліяніемъ романтиковъ, и въ особенности Байрона, такъ называемою лирическою поэмою: въ этой формѣ поэтъ обыкновенно выражаетъ свои собственныя думы, волненія и переживанія или при помощи отступленій отъ общей нити повѣствованія, или же, чаще всего, влагая ихъ въ уста главнаго героя, заставляя этого героя испытывать то же, что испытывалъ и переживалъ онъ самъ.

Какъ мы уже указывали въ началѣ, мы встрѣчаемся у Лермонтова съ простыми подражаніями даже пересказами того, что онъ находилъ у своихъ главныхъ образцовъ и руководителей поэзіи—у Байрона и у Пушкина. Подобнымъ пересказомъ, съ нѣкоторыми варіаціями, Пушкинской поэмы, является написанный въ 1828 г. „Кавказскій плѣнникъ“. Тотъ-же байроническій типъ выведенъ и въ написанной въ томъ-же 1828 г. поэмѣ „Корсаръ“, въ которой мы встрѣчаемъ иногда буквальное повтореніе Пушкинскихъ стиховъ, какъ напримѣръ:

Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я...

Послѣ смерти любимаго брата, герой поэмы скитается по свѣту „вездѣ съ обманутою душою, одинъ какъ сирота, не смѣя ввѣриться, какъ прежде все измѣняющей надеждѣ“. Онъ участвуетъ въ борьбѣ Греціи противъ Турокъ за свободу.

И что-то, „говоритъ онъ“, новое пылало
Въ душѣ неопытной моей
И сердце новое мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней.
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,

Желалъ онъ быть въ моряхъ широкихъ, и онъ примкнулъ къ корсарамъ. Какъ-то вмѣстѣ съ ними онъ спасаетъ во время бури какой-то греческій корабль, встрѣчаетъ гречанку молодую, которая его поразила своею красотою. Что между ними произошло, неизвѣстно, но онъ навсегда утратилъ душевный покой:

Съ тѣхъ поръ, друзья, и я стенаю,
Моя тѣмъ участь рѣшена,
Съ тѣхъ поръ покоя я не знаю,
Но съ тѣхъ-же поръ я омертвѣлъ,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Наконецъ, къ тому же 1828 году относится поэма „Черкесы“, въ которой изображено столкновеніе черкесовъ съ русскими войсками. Отъ 1829 года мы имѣемъ нѣсколько отрывковъ поэмъ: наиболѣе характерный изъ этихъ отрывковъ—„Преступникъ“, въ которомъ представлена исповѣдь человѣка, вступившаго въ любовную связь со своею мачехою и убившаго своего отца. Приставъ къ разбойникамъ, этотъ человѣкъ въ такихъ чертахъ рисуетъ свое душевное состояніе:

Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки—
Любовь къ свободѣ золотой—
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой...
Но жаръ подавленный очнется,
Когда на волюшку мою
Въ кругу удалыхъ приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я и шумъ крамолъ;
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый стволъ!

Кромѣ этого отрывка нѣкоторый интересъ представляетъ начало поэмы „Два брата“, въ которой разсказывалось о ссорѣ двухъ нѣжно любившихъ другъ друга братьевъ изъ-за любви къ какой-то женщинѣ; впослѣдствіи этотъ мотивъ былъ затронутъ снова Лермонтовымъ, когда онъ изобразилъ Александра Радина въ драмѣ того же названія, о которой мы уже говорили.

Минуя отрывки изъ поэмъ „Олегъ“ и „Венеція“, упомянемъ, что къ тому же къ 1829 году относится и первоначальный очеркъ „Демона“, въ посвященіи къ которому Лермонтовъ говоритъ:

Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна;
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не перестаетъ скорбѣть она.
. . . . . .
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я,
Мнѣ впечатлѣніе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!

Не касаясь пока первоначальной редакціи „Демона“, такъ какъ объ этой поэмѣ мы будемъ говорить дальше, мы только отмѣтимъ, что тема о любви падшаго ангела къ женщинѣ начала занимать Лермонтова уже въ это время.

Къ слѣдующему 1830 году относятся поэмы „Джуліо“, „Литвинка“, „Исповѣдь“ и послѣдній „Сынъ вольности“. Герой первой изъ этихъ поэмъ, неополитанецъ Джуліо обольстилъ и покинулъ прекрасную дѣвушку Лору. Затѣмъ онъ провелъ пять лѣтъ въ Парижѣ „шалилъ“, желая убить „совѣсти укоръ“, но его душа была пуста, жестка. Послѣ разныхъ странствованій, онъ пріѣзжаетъ въ Венецію, встрѣчается въ маскарадѣ съ какой-то Мелиной, какъ будто находитъ утѣшеніе въ любви къ ней, но въ ея будуарѣ ему является призракъ Лоры, и онъ, посѣтивъ могилу обманутой имъ дѣвушки, отправляется на сѣверъ — къ „гранитнымъ шведскимъ скаламъ“, гдѣ ищетъ спасенія въ одиночествѣ. Здѣсь встрѣчаетъ его поэтъ, которому онъ говоритъ:

Я жилъ, я жилъ и много испыталъ.
Не для корысти я въ странѣ чужой.
Могилы тьма сходна съ моей душой,
Въ которой страсти, лѣта и мечты
Изрыли бездну вѣчной пустоты.

Въ поэмѣ „Литвинка“ изображается какой-то русскій боярин Арсеній, который изъ-за плѣнной литвинки Клары покидаетъ свою юную жену и дѣтей, но Клара ему измѣняетъ и бѣжитъ съ какими-то своими земляками. Сердце Арсенія „поражено тоской“.

Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть,чернѣть гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести,
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ,—
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день со днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть... но измѣнить!
И прежде презиралъ ужъ онъ людей,—
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

Въ отрывкѣ „Исповѣдь“ мы имѣемъ первый очеркъ тѣхъ признаній, съ которыми впослѣдствіи мы встрѣчаемся въ поэмахъ „Боярин Орша“ и „Мцыри“. Здѣсь дѣйствіе происходитъ въ какомъ-то испанскомъ монастырѣ, и передъ смертью молодой преступникъ исповѣдуется старику-монаху:

...Въ послѣдній разъ
Клянусь тебѣ передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ.
Скажи, что умеръ я, какъ могъ,
Безъ угрызеній и тревогъ,
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ...
Кого любилъ?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ со мной!

За жизнь, за міръ, за небо вамъ
Я тайны этой не продамъ!

Что касается поэмы „Послѣдній сынъ вольности“, то она является въ извѣстной мѣрѣ отраженіемъ въ творчествѣ Лермонтова тѣхъ представленій объ исконной вольности славянъ, которыя были очень распространены въ кругахъ нашей либеральной молодежи конца Александровской эпохи. Дерзостный варягъ Рюрикъ „боговъ славянскихъ побѣдилъ, свободный край поработилъ“. Не хотятъ ему подчиниться только старикъ Ингелотъ и юный витязь Вадимъ, который любитъ красавицу Леду. Рюрикъ на какомъ-то торжествѣ „насильно вырвалъ“ у Леды любовь. Красавица погибла, Вадимъ вызываетъ Рюрика на единоборство:

Варягъ!—сказалъ онъ—выходи!
Свободное въ моей груди
Трепещетъ сердце... Испытай,
Сверши злодѣйство до конца;
Паденье одного бойца
Не можетъ погубить мой край,
И такъ ужъ онъ у ногъ чужихъ,
Забывъ побѣды дней былыхъ...
Новгородцы! обо мнѣ
Не плачьте... Я родной странѣ
И жизнь, и счастіе принесъ...
Не требуетъ свобода слезъ!

Рюрикъ побѣждаетъ, въ лицѣ Вадима погибаетъ „послѣдній вольный славянинъ“, и

Забытъ славянскою страной
Свободы витязь молодой

1831 году относятся поэмы „Азраилъ“, „Ангелъ смерти“, „Каллы“ и „Аулъ Бастунджи“.

Въ первой изъ этихъ поэмъ мы видимъ тему близкую Демону. Состояніе своей души падшій ангелъ Азраилъ характеризуетъ такимъ образомъ:

Все пусто, лишь одно мученье
Грызетъ ее съ давнишнихъ дней
И гонитъ прочь отдохновенье;
Но никогда не устаетъ
Его отчаянная злоба,
И въ темной, темной кельѣ гроба
Оно во вѣки не уснетъ.

Все умираетъ, все проходитъ.
Гляжу, за вѣкомъ вѣкъ уводитъ
Толпы народовъ и міровъ,
И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ,
Но духъ мой гибели не знаетъ:
Живу одинъ средь мертвецовъ,
Закономъ общимъ позабытый,
Съ своими чувствами въ борьбѣ,
Съ душой, страданьями облитой,
Не зная равнаго себѣ.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я все мгновенное люблю,
Утрата мучитъ грудь мою.
И я безсмертенъ,—и за что же?
Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
Такую пытку? Боже, Боже!
Хотя бы могъ я не любить!

Азраилъ думаетъ, что онъ нашелъ дѣвушку, которая надъ нимъ „слезу уронитъ“ и смягчитъ Творца молитвой; онъ разсказываетъ ей „повѣсть чудную“ о своей печальной судьбѣ, но онъ ошибся: выслушавъ его, дѣва говоритъ, ему, что она пришла проститься, потому что выходитъ замужъ за какого-то славнаго воина.

Того же ангела мы встрѣчаемъ и въ поэмѣ „Ангелъ смерти“. Желая утѣшить несчастнаго Зораима, который лишился своей возлюбленной Ады, Ангелъ оживляетъ трупъ дѣвы „душою ангельской своей“. Но Зораимъ, вмѣсто того, чтобы отдать свою жизнь ангелу Адѣ, идетъ на войну. Онъ убитъ, и ангелъ, освободившись отъ смертной оболочки тѣла дѣвы,

Простился съ прежней добротой,—
Людей узналъ онъ: состраданья
Они не могутъ заслужить,
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть!
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?..
Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ:
Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
Его привѣтственныя рѣчи,
И мраченъ неподвижный взоръ,
И льда хладнѣй его объятье,

И поцѣлуй его—проклятье!..

Въ поэмѣ „Каллы“ разсказывается о какомъ-то Аджи, который, по наущенію муллы жестокаго, соблюдая обычай кровомщенія, зарѣзалъ старика Акбулата, его сына, ни въ чемъ неповинную красавицу дочь, а затѣмъ, вернувшись домой, убилъ и муллу. Такими же кровавыми ужасами отличается и поэма „Аулъ Бастунджи“. Герой поэмы, молодой Селимъ, „мать убилъ своимъ рожденьемъ“,

И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку стрѣтила гроза!..

Селимъ одинъ среди своихъ земляковъ, онъ духовно чуждъ и своему старшему брату, Акбулату и полюбилъ онъ только жену Акбулата, красавицу Зару. Онъ проситъ брата уступить ему жену, но братъ отказываетъ, и Селимъ убиваетъ Зару. Акбулатъ проклинаетъ Селима, „и въ ту же ночь за часъ передъ зарею пылала ярко сакля Акбулата“, а вмѣстѣ съ нею погибъ и аулъ Бастунджи.

Этотъ длинный рядъ юношескихъ, весьма несовершенныхъ въ техническомъ отношеніи, произведеній заканчивается 1832 году уже неизмѣримо лучше обработанной поэмой „ Измаилъ-бей“, въ которой выведенъ прежній демоническій образъ. Герой поэмы представляется совершенно исключительнымъ существомъ:

Бываютъ люди: чувства—имъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластво показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ,
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами!..
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ, и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ,
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

Такимъ образомъ Измаилъ-бей представляется сходнымъ съ героями прежнихъ произведеній Лермонтова: это демоническая натура, которая нигдѣ не можетъ найти себѣ настоящаго дѣла и всюду несетъ съ собою несчастье, и замѣчательно, что рисуя его образъ Лермонтовъ прибѣгаетъ почти къ тѣмъ же выраженіямъ, которыми онъ характеризовалъ Селима въ поэмѣ „Ааулъ Бастунджи“:

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не зналъ:
Не у груди, подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣта;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ!
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ;
И лишь орлы да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою!..

Въ раннемъ дѣтствѣ онъ посланъ былъ отцомъ въ Россію, здѣсь прошло его воспитаніе, онъ принялъ христіанство и такимъ образомъ порвалъ связь, соединявшую его съ земляками; онъ отдался тѣмъ наслажденіямъ, которыя ему могъ открыть кругъ людей цивилизованныхъ; онъ усвоилъ ихъ пороки, но все же и для нихъ онъ остался чужимъ. Какъ говоритъ о немъ „русскій воинъ“, которому онъ причинилъ великое горе, обольстивъ его невѣсту:

Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался,
Для нашихъ женщинъ онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ ихъ воображенье,
Повелѣвалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ наслажденье
Не почиталъ онъ никогда.

Не знаю—было то презрѣнье
Къ законамъ стороны чужой,
Или испорченныя чувства!..
Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой,
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

Насмѣявшись надъ чистымъ чувствомъ молодой дѣвушки, Измаилъ уже не находитъ себѣ мѣста среди образованныхъ людей, такъ какъ имъ онъ не вѣритъ и презираетъ ихъ:

. . . . . въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ; и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный!..
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ!
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ.

Разочарованный, онъ рѣшается вернуться на родину, думая здѣсь найти духовное возрожденье и, дѣйствительно, первыя впечатлѣнія были радостны, какъ бы сулили ему забвенье всѣхъ его горестей:

И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья.

Возвратъ къ первобытной простотѣ и свободѣ для Измаила-Бея невозможенъ потому, что это первобытное состояніе какъ бы въ силу рокового стеченія обстоятельствъ должно уступить мѣсто новымъ условіямъ жизни. „Весь трагизмъ душевнаго состоянія Измаила,—говоритъ Н. А. Котляревскій,—коренится въ этомъ противорѣчіи: тяготѣнія къ свободѣ и сознанія, что ей долженъ придти конецъ. Онъ,

умершій для всѣхъ наслажденій и всѣхъ чувствъ, живетъ только однимъ чувствомъ патріота, защищающаго свободу противъ угѣсненія. Онъ давно бы самъ покончилъ съ собою, если бы не эта борьба, безплодность которой для него, однако, очевидна. Онъ не фанатикъ въ своей любви къ свободной родинѣ, а цивилизованный человѣкъ XIX вѣка, ставшій лицомъ къ лицу съ однимъ изъ самыхъ запутанныхъ этическихъ вопросовъ. Онъ—жрецъ умирающей религіи, сознающій законность и необходимость этой смерти... Примиреніе съ жизнью для него немыслимо при данныхъ условіяхъ, а потому исходъ одинъ—бороться упорно и ждать, пока смерть сниметъ съ него всякую отвѣтственность. Отсюда — безпечность, неосторожность Измаила при львиной отвагѣ и храбрости, а также и постоянный рискъ жизнью. Созданіе такого типа, какъ Измаилъ, при всѣхъ его романтическихъ недостаткахъ, говорило о значительномъ расширеніи кругозора поэта. Вспомнимъ, какъ вопросъ о борьбѣ первобытной свободы и цивилизаціи рѣшенъ Пушкинымъ въ его поэмѣ „Цыгане“. Цивилизованный человѣкъ брошенъ въ среду дикаго племени, какъ кара Божія, какъ живой образецъ эгоизма и разнузданной страсти. Въ „Измаилѣ“ этотъ же человѣкъ умираетъ за свободу, неоцѣненный и даже проклинаемый своими. Между Алеко и цыганами нѣтъ ничего общаго, какъ между нравственной чистотой и порокомъ. Противорѣчіе между цивилизаціей и свободой подчеркнуто рѣзко и не указано никакой возможности ихъ примиренія. Между Измаиломъ и кавказскимъ племенемъ тоже существуетъ рознь, но, что бы ни говорилъ авторъ „о развратѣ Европы и ядѣ просвѣщенія“, — герой не ужился со своими не потому, что онъ былъ испорченъ, а, наоборотъ, потому, что онъ стоялъ выше ихъ. Первобытные дикари не ужились съ человѣкомъ, который сталъ выше общаго уровня, они отвернулись отъ него, когда узнали, что онъ измѣнилъ старинѣ, и тѣмъ самымъ эта первобытная свобода доказала свою косность и законность своей гибели. Паденіе обветшалаго бога описано Лермонтовымъ съ рѣдкимъ сочувствіемъ, съ участіемъ, которое показываетъ намъ, что одновременно съ Измаиломъ въ душѣ поэта умирала дорогая ему иллюзія сердца, дорогая мечта о блаженной, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсненной свободѣ. Размышленіе надъ этимъ запутаннымъ нравственнымъ вопросомъ и побудило мечту поэта создать образъ мрачнаго горца. Лермонтовъ пытался, очевидно, дать новое рѣшеніе мучившей его загадки. Рѣшеніе было въ сущности давно извѣстное; это была мечта о возможности возвращенія къ первобытнымъ простѣйшимъ условіямъ общежитія. Нельзя ли отъ злыхъ людей найти убѣжище среди людей простыхъ и наивныхъ? Поэтъ, кажется, вѣрилъ въ

возможность такого спасенія, судя по тому, съ какой любовью и вдохновеніемъ онъ говорилъ о свободно-наивномъ состояніи. Но эта вѣра была самообманъ. Поэтъ понялъ, что цивилизованному человѣку не ужиться среди такой первобытной культуры и что сама эта культура осуждена на исчезновеніе. Такъ разлетѣлась и эта мечта, и вопросъ о томъ, въ какое положеніе стать къ людямъ, нестоющимъ любви, — остался, какъ и былъ, открытымъ".

Послѣ „Измаила-Бея", въ 1833—34 гг. Лермонтовъ возвращается къ темѣ, затронутой въ поэмѣ „Каллы", и рисуетъ кровавую картину мести въ поэмѣ „Хаджи-Абрекъ". Герой этой поэмы, повинуясь обычаю кровомщенія, убиваетъ ни въ чемъ неповинную Леплу потому, что ее любитъ Бей-Булатъ, убившій ранѣе его брата. Поэма написана блестящими стихами, въ ней много красивыхъ, эффектныхъ подробностей, но по своему содержанію она представляетъ въ творчествѣ Лермонтова весьма незначительную цѣнность.

Гораздо интереснѣе по замыслу написанная два года послѣ этого поэма „Сашка", оставшаяся неоконченною. Быть можетъ, въ этой поэмѣ, представляющей по формѣ весьма большую близость съ Байроновскимъ „Донъ-Жуаномъ", Лермонтовъ имѣлъ въ виду изобразить несчастную судьбу А. И. Полежаева, о которомъ онъ упоминаетъ въ двухъ-трехъ весьма прочувствованныхъ строфахъ; быть можетъ, онъ давалъ и нѣкоторыя черточки своей собственной жизни, своихъ юношескихъ любовныхъ похожденій; но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ предположить, что это произведеніе преслѣдовало болѣе общую цѣль, и, слѣдуя своему англійскому оригиналу, нашъ поэтъ на фонѣ циничнаго разсказа о разгульныхъ приключеніяхъ своего героя хотѣлъ съ одной стороны дать любопытную жанровую картинку современности, а съ другой—выразить тѣ же самыя мысли пессимистическаго свойства, съ какими мы встрѣчались въ другихъ его произведеніяхъ. Естественно, что при этомъ былъ неизбѣженъ извѣстный автобіографическій и субъективный элементъ, проявившійся въ такихъ, напримѣръ, подробностяхъ, въ которыхъ Н. А. Котляревскій склоненъ видѣть „собственный дневникъ" самого поэта:

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ,
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный,
И въ немъ терялся мыслію послушной.
Таковъ средь океана островокъ:

Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты-жъ на немъ незнаемы увянутъ...
Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность.
Они летали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы, и въ пустынѣ свѣта
На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

Еще болѣе личный, субъективный элементъ выражается въ нѣкоторыхъ лирическихъ отступленіяхъ, когда поэтъ начинаетъ говорить уже отъ своего имени, какъ напримѣръ, въ слѣдующихъ характерныхъ, чуждыхъ всякаго цинизма и скорѣе исполненныхъ грустнаго размышленія стихахъ:

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу,
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанье славы,
Какъ призракъ, разлетѣлося. Вы правы:
Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелій и свободы; и, не зная
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.
Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

Минуя циничныя и по формѣ и по содержанію поэмы „Гошпиталь“, „Уланша“ и „Петергофскій праздникъ“, въ которыхъ поэтъ, какъ мы знаемъ, надѣвъ на себя маску

грязнаго цинника, отдалъ дань разгулу, царившему въ юнкерской средѣ, остановимся на поэмѣ „Бояринъ Орша“, написанной нѣсколько ранѣе „Сашки“, въ 1835—36 гг. Въ этомъ произведеніи поэтъ хотѣлъ представить древнюю русскую жизнь, однако русскаго въ немъ почти ничего нѣтъ, такъ какъ поэма почти сплошь является отголоскомъ Байроновскихъ „Гяура“ и „Абидосской Невѣсты“. Герой поэмы, воспитанный въ монастырѣ, рабъ жестокаго боярина, является прототипомъ „Мцыри“: не даромъ въ эту послѣднюю свою поэму Лермонтовъ перенесъ цѣлый рядъ стиховъ изъ „Боярина Орши“. Арсеній такъ же, какъ и впослѣдствіи Мцыри, не можетъ примириться со своимъ рабскимъ состояніемъ и стремится на волю, при чемъ даже, какъ герой повѣсти „Вадимъ“ [1]), сближается съ разбойниками, о чемъ разсказываетъ дочери боярина:

Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привелъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,—
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской невольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,—
Придумалъ я свой край родной
Навѣкъ оставить, но съ тобой!..
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ;
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ;
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя—и я богатъ!..

Призванный на монастырскій судъ, Арсеній передъ старикомъ монахомъ ярко оправдываетъ свои дѣйствія, и его рѣчь дышитъ глубокою любовью къ волѣ, которой онъ лишенъ, которая для него дороже даже самой жизни:

Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной, вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?

---

[1]) Есть существенное, однако, у него различіе съ Вадимомъ. Арсеній красавецъ и его любитъ боярская дочь, тогда какъ Вадимъ безобразный горбачъ и не можетъ разсчитывать на взаимность любимой имъ дѣвушки.

Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей?
Съ высокой башни угловой
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ,—я также могъ бы жить!

Рядомъ съ этими байроническими мотивами въ этотъ моментъ творческаго развитія Лермонтова поражаютъ совсѣмъ инымъ характеромъ изложенія двѣ поэмы, въ которыхъ поэтъ совсѣмъ отрѣшился отъ своего субъективизма. Это написанныя въ 1837 г. „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ и „Казначейша“.

Остановимся сперва на „Казначейшѣ“, произведеніи, въ которомъ, какъ мы уже говорили, Лермонтовъ слѣдовалъ манерѣ изложенія „Евгенія Онѣгина“. Самымъ цѣннымъ въ этой, по содержанію своему весьма незначительной, повѣсти слѣдуетъ признать реализмъ изображенія провинціальной жизни, реализмъ, которымъ молодой поэтъ болѣе всего приближается къ своему геніальному учителю. Какою простотой и жизненностью проникнута, напримѣръ, слѣдующая характеристика старика казначея!

Противъ гостинницы Московской,
Притона буйныхъ усачей,
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ.
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ;
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли;
Зато предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки,
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ,—

Невинной роскоши уборъ.
Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была ему охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ);
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой
И талью скверную порой
Запить цымлянскаго струей.
Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его крапленыя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ—
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, со стыда.

Столь же реалистична и слѣдующая картинка обѣда у предводителя дворянства:

Амфитріонъ былъ предводитель,
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,—
Но праздникъ въ томъ не потерялъ.
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра припасено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

Впередъ подъ ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ.
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный,—
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное смѣшно.
Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.

Этихъ указаній на черты реализма въ „Казначейшѣ“, думается намъ, вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить стремленіе нашего поэта къ сближенію съ дѣйствительностью, и въ виду незначительности сюжета этой поэмы мы на ней не будемъ останавливаться и перейдемъ ко второму изъ отмѣченныхъ нами выше произведеній, къ знаменитой „Пѣснѣ про купца Калашникова“.

Эта „Пѣсня“ занимаетъ совсѣмъ особенное мѣсто не только въ творчествѣ Лермонтова, — она можетъ считаться совершенно исключительнымъ явленіемъ въ новой русской поэзіи, явленіемъ, стоящимъ особнякомъ, подобнаго которому указать не представляется возможности. Достоевскій въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину отмѣтилъ, какъ отличительную черту нашего великаго поэта, его способность „перевоплощенія въ геніи чужихъ странъ и вѣковъ“. Въ сущности эта способность перевоплощаться въ геніи чужихъ странъ и другихъ вѣковъ принадлежитъ всѣмъ великимъ поэтамъ, составляетъ общее ихъ отличительное свойство, и у Лермонтова эта способность выразилась чрезвычайно ярко въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“, читая которую мы испытываемъ настоящую поэтическую иллюзію: передъ нами какъ будто не поэтъ XIX вѣка, а пѣвецъ, слагатель былины эпохи Грознаго. Тонъ народной пѣсни замѣчательно выдержанъ, и во всемъ этомъ довольно большомъ произведеніи нельзя указать почти ни одного слова, нарушающаго общую гармонію: величавое эпическое спокойствіе пѣвца отзывается чѣмъ-то гомеровскимъ и особенно поразительно въ приступѣ къ „Пѣснѣ“ и въ припѣвѣ, вполнѣ

соотвѣтствующемъ скоморошьимъ запѣвкамъ нашихъ былинъ:

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьто вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Четыре дѣйствующихъ лица „Пѣсни"—„удалой боецъ" Кирибѣевичъ, „старый купецъ" Калашниковъ, его „молодая жена" Алена Дмитріевна, „грозный царь" Иванъ Васильевичъ изображены замѣчательно рельефно, стоятъ передъ нами, какъ живые. Пониманіе характера царя чисто народное и глубоко вѣрное: передъ нами дѣйствительно „грозный царь", какъ его понялъ народъ, а не Jean de Terrible, какимъ онъ является въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Очень характеренъ, какъ это указалъ Достоевскій, разговоръ царя съ Калашниковымъ послѣ смерти Кирибѣевича и особенно отвѣтъ Калашникова, что онъ убилъ опричника „вольной волею", отвѣтъ, который дается „по правдѣ, по совѣсти", такъ какъ иначе отвѣчать царю, по народному воззрѣнію, недопустимо. Всѣ попытки нашихъ поэтовъ писать былинным складомъ, даже прекрасныя былины гр. А. К. Толстого, не могутъ выдержать самаго поверхностнаго сравненія съ этою „Пѣснею": все это поддѣлки подъ народную поэзію, а тутъ она какъ бы сама въ своемъ чистомъ подлинномъ видѣ.

Проф. П. В. Владиміровъ, произведшій въ своей статьѣ „Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова" детальнѣйшее изслѣдованіе „Пѣсни" сравнительно съ произведеніями народной словесности и отмѣтившій многія черты совпаденія „Пѣсни" съ народнымъ эпосомъ и разбойничьими пѣснями, хотя бы начиная съ самаго имени „Калашниковъ", которому въ народной пѣснѣ соотвѣтствуютъ „два калашничка, дѣти-то Кулашниковы",—приходитъ къ такому, на нашъ взглядъ, вполнѣ справедливому заключенію: „Мы не разъ имѣли случай замѣтить совпаденія Лермонтовской „Пѣсни" съ народными пѣснями, помимо сборника Кирши Данилова. Несомнѣнно, что не одинъ этотъ сборникъ былъ въ распоряженіи Лермонтова; несомнѣнно, что у него могли быть подъ руками и другіе сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, онъ могъ и самъ слышать подобныя пѣсни, или могъ пользоваться чужими записями. Въ этомъ насъ убѣждаютъ сопоставленія Лермонтовской „Пѣсни" съ такъ назыв. разбойничьими или удалыми пѣснями и съ народными бытовыми. Нельзя однако считать „Пѣсню" Лермонтова какимъ-то сборнымъ произведеніемъ изъ русскихъ народныхъ мотивовъ и картинъ, не

говоря уже о томъ, что едва-ли можно отыскать что-либо отвѣчающее всему сюжету Лермонтовской „Пѣсни“ въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтъ силою своего творчества представилъ новое произведеніе, которое родственно съ народной поэзіей, но не тожественно. Его „Пѣсня“ такъ же связана съ народными мотивами, какъ большая величавая рѣка, разливающаяся вширь и вдаль,— съ своими истоками — изъ родниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ почвы“ [1]).

Какъ замѣчательный образецъ историческаго реализма, „Пѣсня про купца Калашникова“, можетъ считаться достаточно яркимъ доказательствомъ того, что Лермонтову открывался свободный выходъ на широкій путь объективнаго творчества, что великій его талантъ съ годами пріобрѣталъ ту крѣпость, которая необходима для сближенія съ жизнью, для усвоенія того, что мы обыкновенно называемъ поэзіею дѣйствительности. Къ этой поэзіи Лермонтовъ понемногу подходилъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ: вспомнимъ реалистическія подробности „Маскарада“, вспомнимъ нѣкоторыя черты „Сашки“, „Казначейши“, „Бородино“,—и для нашего утвержденія матеріалъ окажется далеко не особенно скуднымъ... Но поэтъ былъ все же очень молодъ, въ его душѣ шла постоянная напряженная работа вслѣдствіе столкновенія противоположныхъ другъ другу жизненныхъ впечатлѣній, вслѣдствіе больно ощущавшагося имъ разлада мечты и дѣйствительности, вслѣдствіе горькаго сознанія неосуществимости волновавшихъ его идеальныхъ стремленій; быть можетъ, также и въ самой натурѣ его преобладалъ элементъ эгоцентризма, какъ это утверждаютъ нѣкоторые критики-психологи... Принявъ въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, мы поймемъ, что отказаться совсѣмъ отъ субъективизма въ творчествѣ для Лермонтова, по крайней мѣрѣ въ эти годы, представлялось почти невозможнымъ, и онъ долженъ былъ дать еще нѣкоторыя произведенія, которыя, какъ и прежнія его драмы и поэмы, являлись выраженіемъ его мятущагося, страстно ищущаго духа.

---

[1]) Приводя это мнѣніе проф. Владимірова, съ которымъ мы вполнѣ согласны, мы считаемъ, однако, не лишнимъ упомянуть и о рѣзко отрицательномъ сужденіи о „Пѣснѣ“, высказанномъ извѣстнымъ педагогомъ, г. Балталономъ, который полагалъ, что „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ не представляетъ собою удачнаго подражанія согласно съ народными взглядами“ (Рус. Школа, 1892 г., № 5—6). Однако несостоятельность этого положенія вполнѣ убѣдительно была раскрыта С. Н. Брайловскимъ (Рус. Школа, 1893 г., № 7—8), который показалъ, что параллели съ народной поэзіей должны быть проведены гораздо шире, чѣмъ это сдѣлано г. Балталономъ; а кромѣ того и цитированная статья проф. Владимірова освѣщаетъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ вполнѣ достаточнымъ количествомъ фактическаго матеріала.

Въ ряду поэмъ такими произведеніями были „Демонъ“ и „Мцыри“, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обратимся.

Поэма „Демонъ“ въ исторіи творчества Лермонтова занимаетъ такое же мѣсто, какъ „Евгеній Онѣгинъ“ въ творчествѣ Пушкина, какъ „Донъ-Жуанъ“ у Байрона и „Фаустъ“ у Гете: поэтъ посвятилъ своему произведенію цѣлый рядъ лѣтъ, онъ работалъ надъ нимъ съ 15-ти-лѣтняго возраста почти до самой своей кончины, постоянно его передѣлывая, внося новыя подробности, то сокращая, то распространяя первоначальный текстъ поэмы, придавая дѣйствующимъ въ ней лицамъ такія черты, которыя значительно видоизмѣняли тотъ обликъ, въ какомъ они предстали его воображенію, когда онъ только что приступалъ къ своему поэтическому созданію. Такая упорная обработка даннаго произведенія показываетъ, что Лермонтовъ придавалъ ему особенно важное значеніе, какъ любимому дѣтищу своей фантазіи, въ которомъ отразились какъ собственныя его переживанія, такъ и до извѣстной степени образы, навѣянные чтеніемъ въ юные годы Байрона и другихъ поэтовъ. Правда, подъ конецъ жизни, въ „Сказкѣ для дѣтей“ Лермонтовъ отозвался о своемъ увлеченіи образомъ Демона какъ о чемъ-то уже миновавшемъ, отъ чего онъ избавился:

Мой юный умъ (говоритъ онъ), бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами.

Хотя поэтъ и называетъ здѣсь свое увлеченіе образомъ Демона „дикимъ бредомъ“, хотя онъ и утверждаетъ, что „отдѣлался отъ него стихами“,—тѣмъ не менѣе мы имѣемъ полное основаніе съ нимъ не согласиться: отъ этого „бреда“ поэтъ не избавился до самой своей смерти, занимаясь обработкою своей поэмы, можетъ быть, даже въ 1841 г., какъ это извѣстно изъ свидѣтельствъ лицъ, близко къ нему стоявшихъ. Однако, если мы и имѣемъ право не совсѣмъ соглашаться съ поэтомъ, намъ все же приходится признать, что въ процессѣ многолѣтней работы поэтъ такъ далеко отошелъ отъ своего первоначальнаго замысла, Демонъ его принялъ такія новыя очертанія, что дѣйствительно тотъ образъ, который рисовался поэту въ юные годы, „какъ царь нѣмой и гордый“, могъ ему показаться „дикимъ бредомъ“.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ извѣстнаго образа демона, созданнаго Пушкинымъ, Лермонтовъ, еще не вполнѣ уяснивъ себѣ идею будущей своей поэмы, представлялъ своего демона исключительно духомъ отрицанія, сомнѣнія, олицетвореніемъ зла:

Собранье золъ—его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя,
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ,
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ...
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь,
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь,
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,—
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей. (1829)

Черезъ два года этотъ образъ нѣсколько осложняется новыми деталями, но по существу остается почти безъ измѣненія:

Собранье золъ его стихія.
Носясь межъ темныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя,
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Онъ любитъ пасмурныя ночи,
Туманы, блѣдную луну,
Улыбки горькія и очи,
Безвѣстныя слезамъ и сну.
Къ ничтожнымъ хладнымъ толкамъ свѣта
Привыкъ прислушиваться онъ,
Ему смѣшны слова привѣта,
И всякій вѣрящій смѣшонъ.
Онъ чуждъ любви и сожалѣнья,
Живетъ онъ пищею земной,
Глотаетъ жадно дымъ сраженья
И паръ отъ крови пролитой.
Родится-ли страдалецъ новый,—
Онъ безпокоитъ духъ отца,
Онъ тутъ съ насмѣшкою суровой
И съ дикой важностью лица.

Когда же кто-нибудь нисходитъ
Въ могилу съ трепетной душой,
Онъ часъ послѣдній съ нимъ проводитъ,
Но не утѣшенъ имъ больной.
И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня,
И умъ мой озарять не станетъ
Лучемъ чудеснаго огня;
Покажетъ образъ совершенства
И, вдругъ отниметъ навсегда,
И давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда.

Представляя въ этихъ стихотвореніяхъ мрачный образъ духа отрицанія и сомнѣнія, носителя злого начала въ мірѣ, юный поэтъ открыто отожествлялъ съ нимъ самого себя, какъ это видно изъ относящагося къ 1829 г. стихотворенія, въ которомъ поэтъ характеризуетъ себя такими чертами:

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.
Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочти, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

Приведенныя признанія Лермонтова, въ сопоставленіи съ нѣкоторыми другими его юношескими стихотвореніями, въ которыхъ рисуется его демоническая отчужденность отъ міра, позволяютъ съ несомнѣнностью утверждать, что первою основою его поэмы были именно личныя его переживанія, и, исходя изъ этого положенія, Н. А. Котляревскій находитъ, что „оцѣнивать эту поэму должно прежде всего, какъ личное признаніе, какъ попытку обобщить и разрѣшить ту нравственную проблему, которая въ юные годы такъ тревожила пытливую мысль юноши“.

Но какая же была эта нравственная проблема? Какая идея положена поэтомъ въ основаніе его произведенія? Основная нравственная идея „Демона“ была, говоритъ Н. А. Котляревскій, „несомнѣнно выстрадана Лермонтовымъ и принадлежала лично ему. Она заключена въ одномъ простомъ,

но трудно рѣшимомъ вопросѣ: можетъ ли человѣкъ примириться съ полнымъ одиночествомъ и не искать встрѣчи съ другими людьми, даже если признать, что въ немъ погибли всѣ добрыя чувства, что онъ силенъ настолько, чтобы ни въ комъ не нуждаться, и пресыщенъ и разочарованъ до полнаго индифферентизма? И если при всемъ этомъ человѣкъ не въ силахъ сжиться со своимъ одиночествомъ, то какое же чувство можетъ вдохнуть новую жизнь въ совершенно мертвую душу? Если вспомнить, какъ часто Лермонтовъ считалъ свою собственную душу умершей для всѣхъ чувствъ,—то станетъ понятнымъ, почему поэтъ могъ такъ долго, въ продолженіе всей своей жизни, думать и работать надъ своей поэмой. Въ ней онъ утѣшалъ самого себя, хотѣлъ увѣрить себя въ томъ, что полнаго одиночества и индифферентизма для человѣка нѣтъ, и что никогда не исчезающая возможность любви можетъ быть залогомъ душевнаго обновленія".

Знаменитая поэма открывается именно изображеніемъ одиночества, душевной пустоты, испытываемой Демономъ особенно остро при воспоминаніи о быломъ блаженствѣ:

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшимъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ;
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья;
Когда, безпечный, онъ не зналъ,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
Безплодной муки сожалѣнья
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы!
Давно отверженный блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта.
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,

Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,—
И зло наскучило ему.

Итакъ, преобладающимъ настроеніемъ въ душѣ гордаго, все презирающаго духа является не злоба, не месть божеству, не протестъ противъ высшей силы, которая его побѣдила, но скука, тоска одиночества,—и этимъ свойствомъ Лермонтовскій Демонъ существенно отличается отъ длинной серіи своихъ предшественниковъ въ міровой поэзіи, образы которыхъ были хорошо знакомы Лермонтову еще съ юношескихъ лѣтъ, когда онъ жадно знакомился съ Байрономъ и другими представителями „міровой скорби“.

Но каковы же были эти предшественники? Что нашелъ Лермонтовъ въ созданіяхъ великихъ европейскихъ творцовъ, когда въ его фантазіи промелькнулъ впервые тотъ „могучій образъ“, плѣнявшій его „волшебно-сладкой красотою“, о которомъ онъ говоритъ въ „Сказкѣ для дѣтей?“

Нѣкоторыя данныя въ этомъ отношеніи представляетъ не разъ нами цитированное сочиненіе академика Н. А. Котляревскаго, но болѣе детальное изслѣдованіе вопроса мы находимъ въ статьяхъ проф. Н. П. Дашкевича „Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова“ и „Демонъ въ міровой поэзіи“ *), указаніями которыхъ мы и воспользуемся.

Поставивъ себѣ цѣлью опредѣлить мѣсто Лермонтовскаго Демона въ міровой поэзіи, почтенный изслѣдователь разсматриваетъ исторію изображеній духа зла, начиная со среднихъ вѣковъ. Въ этотъ періодъ жизни человѣчества „діаволъ былъ—говоритъ Н. П. Дашкевичъ—въ высшей степени грознымъ призракомъ, и одни, фантазія которыхъ подпадала болѣзненному страху, съ ужасомъ открещивались отъ рисовавшагося ихъ воображенію заклятаго врага Божія и противника всѣхъ стремящихся къ добру, и отъ этого тяжелаго кошмара не могли освободиться даже суровые аскеты, проводившіе всю жизнь въ подвигахъ благочестія и, казалось, вовсе не долженствовавшіе бояться врага рода человѣческаго; другіе же совсѣмъ преклонялись передъ мощью діавола и становились его почитателями. Діаволъ былъ героемъ множества легендъ, въ которыхъ являлся въ роли искусителя; между прочимъ, средневѣковая фантазія знала и о томъ, что діаволами были обольщаемы дѣвушки,

*) Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. VI и VII.

между прочимъ — монахини. Былъ весьма распространенъ также мотивъ о преніи діавола съ ангелами за грѣшную душу. Но къ концу среднихъ вѣковъ въ повѣстенкахъ потѣшнаго содержанія, каковы Fabliaux, діаволъ выступилъ въ самой обыденной житейской обстановкѣ, являясь участникомъ нерѣдко глупыхъ и смѣшныхъ приключеній. Въ этихъ веселыхъ разсказцахъ въ тонѣ легкой насмѣшки выражается народное представленіе о діаволѣ, и послѣдній предстаетъ, какъ чертенокъ-проказникъ, любящій помучить человѣка и пугнуть его, постоянно вмѣшивающійся въ дѣла людей, чтобы толкать ихъ ко злу, и нерѣдко при этомъ зло подсмѣивающійся. Діавола винятъ во всѣхъ неудачахъ и во всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ человѣка. Діаволъ отстаетъ-де отъ своей несчастной жертвы лишь въ томъ случаѣ, когда за послѣднюю вступятся Богородица и святые; онъ изобрѣтаетъ тысячи способовъ соблазнять человѣка и является въ различныхъ видахъ, между прочимъ, и въ образѣ женщины; опасаясь, что жертва, которою онъ овладѣлъ, можетъ ускользнуть изъ его власти, діаволъ старается поскорѣе умертвить ее. Онъ обладаетъ острымъ и подвижнымъ умомъ, силенъ въ словопреніяхъ и отличный „логикъ“. Народная драма послѣднихъ столѣтій средневѣковья, впадая въ фривольность, также надѣлила діавола, получавшаго въ ней все болѣе и болѣе мѣста, ролью комика и интригана, смѣялась надъ нимъ и ставила его въ комическія положенія, при чемъ иногда онъ подвергался потасовкѣ изъ-за человѣческихъ душъ. Этотъ діаволъ одновременно и страшенъ и смѣшонъ. Наружность его получила видъ, какой приписывала ему грубая народная вѣра и вслѣдъ за нею средневѣковое искусство: черти были снабжены рогами, когтями, хвостами и лошадиными копытами; они черны и т. п. Послѣ реформаціи діаволъ вновь началъ казаться могучимъ врагомъ. Лютеранство и противоположность раціонализму гуманизма содѣйствовали усиленію вѣры въ личнаго діавола и его пособниковъ“.

Въ новомъ обликѣ могучаго героя, исполненнаго мрачнаго величія, діаволъ является въ драмѣ голландскаго католика XVII в., Фонделя „Люциферъ“. Этотъ образъ, быть можетъ, оказалъ нѣкоторое вліяніе на Мильтона, который наиболѣе видное мѣсто въ „Потерянномъ Раѣ“ отвелъ Сатанѣ. „Поборникъ англійской революціи,—говоритъ Н. П. Дашкевичъ,—изобразилъ въ Сатанѣ неукротимо-гордаго революціонера-республиканца, побѣжденнаго, но не сломленнаго, не пожелавшаго признавать высшій авторитетъ и предпочитавшаго царство въ аду рабству на небѣ. Онъ надѣленъ качествами мощнаго начинателя и вождя революціи. Онъ гордъ, исполненъ пламенной ненависти и несокрушимъ

въ своемъ мужествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не вполнѣ заглохло влеченіе къ добру: увидѣвъ невинную человѣческую чету, Сатана былъ тронутъ почти до слезъ. Онъ все-таки сохранялъ отпечатокъ своего прежняго величія. Онъ богоподобенъ, какъ и Михаилъ, и не вполнѣ лишился своего прежняго блеска. Въ немъ все еще можно узнать перваго когда-то между ангелами. И въ то же время Сатана Мильтона громаденъ и видъ его чудовищенъ и страшенъ. Въ общемъ однако образъ энергичнаго, все преодолѣвающаго Сатаны внушаетъ удивленіе читателю поэмы Мильтона и, понятно, производилъ глубокое впечатлѣніе и оказалъ значительное вліяніе на поэтическое творчество. Онъ положилъ начало представленію Сатаны какъ бы съ чертами Прометея библейскаго вѣроученія и былъ первообразомъ гордаго и непримиримаго на всю вѣчность Байронова Люцифера".

У ближайшаго по времени къ Мильтону представителя религіознаго эпоса, у Клопштока, рядомъ съ традиціоннымъ библейскимъ образомъ Сатаны, какъ врага Божія, рисуется въ трогательныхъ очертаніяхъ кающійся падшій ангелъ Аббадона, которому предопредѣлено по волѣ Спасителя блаженство. XVIII вѣкъ внесъ въ характеръ діавола черту язвительнаго скептицизма, ярче всего проявившуюся въ Гетевскомъ Мефистофелѣ, и только у Байрона діаволъ вновь пріобрѣтаетъ грандіозность, которою надѣлилъ его Мильтонъ. „Въ мистеріи „Каинъ" Люциферъ является, говоритъ проф. Дашкевичъ, непримиримымъ врагомъ Бога и всего существующаго порядка. Онъ принадлежитъ къ числу душъ, которыя

. . . . . дерзаютъ наслаждаться
Своимъ безсмертьемъ и дерзаютъ также
Всесильному въ глаза смотрѣть и прямо
О томъ, что зло—не благо, говорить.

Люциферъ, какъ и Каинъ, исполненъ недовольства существующимъ порядкомъ, горькаго негодованія, ненависти къ Всемогущему и не вѣритъ въ благость Божію. Рѣчи его дышатъ упорствомъ и сомнѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неукротимо гордъ. Все это находится въ связи съ его безпокойною натурой, отстаиваніемъ правъ и культомъ ума. Девизъ Люцифера сказался въ его совѣтѣ Каину:

Будь независимъ. Умъ свободный можетъ
Царить надъ міромъ. Умъ не ползать долженъ,
Но возвышаться гордо надъ землею.

Уча такъ Каина, сколь рѣзко отличается Люциферъ отъ Мефистофеля, который старался прежде всего подѣй-

ствовать усыпляющими, чарующими образами на чувство Фауста и побуждалъ послѣдняго отречься отъ умствованій и пуститься скорѣе въ наслажденіе благами жизни. Люциферъ умѣетъ мастерски будить мучительныя сомнѣнія въ груди Каина и раздувать въ немъ протестъ противъ предполагаемой несправедливости Божіей. Вознесши Каина въ пространство міровъ, Люциферъ показалъ ему въ теченіе часа, какъ неизмѣримо великъ былъ міръ въ протекшія времена, какъ мелко и ничтожно настоящее и неутѣшительно будущее, и открылъ своему спутнику многія изъ тайнъ міротворенія и міровой жизни. На ряду съ высокими интеллектуальными дарованіями падшій ангелъ надѣленъ у Байрона небесной красотою и мало утратилъ изъ своей первоначальной лучезарности. Меланхолическій отпечатокъ несчастія, сообщенный его образу, внушаетъ участіе къ нему, и привлекательности діавола поддается не только Каинъ, но и Ада, которая говоритъ:

Пришельцу, что стоитъ передо мной,
Я отвѣчать не въ силахъ; не умѣю
Противиться и на него смотрю
Съ пріятнымъ, тайнымъ страхомъ; убѣжала бъ,
Но не могу. Его блестящій взглядъ
Сковалъ меня своей могучей силой;
Въ груди трепещетъ сердце... онъ страшитъ
И въ то же время ближе все и ближе
Влечетъ къ себѣ...

Изобразивъ въ „Каинѣ“ обаятельнаго своей мрачной величавостью Люцифера, Байронъ въ другой своей мистеріи „Земля и Небо“ представилъ любовь падшихъ ангеловъ къ дочерямъ человѣческимъ. Ту же тему разработалъ въ поэмѣ „The loves of the angels“ Томасъ Муръ, при чемъ его поэма представляетъ, какъ отмѣчаетъ проф. Дашкевичъ, „наиболѣе совпаденій“ съ Лермонтовскимъ „Демономъ“: „въ исторіи *одного* демона у Лермонтова повторяются подробности печальныхъ любовныхъ исторій трехъ ангеловъ Мура. Отмѣчая черты сходства обоихъ этихъ произведеній, должно начать съ того, что какъ ангелы Мура утратили небо не въ силу прямого возстанія противъ Бога, а лишь изъ-за любви къ земнымъ дѣвамъ, такъ и героиня „Демона“ въ первомъ и второмъ очеркѣ этой поэмы была любима *ангеломъ* и любила его, и лишь потомъ влюбилась въ одного изъ демоновъ, притомъ далеко не главнаго. Демонъ Лермонтова плѣнился Тамарой, пролетая надъ землей, какъ и первый ангелъ Мура. Демонъ смущалъ Тамару чарующими рѣчами, „мечтой пророческой и странной“, внушая ей

„страсть безотчетную“, „тоску и трепетъ“, навѣвая заманчивые сны, прежде чѣмъ предсталъ предъ нею. Такъ точно поступалъ съ красавицею, которую полюбилъ, и второй ангелъ Мура: онъ воспламенялъ фантазію дѣвы и возбуждалъ въ ней неясныя желанія въ снахъ и видѣніяхъ. Въ особенности монахиня Лермонтова своею „думой“, „грустью скрытной“, „печалью“ (уже во второмъ очеркѣ), „невыразимою тоской, неизъяснимою заботой“ походитъ на дѣвъ, которыхъ любили ангелы у Мура. Это была дѣвушка возвышенныхъ порываній. Она томилась жаждой все постигнуть на землѣ и на небѣ, хотя бы пришлось тотчасъ же послѣ того умереть. Она прониклась энтузіазмомъ, когда ангелъ началъ показывать ей чудеса міра, и стремленіе уносило ее все впередъ и впередъ, къ познанію тайнъ, недоступныхъ человѣческому разумѣнію. Демонъ предсталъ воочію Тамарѣ въ монастырѣ. Второй ангелъ у Мура также явился Lilis „въ священномъ мѣстѣ, избранномъ ею для молитвъ, въ гротѣ изъ чистѣйшаго мрамора“. Развязка поэмы „Демонъ“ отчасти представляетъ какъ бы сліяніе развязокъ любовныхъ отношеній перваго и второго ангеловъ у Мура. Первый ангелъ пожелалъ однажды напечатлѣть поцѣлуй на устахъ Lea и едва произнесъ при этомъ таинственное слово заклинанія, которое должно было вознести его къ небу, слово, дотолѣ не выговаривавшееся ни передъ однимъ изъ существъ земли, какъ видъ Lea преобразился въ просвѣтлѣніи, и она поднялась къ звѣздѣ, къ которой столь часто уносилась прежде своею фантазіей; ангелъ же наоборотъ напрасно повторялъ мистическое слово—въ его устахъ оно не имѣло уже прежней силы, и онъ былъ обреченъ оставаться на землѣ. Второй ангелъ лишился своей Lilis, когда предсталъ предъ нею, по ея просьбѣ, во всемъ блескѣ своего небеснаго величія; едва онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, какъ пламень, исходившій отъ ангела, сжегъ дѣвушку, которая въ моментъ смерти напечатлѣла на его челѣ пламенный поцѣлуй. Изъ исторіи третьяго ангела и смертной, которую онъ полюбилъ, въ поэму Лермонова вошли отдѣльныя мысли, впрочемъ—нѣсколько переработанныя въ нашемъ „Демонѣ“. Такъ, доводы демона о ничтожествѣ земныхъ благъ и чувствъ представляютъ нѣкоторое совпаденіе съ подобнымъ отзывомъ о земной любви у Мура, а равно объясненіе вознесенія Тамары въ рай тѣмъ, что

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви,

находитъ также себѣ нѣкоторое соотвѣтствіе. Но есть и бо-

лѣе существенныя совпаденія. „Вдохновенная пѣвица“—монахиня Лермонтова напоминаетъ Наму Мура чудною игрою на лютнѣ. Какъ о Zeraph'ѣ у Мура такъ и о демонѣ Лермонтова читаемъ въ первомъ и второмъ очеркахъ:

Однажды вечеромъ межъ скалъ,
И надъ сѣдой равниной моря...
Бѣглецъ эдема пролеталъ...
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ...

Наконецъ, *моральный* смыслъ, на который указываетъ Муръ въ переданной имъ исторіи ангеловъ, присущъ къ повѣствованію Лермонтова, хотя болѣе или менѣе полное совпаденіе замѣчается въ одномъ лишь отношеніи—въ характерахъ и стремленіяхъ дѣвъ, изображенныхъ тѣмъ и другимъ поэтомъ: любовь этихъ дѣвъ къ неземнымъ существамъ приноситъ имъ озареніе и возноситъ ихъ надъ чисто земными помыслами“.

Перечисляя литературныхъ предшественниковъ „Демона“, изслѣдователи отмѣчаютъ и близкое родство съ Лермонтовскимъ произведеніемъ поэмы Альфреда Де-Виньи „Eloa, la Sœur des anges“, въ которой также трактуется сюжетъ о возвращеніи къ новой жизни падшаго духа. „Элоа *)—ангелъ, родившійся отъ слезы, которую проронилъ Спаситель, когда узналъ о смерти Лазаря; существо любящее, мягкое, нѣжное, способное на ту же высокую степень любви и самоотверженія, какая была освящена его Божественнымъ Родителемъ. Какъ Онъ былъ посланъ въ міръ для спасенія грѣшныхъ, такъ и для Элоа предназначена многострадальная судьба утѣшительницы родоначальника всего грѣха въ мірѣ, отверженнаго и падшаго ангела. Съ этимъ ангеломъ встрѣтилась Элоа, когда случайно залетѣла на землю; онъ, увидавъ ее, плѣнился ею, сталъ рисовать ей свое царство въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ, повѣрилъ ей тайну своего отчужденнаго и разочарованнаго существованія и тѣмъ, въ свою очередь, плѣнилъ ея сердце. Ей стало жаль его, и въ ней вспыхнуло желаніе возродить его къ новой жизни. Была минута, когда демонъ, говоря ей о своей любви, былъ готовъ принести покаяніе и молить Бога о прощеніи. Наплывъ воспоминаній о минувшемъ блаженствѣ размягчилъ его душу. Но это была только минута; злоба и ненависть воскресли въ демонической душѣ съ прежней силою, и онъ, увлекая Элоа съ собою въ преисподнюю, на

*) Приводимъ изложеніе Н. А. Котляревскаго.

вопросъ: кто онъ?—могъ отвѣтить только, что „онъ увлекаетъ свою рабыню и держитъ въ рукахъ свою жертву". Элоа погибаетъ и никто не приходитъ ей на помощь".

Въ ряду параллелей къ Лермонтовскому „Демону" можно отмѣтить и несомнѣнный откликъ Пушкинскаго стихотворенія, „Ангелъ", въ которомъ „мрачный и мятежный"

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

И въ этомъ демонѣ, при видѣ „ангела нѣжнаго", который „сіялъ въ дверяхъ эдема", проснулось былое чувство божественной любви, мелькнуло нѣчто, приближающее его къ возрожденію, и

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ,
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Можно указывать и разныя другія параллели въ знаменитой поэмѣ Лермонтова, отмѣчать въ европейской литературѣ XVIII и начала XIX в. частую повторяемость противопоставленія гордому, сильному, демоническому типу героя нѣжной, женственной, мягкой героини, вызывающей симпатію читателей, и въ этомъ противопоставленіи открывать нѣчто сродное взаимоотношенію Демона и Тамары; однако, всѣ эти параллели не могутъ вести къ умаленію оригинальности образовъ, созданныхъ Лермонтовымъ. Воспринявъ то, что было сдѣлано его предшественниками, нашъ поэтъ все это кореннымъ образомъ переработалъ въ своей творческой фантазіи и далъ нѣчто совершенно новое, отличное отъ первоначальныхъ образцовъ. „Демонъ Лермонтова,—говоритъ Н. П. Дашкевичъ,—не діаволъ лишь вѣкового преданія, „духъ изгнанья", „гордости", „отверженія и зла", „бѣглецъ Эдема", „мрачный искуситель", „злой духъ", который „перемѣниться не могъ бы", „лукавый"; демонъ нашего поэта — не только обольщающій невинную душу чудными снами и искусными рѣчами величавый Сатана Мильтона; онъ не только „гордый духъ", „мрачный духъ сомнѣнья", „духъ безпокойный" и вмѣстѣ „блиставшій неземной красой", „царь познанья и свободы", подобно Байронову Люциферу, „вѣчному противнику Бога"; соблазняя невинную дѣвственную душу, какъ въ „Элоа" де-Виньи, демонъ Лермонтова чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ порывъ возвра-

титься къ воспоминаніямъ лучшихъ дней, что не мыслимо для Байроновскаго Люцифера, хотя въ сущности такой переломъ въ характерѣ Демона былъ возможенъ для него не всегда; онъ томится своимъ положеніемъ и очеловѣченъ до того, что испытываетъ „земныя мученія“, „земную страсть“ и

Роняетъ посреди мученья
Свинцовы слезы иногда.

У Лермонтова Демонъ, „душой измученною боленъ“, охваченный мечтою еще въ большей степени, чѣмъ у всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ, приближенъ къ человѣческой душѣ съ высшими, но демоническими порываніями. Демонъ Лермонтова умѣетъ очаровывать эту душу, одновременно затрогивая струны самыхъ сильныхъ звуковъ и гордыхъ порывовъ и вызывая „чудной нѣжностью рѣчей“ отзвуки струнъ самыхъ нѣжныхъ. Образы Демона у нѣкоторыхъ поэтовъ сближались съ Прометеемъ; Демонъ Лермонтова представленъ, какъ уже пережившій время,

Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ.

Демонъ нашего поэта близокъ къ человѣку, изстрадавшемуся отъ „надеждъ погибшихъ страстей“. Знаніе не принесло ему отрады, зло ради зла уже опостылѣло, наскучило ему“, прежняя жизнь съ ея злодѣйствами казалась ему уже страшно тяжелою:

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за *добро* вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой,
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда желѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
Все безотрадно презирать...

Вотъ это-то весьма яркое раскрытіе муки демонизма и составляетъ одну изъ оригинальнѣйшихъ особенностей Лермонтовскаго „Демона“, то новое, что внесъ Лермонтовъ въ

тему, надъ которою работало столько вѣковъ. Безпросвѣтный эгоизмъ и отрицаніе не дали счастія, и Лермонтовскій Демонъ въ иные моменты уже является

. . . . . любить готовый,
Съ душой открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
. . . . . и вновь
Въ нѣмой души его пустыню
Проникла молніей любовь,
И онъ опять постигъ святыню
Любви, добра и красоты...

„Полонъ жизни новой“, онъ готовъ „гордо снять вѣнецъ терновый съ своей *преступной* (выраженіе самого Демона) головы и все былое бросить въ прахъ“. Все это можно бы слышать изъ устъ человѣка необычной силы воли и страстей, и всего этого можно бы ожидать въ повѣствованіи о такомъ человѣкѣ, но не о демонѣ сложившихся обычныхъ представленій. Такимъ образомъ, Демонъ у Лермонтова поставленъ въ положеніе, которое гораздо драматичнѣе и интереснѣе обстановокъ, въ какихъ онъ является у предшествовавшихъ поэтовъ. Онъ—олицетвореніе демонизма, свойственнаго иной неугомонной человѣческой душѣ, тоже одолѣваемой стремленіемъ къ „познанью и свободѣ“ и вмѣстѣ „мрачнымъ духомъ сомнѣнья“. Человѣкъ такой души ищетъ выхода изъ своего томительнаго состоянія, можетъ на непродолжительныя, сравнительно, мгновенія постигать „святыню любви, добра и красоты“, но затѣмъ проклинаетъ иногда

Мечты безумныя свои,
И *остается вновь* надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

Благодаря такой новой концепціи, демоническій типъ у Лермонтова оказался въ концѣ концовъ сильно смягченнымъ сравнительно съ его предшественниками, и то настроеніе, которое выразилось въ знаменитой поэмѣ, можетъ быть опредѣлено не какъ бурный протестъ, разочарованіе, а именно, какъ тоска или грусть, и этой же самой грустью вѣетъ отъ послѣдней поэмы Лермонтова, отъ его „Мцыри“, которая въ то же время является послѣднимъ гимномъ, сложеннымъ Лермонтовымъ въ честь воли, апоѳеозомъ воли. Въ своей исповѣди старику-монаху Мцыри говоритъ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы.

„Давнымъ давно“,— разсказываетъ Мцыри,

. . . . . задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.

На вопросъ старика, что онъ дѣлалъ на волѣ, Мцыри отвѣчаетъ:

. . . . . Жилъ.—И жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.

Съ восторгомъ онъ (повторяя слова Арсенія изъ поэмы „Бояринъ Орша“) описываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ монастыря во время страшной грозы, когда вся братія въ ужасѣ собралась для молитвы:

. . . . . О, я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ.
Глазами тучи я слѣдилъ,
Руками молніи ловилъ.

И очень естественнымъ послѣ этого является его вопросъ:

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Много пришлось испытать, перестрадать Мцыри во время его скитаній; порою онъ изнемогалъ, но не могъ смириться, не могъ вернуться къ людямъ, къ прежней неволѣ.

. . . . . Помощи людской
Я не искалъ. Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной,
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ грѣшный мой языкъ!

Вся эта исповѣдь принадлежитъ юношѣ больному, изстрадавшемуся, измученному, но въ ней слышится такая неукротимая энергія, такая непреодолимая сила души, какой мы не найдемъ и въ тысячахъ здоровыхъ людей, и какая свойственна лишь натурамъ непреклоннымъ, демоническимъ. Однако и эта демоническая натура заканчиваетъ свою исповѣдь мирными словами, проникнутыми опять-таки скорѣе грустью, чѣмъ протестомъ противъ угнетавшей его неволи:

Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней,
Таясь, жилъ въ груди моей,
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится онъ къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой,
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, въ заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!..
Когда я стану умирать,—
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда видѣнъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ.

*

Пришлетъ съ холоднымъ вѣткомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..

Тихая, примиряющая грусть составляетъ основу этихъ предсмертныхъ словъ Мцыри, и если мы припомнимъ, что въ нихъ выразилось какъ бы предчувствіе близкой кончины, ожидавшей самого поэта, намъ трудно будетъ не согласиться съ той блестящей характеристикой Лермонтовской грусти, которую далъ В. О. Ключевскій. „Самое настроеніе этой поэзіи,—говоритъ историкъ, — совершенно понятно и безъ историческаго комментарія. Основная струна его звучитъ и теперь въ нашей жизни, какъ звучала вокругъ Лермонтова. Она слышна въ господствующемъ тонѣ русской пѣсни—не веселомъ, не печальномъ, а грустномъ. Ея тону отвѣчаетъ и обстановка, въ какой она поется. Всмотритесь въ какой угодно пейзажъ русской природы: веселъ онъ или печаленъ? Ни то, ни другое: онъ грустенъ. Пройдите любую галлерею русской живописи и вдумайтесь въ то впечатлѣніе, какое изъ нея выносите: весело оно или печально? Какъ будто немного весело и немного печально: это значитъ, что оно грустно. Вы усиливаетесь припомнить, что гдѣ-то уже было выражено это впечатлѣніе, что русская кисть на этихъ полотнахъ только иллюстрировала и воспроизводила въ подробностяхъ какую-то знакомую вамъ общую картину русской природы и жизни, произведшую на васъ то же самое впечатлѣніе, немного веселое и немного печальное,— и вы вспомните *Родину* Лермонтова. Личное чувство поэта само по себѣ, независимо отъ его поэтической обработки, не болѣе какъ психологическое явленіе. Но если оно отвѣчаетъ настроенію народа, то поэзія, согрѣтая этимъ чувствомъ, становится явленіемъ народной жизни, историческимъ фактомъ. Религіозное воспитаніе нашаго народа придало этому настроенію особую окраску, вывело его изъ области чувства и превратило въ нравственное правило, въ преданность судьбѣ, т.-е. волѣ Божіей. Это русское настроеніе, не восточное, не азіатское, а національное русское. На Западѣ знаютъ и понимаютъ эту *резиньяцію*, но тамъ она — спорадическое явленіе жизни, не переживалась, какъ народное настроеніе.

На Востокѣ къ такому настроенію примѣшивается вялая, безнадежная опущенность мысли и изъ этой смѣси образуется грубый психологическій составъ, называемый фатализмомъ. Народу, которому пришлось стоять между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ, досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое надеждою, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрой. Поэзія Лермонтова, освобождаясь отъ разочарованія, навѣяннаго жизнью свѣтскаго общества, на послѣдней ступени своего развитія близко подошла къ этому національно-религіозному настроенію, и его грусть начала пріобрѣтать оттѣнокъ поэтической резиньяціи, становилась художественнымъ выраженіемъ того стиха молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: *да будетъ воля Твоя*. Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всею своей исторіей не прочувствовалъ этого стиха такъ глубоко, какъ русскій, и ни одинъ русскій поэтъ доселѣ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ“ [1]).

---

[1]) Очерки и рѣчи В. Ключевскаго. **М.** 1913 г., стр. 138—139

„Герой нашего времени“.

Стремясь къ болѣе свободнымъ формамъ для воплощенія своихъ думъ и настроеній, для изображенія своей духовной жизни, Лермонтовъ уже съ юныхъ лѣтъ не разъ останавливался на повѣсти или романѣ.

Отъ 1832 г. сохранился большой отрывокъ неоконченной повѣсти изъ временъ пугачевщины „Вадимъ“. Герой этой повѣсти является мстителемъ и за народъ и за то униженіе, которое ему пришлось испытать самому въ рабскомъ состояніи. Онъ съ дѣтства воспитался въ чувствахъ ненависти и возмущенія, чѣмъ приближается къ другимъ демоническимъ типамъ, изображаемымъ Лермонтовымъ. „Меня, разсказываетъ онъ, взяли въ монастырь, изъ состраданія кормили, потому что я былъ не собака, и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣньемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться!.. у меня въ сердцѣ были одни проклятія! Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою; она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать... Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества; я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ — смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были

обыкновенныя, полудобрыя существа, глупыя отъ рожденія или отъ старости, неспособныя ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и поневолѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣткѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь; не видать ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой-то книгѣ... Можно придти въ отчаяніе!“

Этотъ человѣконенавистникъ признается, что въ него „поселился какой-то бѣшеный демонъ, но онъ не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви, странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рой въ отдаленіи, но, чтобы достигнуть роя, надобно было перешагнуть черезъ бездну“.

Повѣсть представляла несомнѣнныя достоинства, хотя и отличалась крайнимъ нагроможденіемъ мелодраматическихъ ужасовъ, какъ почти всѣ юношескія произведенія Лермонтова. Несмотря на незаконченность повѣсти, она тѣмъ не менѣе, по словамъ Н. А. Котляревскаго, „характерна“, какъ плодъ раздумья Лермонтова все надъ однимъ и тѣмъ же этическимъ вопросомъ: чѣмъ и какъ оправдать вскипающую иногда въ груди человѣка страшную злобу противъ людей? Въ комъ вина, въ человѣкѣ ли, который способенъ ощущать такое злобное чувство, или въ людяхъ, способныхъ ангела превратить въ демона?“ Вопросъ этотъ не разъ вставалъ передъ Лермонтовымъ и впослѣдствіи, какъ напримѣръ, въ драмѣ „Два брата“, гдѣ, какъ мы видѣли, было предварено то рѣшеніе, которое даетъ ему Печоринъ въ „Героѣ нашего времени“.

Черезъ четыре года послѣ „Вадима“, Лермонтовъ пишетъ новую повѣсть „Княгиня Лиговская“, представляющую собою несомнѣнный отголосокъ его собственной жизни, такъ какъ въ героѣ этой повѣсти, молодомъ офицерѣ Григоріи Александровичѣ Печоринѣ, по внѣшнимъ фактамъ времяпровожденія, біографы Лермонтова узнаютъ самого поэта. Печоринъ учился въ Московскомъ университетѣ, и, говоря о жизни Лермонтова, мы приводили уже характеристику той bande joyeuse, къ которой принадлежалъ этотъ молодой человѣкъ [1]). Въ своихъ сужденіяхъ Печоринъ отличается скептицизмомъ и пессимизмомъ, его стремленія эгоистичны, при чемъ онъ оправдываетъ ихъ иногда довольно циническими соображеніями, говоря: „Я теперь сталъ взвѣшивать слова свои

[1]) См. выше стр. 12.

и разсчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и соображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей, и кто не раскаивался! Теперь по чести я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушной любовью для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты! Надобно пользоваться случаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба". Столь же цинично и вообще его поведеніе въ отношеніи женщинъ. „Увлекаясь, — говоритъ Лермонтовъ, — самъ наружной красотою и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ и, какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ, преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту, какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью. То, что казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, пренебрегалъ онъ часто, какъ примѣты, обманчивыя слова, сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки, брошенные на вѣтеръ, первому, кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ противникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдуя системѣ своей и вооружаясь несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому-то закону природы, доселѣ необъясненному. Можно было навѣрное сказать, что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ, какъ буря, однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка и страданій. Но это *если*, это ужасное *если*, почти похожее на „если" Архимеда, который обѣщался приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку упора..." Изъ этихъ объясненій мы видимъ, что Печоринъ близко подходитъ къ другимъ демоническимъ натурамъ, изображавшимся въ это время Лермонтовымъ: онъ гордый эгоистъ, сознающій свою силу... Однако, и эта повѣсть осталась незаконченною, и образъ главнаго героя не обрисовался въ ней съ достаточною ясностью, и поэтъ долженъ былъ чорезъ нѣсколько времени снова вернуться къ нему, чтобы представить его уже въ новомъ моментѣ его духовнаго развитія.

Это случилось уже въ 1839 году, когда онъ далъ свой главный, уже законченный романъ „Герой нашего времени". Въ этомъ романѣ Печоринъ, дѣйствительно, пред-

ставляетъ собою личность, гораздо болѣе опредѣлившуюся, чѣмъ это было въ повѣсти „Княгиня Лиговская“, и соотвѣтствующую новой фазѣ въ развитіи самого поэта, хотя и эта фаза была далеко не окончательною, какъ это видно изъ предисловія Лермонтова ко второму изданію романа, предисловія, написаннаго въ 1841 году. Здѣсь поэтъ говоритъ: „Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ Герой нашего времени; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности. Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ, а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого-ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?... Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ... Извините. Довольно людей кормили сластями; у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобы авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — это ужъ Богъ знаетъ!“

Если въ 1841 г. Лермонтовъ нашелъ возможнымъ написать такое предисловіе къ своему роману, это показываетъ, что на героя его онъ смотрѣлъ въ это время уже не тѣми глазами, какъ два года передъ тѣмъ, когда онъ дѣйствительно воплощалъ въ этомъ образѣ свои собственныя переживанія, когда многое изъ того, что говоритъ Печоринъ, принадлежало самому поэту. Измѣненіе отношеній къ своему герою совершилось въ поэтѣ подъ влія-

ніемъ сложнаго внутренняго процесса, происходившаго въ немъ въ эти годы и отразившагося, какъ мы видѣли, уже, въ смягченіи создававшагося въ то же самое время образа Демона: разочарованіе, или, по выраженію Жуковскаго, „безочарованіе“ смѣнялось въ это время въ душѣ поэта настроеніемъ болѣе примирительной грусти. Съ этой точки зрѣнія мы совершенно можемъ согласиться со слѣдующими словами Н. А. Котляревскаго: „Въ 1840—41 годахъ поэтъ вновь переживалъ мучительную эпоху переработки и пересмотра всѣхъ коренныхъ вопросовъ жизни, и одинъ уже этотъ процессъ неустанной критической переработки показываетъ намъ, что Лермонтовъ ушелъ на довольно далекое разстояніе отъ того эгоистическаго „безочарованія“, въ какомъ погрязъ Печоринъ. Лермонтовъ потому и не былъ въ состояніи продолжить свой романъ, что его субъективное настроеніе духа перестало совпадать съ настроеніемъ главнаго героя. Печоринъ для Лермонтова сталъ прошедшимъ, хотя для многихъ современниковъ поэта оставался настоящимъ. Онъ одно время былъ любимцемъ читающей публики именно потому, что давалъ одностороннее, но очень ясное рѣшеніе жизненной загадки, и притомъ такое рѣшеніе, которое для усвоенія не требовало ни энергіи, ни глубокаго ума. Самъ Лермонтовъ обладалъ этими качествами, и они не позволили ему облюбовать житейскую философію Печорина“.

Если такимъ образомъ мы признаемъ вмѣстѣ съ Н. А. Котляревскимъ, что въ 1841 г. для Лермонтова Печоринъ уже „сталъ прошедшимъ“, то въ 1839 г., когда писался „Герой нашего времени“, душевное состояніе Печорина было очень близко, если даже не совсѣмъ тожественно съ тѣмъ, что испытывалъ самъ поэтъ. Въ этомъ именно году были имъ написаны такія стихотворенія, какъ „Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“, въ которыхъ выразилось его сомнѣніе въ собственномъ призваніи. „Лермонтовъ, съ дѣтскихъ лѣтъ страдавшій, говоритъ Н. А. Котляревскій, подъ тяжестью этихъ постоянныхъ сомнѣній и уже разъ пытавшійся потопить ихъ въ винѣ и разгулѣ, легко могъ прійти, наконецъ, къ выводу, что наилучшее средство противъ этой изнурительной болѣзни—полное примиреніе съ жизнью на почвѣ пассивнаго прозябанія и отказъ отъ всякихъ тревожныхъ мыслей. Этотъ печальный выводъ онъ и воплотилъ въ Печоринѣ“.

Указывая на эту тожественность Печорина и Лермонтова (въ извѣстный моментъ его развитія), считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что и самъ поэтъ, повидимому, въ первое время послѣ появленія въ свѣтъ его повѣстей, не отрицалъ своего родства съ Печоринымъ. Такъ, по крайней

мѣрѣ, можно заключать изъ слѣдующихъ словъ Бѣлинскаго въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 16 апрѣля 1840 г., въ которомъ Бѣлинскій сообщаетъ о своемъ свиданіи съ Лермонтовымъ: „Печоринъ—это онъ самъ, какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему — онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ!“ Однако Бѣлинскій видѣлъ въ то же время и болѣе широкое значеніе Печорина, какъ типичнаго явленія общественной жизни, и черезъ два мѣсяца послѣ приведенныхъ словъ писалъ снова Боткину: „А кстати: я не согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о натянутости и изысканности (мѣстами) Печорина, онѣ разумно—необходимы. Герой нашего времени долженъ быть таковъ. Его характеръ—или рѣшительное бездѣйствіе, или пустая дѣятельность. Въ самой его силѣ и величіи должны проглядывать ходули, натянутость и изысканность. Лермонтовъ великій поэтъ: онъ объектировалъ современное общество и его представителей“ *). Въ сущности, нашъ великій критикъ, указавъ на „рѣшительное бездѣйствіе“ Печорина, тонко разграничилъ его этимъ отъ Лермонтова, признавъ его болѣе широкое значеніе, и въ этомъ отношеніи мысль Бѣлинскаго очень хорошо развита Н. А. Котляревскимъ, который говоритъ: „Печорина отличаетъ отъ самого Лермонтова одна очень яркая черта его характера, а именно — *его духовное бездѣлье и полное отсутствіе думы о будущемъ*. Поэтъ постоянно имѣлъ въ виду свое будущее и ради него пытался распутать сложные вопросы жизни. Печоринъ порѣшилъ съ этими вопросами сразу, подавивъ въ себѣ всякую попытку разрѣшить ихъ. Онъ помирился съ жизнью чисто пассивно, тогда какъ, по природѣ своей, былъ предрасположенъ къ активной роли. Въ противорѣчіи *принятаго* рѣшенія съ *природными* свойствами человѣка и данъ ключъ къ пониманію этого туманнаго характера, въ которомъ, безспорно, много жизненной правды, но много и поэтическаго вымысла“.

Что-же за человѣкъ Печоринъ? Каковъ его характеръ? Какъ онъ образовался и сложился? Отвѣтъ на послѣдній вопросъ отчасти дается въ объясненіи Печорина Максиму Максимычу: „У меня,—говоритъ Печоринъ,—несчастный характеръ; воспитаніе-ли меня сдѣлало такимъ, Богъ-ли меня такъ создалъ—не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, что имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ,

*) *Бѣлинскій.* Письма, ред. Е. А. Ляцкаго, т. II, стр. 108, 130.

что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава — удача, и чтобы добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями,—напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанію и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ,—и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду.

Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни: невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь, только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть, больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь, — только не въ Европу, избави Боже!—поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, — авось гдѣ-нибудь умру по дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощью бурь и дурныхъ дорогъ".

Изъ этихъ признаній Печорина мы видимъ, что онъ въ нѣкоторой мѣрѣ старый знакомый типъ тоскующаго, разочарованнаго русскаго „скитальца", подобнаго Евгенію Онѣгину, и недаромъ Бѣлинскій говорилъ, что разница между Онѣгинымъ и Печоринымъ „гораздо меньше разстоянія между Онегою и Печорою".

Оба героя принадлежатъ къ той категоріи людей, которыхъ Тургеневъ назвалъ „лишними". Однако, при общно-

сти типа, у нихъ есть несомнѣнныя индивидуальныя отличія, объясняемыя какъ разностью историческихъ эпохъ, къ которымъ они принадлежатъ, такъ и субъективными особенностями ихъ творцовъ. Существенныя черты, различающія героевъ романовъ Пушкина и Лермонтова, представляются Н. А. Котляревскимъ въ слѣдующей формулировкѣ: „Онѣгинъ, прежде всего, вполнѣ сложившееся лицо, съ установившимися взглядами и вкусами. Печоринъ—лицо неустановившееся, съ возможностью вполнѣ измѣнить и образъ своихъ мыслей и свое поведеніе. Онѣгинъ—вырождающійся типъ того самодовольнаго кружка молодежи Александровской эпохи, которая жила въ согласіи со своими благодушными и сентиментальными идеалами. Жизнь Печорина—страница изъ жизни новаго поколѣнія, не имѣющаго пока никакихъ прочныхъ идеаловъ, но лихорадочно работающаго надъ выработкой ихъ. Онѣгинъ—прозаикъ въ полномъ смыслѣ слова, заѣдаемый скукой отъ бездѣлья, неизбѣжнаго и естественнаго въ его положеніи; Печоринъ—страстная натура, осудившая себя на бездѣлье произвольно и потому скучающая до поры до времени, но цѣпляющаяся за каждый случай, чтобы разсѣять эту скуку. Онѣгинъ—скучный моралистъ, читающій проповѣди и ищущій въ книжкахъ подтвержденія и объясненія своимъ чувствамъ. Печоринъ—врагъ всякихъ постановленій и всякой книжки; онъ—живая натура, и онъ больше всего боится быть похожимъ на кого бы то ни было, хотя бы даже на Байрона. Онѣгинъ, при всемъ своемъ умѣ, покорный рабъ своихъ неглубокихъ страстей; Печоринъ, при несравненно болѣе страстной природѣ, покорный слуга своего ума, который долженъ держать въ равновѣсіи его пылкое сердце. Оба героя пали духомъ: младшій, уставъ въ борьбѣ, озлобленный и страстный, отдыхаетъ на время въ пассивномъ бездѣйствіи, старшій, скучающій и разочарованный, переноситъ себя съ одного мѣста на другое, чтобы хотя съ виду разнообразить свое бездѣйствіе, на которое онъ безповоротно осужденъ своимъ міросозерцаніемъ, изношившимся и не допускающимъ обновленія. Онѣгинъ не могъ стать Печоринымъ, какъ и Печоринъ преобразиться въ Онѣгина. Въ природѣ Онѣгина нѣтъ зародышей для будущаго развитія; въ Печоринѣ ихъ временное отсутствіе зависитъ отъ доброй воли самого героя. Въ одномъ данъ сложившійся типъ, въ другомъ отражено переходное состояніе развивающагося характера“.

Печоринъ вспоминаетъ, что въ ранніе годы юности онъ былъ мечтателемъ: „я любилъ, говоритъ онъ, ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе“. Но эти

мечты испарились, и въ его душѣ осталась „одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, наполненное сожалѣній". И у него является горькое сознаніе: „Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно извѣстной ему книгѣ". А между тѣмъ, идеальная мечта есть нѣчто скрашивающее жизнь, дающее человѣку силы для борьбы; въ этой мечтѣ, быть-можетъ, и есть смыслъ человѣческаго существованія, и Печоринъ, завидуя людямъ былыхъ временъ съ ихъ непосредственностью вѣры и цѣльностью чувства, съ осужденіемъ обращается къ своему поколѣнію, говоря: А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ,—мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою"... Но въ немъ живетъ тѣмъ не менѣе жажда какой-то дѣятельности, и въ своей неспособности къ „тихимъ радостямъ и спокойствію душевному Печоринъ близокъ къ поэтическому образу паруса, который „ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой". Недаромъ, въ его дневникѣ, послѣ описанія разлуки съ княжною Мери, мы находимъ слѣдующее характерное признаніе: „я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ-ли тамъ на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желаный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани..."

При этихъ мечтахъ о буряхъ, о дѣятельности, Печоринъ, однако же, совсѣмъ не дѣйствуетъ, онъ отдался, какъ говорили въ его времена „рефлексіи", въ духовномъ его существѣ замѣчается двойственность, о которой онъ раз-

сказываетъ доктору Вернеру: „Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно уже живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его". Какъ же явилась въ героѣ подобная двойственность? Нѣкоторое объясненіе ея мы находимъ въ слѣдующихъ его словахъ, сказанныхъ княжнѣ Мери и представляющихъ собою почти буквальное повтореніе того, что говорилъ о себѣ въ драмѣ „Два „брата" Александръ Радинъ: „Такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ,—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ,—меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду,—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ;—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины".

При такомъ состояніи нравственнаго искалѣченія, для Печорина жизнь утратила разумный смыслъ, и мы встрѣчаемся у него съ слѣдующимъ характернымъ разсужденіемъ о цѣляхъ его существованія: „Неужели мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни придти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба? Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочи-

нители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напр., для „Библіотеки для чтенія?..“ Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?“ Еще болѣе характерны размышленія Печорина о безцѣльности, ничтожествѣ своего существованія, когда онъ готовится къ смерти передъ дуэлью съ Грушницкимъ: „Пробѣгаю въ памяти все мое прошлое и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагородныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько уже разъ я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія,—и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ передъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся—мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе. Можетъ быть, я завтра умру!.. и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то, и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь—изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно“.

Подобная жизнь „изъ любопытства“, такъ сказать, „въ безочарованіе“, безъ всякой мысли о высокомъ назначеніи человѣка, естественно превращается въ безцѣльную трату „необъятныхъ силъ“ души, въ „пустую и глупую шутку“, въ удовлетвореніе мимолетныхъ прихотей и капризовъ. Эта прихотливость, избалованность натуры проявляется уже въ самой наружности Печорина, которую Лермонтовъ описываетъ весьма обстоятельно: „Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни

и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера... Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова, тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва или душевнаго безпокойства. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные — признакъ породы въ человѣкѣ, какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобы докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ. Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Это признакъ или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бы не былъ такъ равнодушно-спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ быть, на другого видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе... Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ“.

Прихоть, капризъ, мелочное своенравіе часто оказываются руководящимъ мотивомъ дѣйствій Печорина, и „необъятныя силы“ своей души онъ потому сплошь и рядомъ тратитъ на пустяки, на борьбу, имѣющую весьма ничтожное значеніе, при чемъ оправдываетъ свои дѣйствія такими соображеніями: „я люблю враговъ, хотя не по-христіански.

Они меня забавляютъ, волнуютъ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ, однимъ толчкомъ, опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью.“ Близка также къ прихоти или капризу его „врожденная страсть противорѣчить“, надъ которою онъ самъ не властенъ, „цѣлая моя жизнь, говоритъ онъ, была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя.“ Этими капризами, этою „страстью противорѣчить“ объясняются различныя его дѣйствія, которыхъ никакъ не можетъ понять Максимъ Максимычъ. „Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить, говоритъ добродушный штабсъ-капитанъ,— только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ, а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими странностями... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ—подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ“...

Та же безпредѣльная прихоть, то же правило „что задумаетъ—подавай“ проявляется и въ отношеніяхъ Печорина къ другимъ людямъ, особенно къ женщинамъ, о любви къ которымъ онъ иногда разсуждаетъ съ весьма откровеннымъ цинизмомъ. Такъ, не любя княжну Мери, онъ завлекаетъ ее и при этомъ мотивируетъ свои поступки такимъ образомъ: „А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до-сыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый

признакъ и торжество власти? быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права—не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если бы я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бы всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи—созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара"!

Разсуждая такъ эгоистически о любви, видя въ ней только „обладаніе душой" другого человѣка, Печоринъ столь же малое значеніе придаетъ и чувству дружбы, даже совсѣмъ его отрицая. Говоря о своихъ отношеніяхъ къ доктору Вернеру, онъ замѣчаетъ: „мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ; изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да притомъ у меня есть лакеи и деньги!" Съ этимъ циничнымъ до крайности опредѣленіемъ дружбы находится въ полной гармоніи признаніе Печорина, что „есть минуты, когда онъ понимаетъ вампира". Изъ подобныхъ признаній очень просто вывести весьма нелестное заключеніе о характерѣ Печорина, причисливъ его окончательно къ самымъ крайнимъ эгоистамъ. Однако, такое заключеніе было бы во всякомъ случаѣ слишкомъ поспѣшнымъ, и внимательнѣе присматриваясь къ Печорину, мы должны будемъ сказать, что далеко не всегда дѣйствія его соотвѣтствуютъ его словамъ, что въ этихъ его циническихъ заявленіяхъ порою проглядываетъ желаніе позировать, и въ сущности герой не совсѣмъ уже лишенъ нѣкоторыхъ добрыхъ чувствъ и стремленій. Такъ, напримѣръ, самое яркое противорѣчіе его разсужденіямъ о любви представляется въ его отношеніи къ Вѣрѣ. Послѣ свиданія съ нею онъ признается: „Она ввѣрилась мнѣ съ прежней безпечностью,—и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ

быть, навѣки; оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей—я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное... О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ — напамять?.. А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо, члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ"... Нельзя также, говоря о положительныхъ чертахъ характера Печорина, не отмѣтить его чисто-эстетическаго, художественнаго отношенія къ природѣ, проявившагося хотя бы въ слѣдующихъ его словахъ: „я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль,—все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко: усталось тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ".

Такимъ образомъ, противорѣчія Печорина самому себѣ показываютъ, что онъ въ своемъ развитіи не дошелъ еще до окончательной грани, что для него могъ открыться выходъ изъ того состоянія „безочарованія", въ какомъ онъ является передъ нами въ романѣ, и поэтому намъ кажется вполнѣ справедливымъ слѣдующее заключеніе Н. А. Котляревскаго: „Разочарованіе и тоска Печорина далеко не такъ сильны, чтобы сдѣлать его совершенно безучастнымъ ко всему окружающему; гордость и сомнѣніе не настолько овладѣли имъ, чтобы поставить его внѣ всякихъ сношеній съ ближними. Его умъ и сердце не настолько сосредоточены на немъ самомъ, чтобы убить въ немъ способность интересоваться людьми, ихъ поступками. Печоринъ обладаетъ всѣми данными, чтобы попытаться стать къ окружающей жизни въ нормальное положеніе, нѣтъ только одного,—нѣтъ ж е л а н і я сдѣлать этой попытки, которая можетъ потребовать отъ него усиленной умственной и нравственной работы". Однако, если припомнить, что въ Печоринѣ Лермонтовъ отразилъ извѣстный моментъ своей собственной духовной жизни, и что этотъ моментъ уже былъ пройденъ поэтомъ, сталъ для него прошедшимъ, то вполнѣ естественно заключить, что такая же эволюція возможна была и для его героя. Какъ пошла бы эта эволюція, конечно, угадывать мы не

имѣемъ возможности, такъ какъ жизнь поэта все-таки оборвана была печальною случайностью, а вѣдь въ этой-то жизни и должна была совершиться дальнѣйшая эволюція духовной стороны его героя.

Представляя интересъ главнымъ образомъ, какъ отраженіе субъективныхъ переживаній самого поэта, романъ „Герой нашего времени“ является также и весьма любопытнымъ образцомъ чисто объективнаго творчества Лермонтова, приближенія нашего поэта къ тому, что называется поэзіею дѣйствительности, и въ этомъ отношеніи весьма цѣнными слѣдуетъ признать различные типы людей, окружающихъ главнаго героя. Остановимся нѣсколько на этихъ образахъ.

Въ ряду этихъ объективныхъ образовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, любопытною параллелью въ каррикатурномъ смыслѣ къ Печорину является Грушницкій, къ которому вполнѣ примѣнимы слова Лермонтова о разочарованіи молодежи, сказанныя Максиму Максимычу: „много есть людей, говорящихъ то же самое (что Печоринъ); есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ“. То, что у Печорина является источникомъ глубокихъ душевныхъ страданій, для Грушницкаго служитъ поводомъ къ красивымъ позамъ и къ потоку эффектныхъ фразъ въ духѣ фальшивой, трескучей романтики Марлинскаго, Кукольника и Полевого. Приведемъ чрезвычайно мѣткую и жизненно-яркую характеристику Грушницкаго, которую Лермонтовъ дастъ устами Печорина: „Грушницкій—юнкеръ. Онъ только годъ на службѣ, носитъ, по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ, ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно: онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производитъ эффектъ—ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами,

какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому, имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи. Онъ довольно остеръ; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы; онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль—сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо, не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого-то онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!.. Пріѣздъ его на Кавказъ—также слѣдствіе его романтическаго фанатизма; я увѣренъ, что, наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: „нѣтъ, вы (или ты) не должны этого знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что я для васъ? Поймете ли вы меня?..“ и т. д. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчно тайною между нимъ и небесами“. Вся эта трескучая романтика *), всѣ эти благородныя позы не мѣшаютъ Грушницкому иногда итти и на грязные поступки, какъ, напримѣръ, пытаться устроить вмѣстѣ съ драгунскимъ капитаномъ скандалъ княжнѣ Мери, или весьма некрасиво вести себя, подъ вліяніемъ того же капитана, во время роковой для него дуэли съ Печоринымъ.

Рядомъ съ Грушницкимъ сильно выигрываетъ умный интеллигентъ докторъ Вернеръ, къ которому Печоринъ от-

*) Съ пышными фразами Грушницкаго мы встрѣчаемся на каждомъ шагу. Приведемъ для примѣра его отзывъ о жизни въ Пятигорскѣ: „Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую; пьющіе утромъ воду—вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино повечеру—несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ. Моя солдатская шинель—какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело, какъ милостыня“.

носится съ большою симпатіей. Подъ внѣшнею язвительностью въ Вернерѣ скрывается гуманная и тонко чувствующая натура. Печоринъ говоритъ о немъ: „Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ поэтъ, и не на шутку: поэтъ на дѣлѣ всегда и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ, иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылѣчить отъ лихорадки! Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ..,“ Вернеръ своимъ умомъ, своею язвительностью Мефистофеля выдѣляется изъ массы; онъ вполнѣ понимаетъ Печорина, цѣнитъ его хорошія стороны и сочувствуетъ ему въ разныхъ столкновеніяхъ, въ которыхъ онъ правъ; но онъ умѣетъ и осудить Печорина, когда видитъ въ его дѣйствіяхъ проявленіе душевной черствости.

Мастерски нарисованы Лермонтовымъ женскіе образы: Бэла, княжна Мери, ея мать, Вѣра. Съ полнымъ реализмомъ изобразилъ онъ дикія первобытныя натуры горцевъ Казбича и Азамата, но на нихъ мы останавливаться не будемъ, обратимся къ самой характерной изъ реальныхъ фигуръ романа, къ Максиму Максимычу. Въ противопоставленіи этого стараго кавказскаго служаки Печорину есть нѣчто весьма существенное, позволяющее намъ утверждать, что Лермонтовъ подходилъ къ тому пути, на которомъ его героя ждало полное развѣнчаніе. Максимъ Максимычъ не отличается особенно высокимъ образованіемъ, это прямо даже необразованный человѣкъ, въ его различныхъ сужденіяхъ очень много первобытнаго, грубаго, дѣтски-незрѣлаго, но у него такое нѣжное сердце, въ немъ такъ много истинной человѣчности, что мы его сразу начинаемъ любить, а когда больше съ нимъ знакомимся, вполнѣ соглашаемся съ пожеланіемъ Бѣлинскаго: „Дай Богъ поболѣе встрѣтить на пути жизни Максимовъ Максимычей“.

Не образованіе, а необыкновенная деликатная чуткость сердца помогаетъ Максиму Максимычу понимать то, чего не понимаютъ даже высокообразованные и умные люди. Разсказывая объ объясненіи Печорина съ Бэлою и передавая, какъ Бэла бросилась на шею Печорину и зарыдала, Максимъ Максимычъ говоритъ: „Повѣрите ли, я, стоя за дверью, тоже заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость...“ Затѣмъ штабсъ-капитанъ замолчалъ.—„Да, признаюсь,—сказалъ онъ потомъ, теребя усы:—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила“. Конечно, мы поймемъ, что „глу-

пость“ случилась съ Максимомъ Максимычемъ не отъ того, что его женщины такъ не любили, что тутъ причина ея была гораздо болѣе возвышенная. А какъ нѣжно любитъ Максимъ Максимычъ Печорина, и какое глубокое сочувствіе къ этому милому старику пробуждается въ насъ послѣ его свиданія съ Печоринымъ, окатившимъ его ушатомъ холодной воды! Какъ онъ намъ симпатиченъ и насколько этотъ простой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ выше Печорина, заѣденнаго рефлексіей! Въ этомъ противопоставленіи Печорина Максиму Максимычу заключается зачатокъ той идеи, на которой построены многіе романы Достоевскаго, идеи противопоставленія людямъ рефлексіи, часто очень умнымъ, людей „простыхъ“, но богатыхъ тѣмъ, что Достоевскій въ романѣ „Идіотъ“ называетъ „главнымъ умомъ“, людей, отличающихся чуткостью сердца. Эти простые люди у Достоевскаго оказываются всегда выше людей рефлексіи, точно такъ же, какъ Максимъ Максимычъ выше Печорина.

Заключеніе.

Говоря о лирикѣ Лермонтова, мы отмѣтили уже въ ней признаки поворота къ новымъ идеямъ и чувствамъ, разсмотрѣвъ теперь поэмы Лермонтова и „Героя нашего времени“, мы, думается, имѣемъ право добавить, что чрезвычайно важнымъ показателемъ новаго пути, открывавшагося творчеству нашего поэта, являлось наростаніе въ его поэзіи мотивовъ объективныхъ, приближеніе ея къ реальности, къ жизни. Субъективный элементъ, прежде составлявшій исключительное содержаніе его творчества, какъ мы видѣли, съ годами преображается: хотя Лермонтовъ по прежнему стремится „разсказать свою душу“, но тотъ демоническій образъ, который владѣлъ ею, постепенно все болѣе очеловѣчивается, и съ каждымъ новымъ произведеніемъ поэтъ освобождается отъ его очарованія. Если относительно Демона онъ могъ сказать, что онъ отъ него „отдѣлался стихами“, то и Печоринъ къ 1841 году представлялъ для него уже миновавшій моментъ его духовной эволюціи. Что бы стало далѣе съ этими субъективными мотивами, угадывать мы считаемъ совершенно непроизводительнымъ, но мы знаемъ, что параллельно съ этимъ измѣненіемъ субъективнаго шло наростаніе чисто объективнаго элемента. Въ этомъ отношеніи важнѣйшими фактами, какъ мы говорили, слѣдуетъ считать „Казначейшу“, „Пѣсню про купца Калашникова“ и цѣлый рядъ образовъ въ „Героѣ нашего времени“.

Для своей эпохи поэзія Лермонтова была важнѣйшимъ культурнымъ фактомъ, такъ какъ, по словамъ Н. А. Котляревскаго, „изъ всѣхъ сердецъ, лирически настроенныхъ, только его сердце, и ранѣе и сильнѣе другихъ, отозвалось на то броженіе нравственныхъ понятій и чувствъ, какимъ была полна его эпоха“. Для будущаго поэзія Лермонтова является выраженіемъ вѣчнаго движенія впередъ, непрекращающимся протестомъ противъ пошлости или, по выраженію Иванова-Разумника, „мѣщанства“ жизни. Съ этимъ „мѣщанствомъ“ поэтъ не зналъ примиренія, и отзвуки его протеста послышались и въ концѣ XIX вѣка и въ наше время.

Все это позволяетъ намъ примѣнить къ Лермонтову тѣ же слова, которыми онъ оплакалъ своего безвременно погибшаго друга, кн. А. И. Одоевскаго:

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Приложеніе.

Бѣлинскій о Лермонтовѣ.

Мы уже приводили отзывы Бѣлинскаго о томъ впечатлѣніи, которое произвела на него бесѣда съ Лермонтовымъ передъ высылкою поэта на Кавказъ за дуэль съ Барантомъ; мы видѣли, что нашъ критикъ чрезвычайно высоко цѣнилъ талантъ Лермонтова и ждалъ отъ него въ будущемъ великихъ поэтическихъ созданій. Разсмотримъ теперь, какъ оцѣнилъ Бѣлинскій то, что было уже сдѣлано Лермонтовымъ, какъ онъ отозвался на произведенія нашего поэта, появившіяся въ свѣтъ до преждевременной его кончины.

Въ 1840 г. былъ напечатанъ отдѣльнымъ изданіемъ „Герой нашего времени“, и Бѣлинскій привѣтствовалъ романъ сперва въ небольшой библіографической замѣткѣ. „Наконецъ, писалъ критикъ, среди блѣдныхъ и эфемерныхъ произведеній русской литературы нынѣшняго года, произведеній, изъ которыхъ только развѣ нѣкоторыя имѣютъ относительное достоинство, и только нѣкоторыя примѣчательны въ отрицательномъ смыслѣ,—наконецъ, явилось поэтическое созданіе, дышащее свѣжею, юною, роскошною жизнью сильнаго и самобытнаго творческаго таланта. „Герой нашего времени“ принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ истиннаго искусства, которыя, занимая и услаждая вниманіе публики, какъ литературная новость, обращаются въ прочный литературный капиталъ, который съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивается вѣрными процентами“. Сказавъ затѣмъ о впечатлѣніи, произведенномъ на читателей отдѣльными повѣстями, составляющими романъ, Бѣлинскій въ нѣсколькихъ словахъ даетъ оцѣнку романа, какъ цѣлаго. „Романъ г. Лермонтова, говоритъ онъ, проникнутъ единствомъ мысли, и потому, несмотря на его эпизодическую отрывочность, его нельзя читать не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположилъ его самъ авторъ: иначе вы прочтете двѣ превосходныя повѣсти и нѣсколько превосходныхъ разсказовъ, но романа не будете знать. Тутъ нѣтъ ни страницы, ни слова, ни черты, которыя были бы наброшены случайно; тутъ все выходитъ изъ одной главной идеи и все въ нее возвращается. Такъ линія круга возвра-

щается въ точку, изъ которой вышла, и никто не найдетъ этой исходной точки. Въ основной идеѣ романа г. Лермонтова лежитъ важный современный вопросъ о внутреннемъ человѣкѣ, вопросъ, на который откликнутся всѣ, и потому романъ долженъ возбудить всеобщее вниманіе, весь интересъ нашей публики. Глубокое чувство дѣйствительности, вѣрный инстинктъ истины, простота, художественная обрисовка характеровъ, богатство содержанія, неотразимая прелесть изложенія, поэтическій языкъ, глубокое знаніе человѣческаго сердца и современнаго общества, широкость и смѣлость кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазія, неисчерпаемое обиліе эстетической жизни, самобытность и оригинальность — вотъ качества этого произведенія, представляющаго собою совершенно новый міръ искусства". Однако этихъ восторженныхъ, но голословныхъ похвалъ было недостаточно, Бѣлинскій обѣщалъ въ другой статьѣ „раскрыть передъ читателями богатство заключающейся въ романѣ эстетической идеи".

Обѣщанная статья появилась въ ближайшей (№ 6) книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ". Назвавъ Лермонтова „новымъ, яркимъ свѣтиломъ на горизонтѣ нашей поэзіи", „звѣздою первой величины", Бѣлинскій вскользь говоритъ о его лирикѣ и о „Пѣснѣ про купца Калашникова", о томъ впечатлѣніи, которое произведено было ими на общество: „Поэма его, не смотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики и была замѣчена только немногими; но каждое изъ его мелкихъ произведеній возбуждало общій и сильный восторгъ. Всѣ видѣли въ нихъ что-то совершенно новое, самобытное; всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазіи, полнота жизни и рѣзко-ощутительное присутствіе мысли въ художественной формѣ... „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова" показываетъ, что Лермонтовъ умѣетъ явленія непосредственной русской жизни воспроизводить въ народно-поэтической формѣ, единственно-свойственной имъ, тогда какъ прочія его произведенія, проникнутыя русскимъ духомъ, являются въ той общемировой формѣ, которая свойственна поэзіи, перешедшей изъ естественной въ художественную, и которая, не переставая быть національною, доступна для всякаго вѣка и всякой страны".

Обращаясь затѣмъ къ „Герою нашего времени", Бѣлинскій останавливается прежде всего на внѣшней формѣ романа, намѣчаетъ связь отдѣльныхъ повѣстей, входящихъ въ его составъ: „Бэла", говоритъ Бѣлинскій, „заключая въ себѣ интересъ отдѣльной и оконченной повѣсти, въ то же время была только отрывкомъ изъ большого сочиненія, равно какъ

и „Фаталистъ“, и „Тамань“, впослѣдствіи напечатанные въ „Отечественныхъ же Запискахъ“. Теперь они являются, вмѣстѣ съ другими, съ „Максимомъ Максимычемъ“, „Предисловіемъ къ журналу Печорина“ и „Княжною Мери“ подъ однимъ общимъ заглавіемъ „Героя Нашего Времени“. Это общее названіе—не прихоть автора; равнымъ образомъ, по названію не должно заключать, чтобы содержащіяся въ этихъ двухъ книжкахъ повѣсти были разсказами какого-нибудь лица, на котораго авторъ навязалъ роль разсказчика. Во всѣхъ повѣстяхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ лицѣ, которое есть герой всѣхъ разсказовъ. Въ „Бэлѣ“ онъ является какимъ-то таинственнымъ лицомъ. Героиня этой повѣсти вся передъ вами, но герой какъ будто бы показывается подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы его не узнали. Изъ-за отношеній его къ Бэлѣ вы невольно догадываетесь о какой-то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной. И вотъ авторъ тотчасъ показываетъ вамъ его при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, который разсказалъ ему повѣсть о Бэлѣ. Но ваше любопытство не удовлетворено, а только еще болѣе раздражено, и повѣсть о Бэлѣ все еще остается для васъ загадочною. Наконецъ, въ рукахъ автора журналъ Печорина, въ предисловіи къ которому авторъ дѣлаетъ намекъ на идею романа, но намекъ, который только болѣе возбуждаетъ ваше нетерпѣніе познакомиться съ героемъ романа. Въ высшей степени поэтическомъ разсказѣ „Тамань“ герой романа является автобіографомъ, но загадка отъ этого становится только заманчивѣе, и отгадка еще не тутъ. Наконецъ, вы переходите къ „Княжнѣ Мери“, и туманъ разсѣивается, загадка разгадывается, основная идея романа, какъ горькое чувство, мгновенно овладѣвшее всѣмъ существомъ вашимъ, пристаетъ къ вамъ и преслѣдуетъ васъ. Вы читаете, наконецъ, „Фаталиста“, и хотя въ этомъ разсказѣ Печоринъ является не героемъ, а только разсказчикомъ случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; хотя въ немъ вы не находите ни одной новой черты, которая дополнила бы вамъ портретъ „Героя нашего времени“, но, странное дѣло! вы еще болѣе понимаете его, болѣе думаете о немъ, и ваше чувство еще грустнѣе... Эта полнота впечатлѣнія, въ которомъ всѣ разнообразныя чувства, волновавшія васъ при чтеніи романа, сливаются въ единое общее чувство, въ которомъ всѣ лица, каждое столько интересное само по себѣ, такъ полно образованное, становятся вокругъ одного лица, составляютъ съ нимъ группу, которой средоточіе есть это одно лицо,—вмѣстѣ съ вами смотрятъ на него, кто съ любовію, кто съ ненавистію—какая причина этой полноты впечатлѣнія? Она заключается въ единствѣ мысли, которая выразилась въ романѣ, и отъ которой произошла эта гармоническая соотвѣтственность ча-

стей съ цѣлымъ, это строго-соразмѣрное распредѣленіе ролей для всѣхъ лицъ, наконецъ, эта оконченность, полнота и замкнутость цѣлаго.

Разбирая романъ Лермонтова, Бѣлинскій шагъ за шагомъ слѣдитъ за развитіемъ дѣйствія и обстоятельно выясняетъ какъ связь отдѣльныхъ его моментовъ, такъ и общее значеніе созданныхъ Лермонтовымъ образовъ, ихъ удивительную жизненность и художественную отдѣлку. Особенно любопытна его характеристика Максима Максимыча, этого „типа стараго кавказскаго служаки, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто-русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто-русскому духу, не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ вамъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается имъ не въ грубыхъ поговоркахъ, вродѣ „чортъ возьми“, и не въ военныхъ восклицаніяхъ, вродѣ „тысячи бомбъ“, безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака,—а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него „жить“ значитъ „служить“, и служить на Кавказѣ; „азіаты“—его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ,—о, нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты-„азіаты“ обманываютъ честныхъ людей. Вотъ

чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; познакомьтесь съ нимъ поближе,—и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе: какъ, вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія,—и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча".

Анализируя подробно образъ Печорина, Бѣлинскій обращаетъ вниманіе на признаніе Лермонтовскаго героя, что въ его душѣ два человѣка, одинъ живущій и дѣйствующій, а другой мыслящій и судящій перваго. Это признаніе для Бѣлинскаго является главною основою сужденія о Печоринѣ, какъ явленія извѣстной эпохи, извѣстнаго уклада общественнаго. „Въ немъ, говоритъ критикъ, нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романтическаго взгляда на жизнь; онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщевая другу локонъ волосъ, не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго, за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни и по опыту знаетъ, какъ надежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ; сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не дастъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это — переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрою", и

„ипохондріею“, и „мнительностію“, и „сомнѣніемъ“, и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что́ на языкѣ философскомъ называется *рефлексіею*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе. и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ,—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечности, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ и не ударяетъ... Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать

...въ такое время,
Когда не думаетъ никто,

и, вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ...

Но это состояніе сколько ужасно, столько же и необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть мысль. Въ мысли — независимость и свобода человѣка отъ его собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего—онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не мо-

жетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа, и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостію соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, болѣзненная мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа, въ его чудно-поэтической „Думѣ“, исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного „господина сочинителя“:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!

„Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особено должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтическій интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился,—и то сильное неотразимо грустное впечатлѣніе, которое онъ на нихъ производитъ“.

Признавая Печорина героемъ данной эпохи, смѣшившимъ Онѣгина, Бѣлинскій находитъ тѣмъ не менѣе его изображеніе „не совсѣмъ художественнымъ“. „Однако, думаетъ критикъ, причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его“.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него, какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ,

не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію черезъ единство поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ „Вертерѣ“ Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа г. Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе...

„Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ „Онѣгинѣ“ всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить, ни замѣнить. „Герой нашего времени“ представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью; но какъ онѣ суть только отдѣльные случаи изъ жизни хотя и одного и того же человѣка, то и могли-бъ быть замѣнены другими, ибо, вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бэлою или въ Тамани, могли-бъ быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что „Бэла“, „Максимъ Максимычъ“ и „Тамань“, отдѣльно взятыя, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица—Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!“

Наконецъ, останавливаясь на обѣщаніи Лермонтова опубликовать когда-нибудь продолженіе дневника Печорина, Бѣлинскій заканчиваетъ свою статью такими словами: „Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобъ онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣж-

денін утверждаетъ насъ признаніе Гете, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ „Вертера“, бывшаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодарная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности, и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него: переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же г. Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго знакомаго, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужъ не въ утѣшеніе, а въ пущее огорченіе моралистовъ: можетъ быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того, чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ быть и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастіе, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни и въ достоинство женщины“...

Въ томъ же 1840 г. вышло первое, весьма небольшое по объему (всего въ 168 страницъ) собраніе стихотвореній Лермонтова, и въ № 11 „Отечественныхъ Записокъ“ Бѣлинскій помѣстилъ краткій отзывъ объ этомъ изданіи. Въ началѣ статьи онъ характеризуетъ то положеніе, которое въ это время Лермонтовъ уже успѣлъ занять въ русской литературѣ. „Несмотря на то (говоритъ критикъ), что г. Лермонтовъ началъ свое поэтическое поприще такъ недавно, не дальше, какъ съ 1837 года, имя его уже громко огласилось на святой Руси, и его юный могучій талантъ нашелъ не только ревностныхъ почитателей и жаркихъ поборниковъ, но и ожесточенныхъ враговъ—честь, которая бываетъ удѣломъ только истиннаго достоинства и несомнѣннаго да-

рованія. Что талантъ Лермонтова такъ скоро пріобрѣлъ себѣ много пламенныхъ поклонниковъ, это нисколько неудивительно: огнистый Сиріусъ замѣтенъ и на усѣянномъ звѣздами небѣ, а яркая звѣзда таланта Лермонтова блистаетъ почти на пустынномъ небосклонѣ, безъ соперниковъ по величинѣ и блеску, даже безъ этихъ звѣздочекъ, которыя безчисленностію выкупаютъ свою микроскопическую малость, и своимъ множествомъ умѣряютъ лучезарное сіяніе главнаго свѣтила. Правда, талантъ Лермонтова не совсѣмъ одинокъ: подлѣ него блеститъ въ могучей красотѣ самородный талантъ Кольцова; свѣтится и играетъ переливными цвѣтами граціозно-поэтическое дарованіе Красова... Послѣ нихъ можно было бы указать и еще на два, на три имени: у того много чувства, у этого попадаются хорошіе стихи, а воинъ тотъ подавалъ когда-то хорошія надежды; но тотъ одностороненъ и нерѣдко страненъ, этотъ написалъ всего два-три стихотворенія, а о многихъ, недавно еще шумѣвшихъ, уже не слышно, какъ будто-бы ихъ и совсѣмъ не было... Въ результатѣ все-таки остается одно: небосклонъ пустыненъ!.. Здѣсь мы должны сдѣлать оговорку, имѣя въ виду людей, которые пробиваются вѣкъ свой чужими недомолвками, какъ насущнымъ хлѣбомъ: говоря о Лермонтовѣ, мы разумѣемъ современную русскую литературу, отъ смерти Пушкина до настоящей минуты, и, не находя въ ней соперниковъ таланту Лермонтова, разумѣемъ собственно стихотворцевъ-поэтовъ, а не прозаиковъ-поэтовъ, между которыми Лермонтовъ опять-таки какъ Сиріусъ между звѣздами, потому только, что первый и великій прозаикъ-поэтъ русской литературы, съ которымъ Лермонтовъ не пріобрѣлъ еще правъ и быть сравниваемымъ, ничего не печатаетъ со времени смерти Пушкина.

„Относительно-же того, что талантъ Лермонтова, въ такое короткое время, успѣлъ нажить себѣ ожесточенныхъ и непримиримыхъ враговъ, это также понятно. Разумѣется, эти враги составляютъ ту часть публики, которая должна называться собственно „толпою“; ненависть этихъ господъ очень понятна: поэзія Лермонтова для нихъ—плодъ слишкомъ нѣжный и деликатный, такъ что не можетъ льстить ихъ грубому вкусу, на который дѣйствуетъ только слишкомъ сладкое, какъ медъ, слишкомъ кислое, какъ огуречный разсолъ, и слишкомъ соленое, какъ севрюжина. Эти господа чувствуютъ непреодолимую антипатію даже и къ тѣмъ людямъ, которые восхищаются талантомъ Лермонтова, и они бранятъ ихъ, какъ служители своихъ господъ, которые устрицъ предпочитаютъ трактирной селянкѣ съ перцемъ. Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ сильнѣйшая—самолюбіе, которое, будучи оскорблено, никогда не прощаетъ.

Но чѣмъ-же скорѣе всего можетъ быть оскорблено самолюбіе ограниченнаго человѣка, какъ не сознаніемъ своего безсилія понять недоступное его разумѣнію? Что можетъ быть досаднѣе и тяжелѣе, какъ не сознаніе своего невѣжества, или своей ограниченности?.. Кромѣ читателей того разряда, о которомъ мы сейчасъ говорили, его талантъ еще больше имѣетъ враговъ между литераторами и это еще понятнѣе: сей устарѣлъ, и, плохо понимавъ стихотворенія, писанныя до 1834 года, уже совсѣмъ не понимаетъ ничего писаннаго послѣ этого года; тотъ родился совсѣмъ безъ органа эстетическаго чувства, не понимаетъ поэзіи и думаетъ, что она годится только „для сбыта пустыхъ и вздорныхъ мыслей“; оные больше занимаются барышничествомъ, чѣмъ изящнымъ; а всѣ вмѣстѣ—оскорблены тѣмъ, что стихотворенія Лермонтова не встрѣчаются на листахъ, выходящихъ подъ фирмою ихъ именъ... О господахъ-же сочинителяхъ стишковъ для журналовъ и даже большихъ и пребольщущихъ штукъ,—изъ которыхъ иные, по извѣщенію одной знаменитой афиши, боролись съ исполинами иностранныхъ литературъ и побѣдили ихъ,—объ этихъ господахъ нечего и говорить: имъ становится дурно отъ стиховъ Лермонтова по слишкомъ законной причинѣ“...

Вскорѣ послѣ этой краткой замѣтки въ „Отечественныхъ Запискахъ“ начала 1841 г. появилась обширная статья Бѣлинскаго посвященная детальному разбору вышедшаго собранія стихотвореній Лермонтова. Послѣ обширнаго вступленія о сущности и задачахъ поэзіи вообще, Бѣлинскій обращается къ произведеніямъ Лермонтова и сразу даетъ о нихъ прямо восторженный отзывъ. Онъ пишетъ: „Подробное разсмотрѣніе небольшой книжки его стихотвореній покажетъ, что въ ней кроются всѣ стихіи поэзіи, что она заключаетъ въ себѣ возможность въ будущемъ нѣсколькихъ и притомъ большихъ книгъ... Мы увидимъ, что свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія — суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго великаго развитія.

„Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества. Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще „Русланомъ и Людмилою“—созданіемъ, котораго идея отзывается слишкомъ раннею молодостію, но которое кипитъ чувствомъ, блещетъ всѣми красками, бла-

гоухаетъ всѣми цвѣтами природы, созданіемъ непстощимо-веселымъ, игривымъ... Это была шалость генія послѣ первой опорожненной имъ чаши на свѣтломъ пиру жизни... Лермонтовъ началъ историческою поэмою, мрачною по содержанію, суровою и важною по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Пушкинъ явился провозвѣстникомъ человѣчности, пророкомъ высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи. Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется, тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды: они поражаютъ душу читателя безотрадностію, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и избыткѣ чувства... Нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ—поэтъ совсѣмъ другой эпохи, и что его поэзія — совсѣмъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества.

Проанализировавъ весьма подробно „Пѣсню про купца Калашникова“, Бѣлинскій устанавливаетъ великія достоинства этого произведенія. „Содержаніе поэмы, говоритъ онъ, въ смыслѣ разсказа происшествія, само по себѣ полно поэзіи; если бы оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь являлась бы поэзіею, а поэзія—жизнію. Но тѣмъ не менѣе онъ не существовалъ бы для насъ, нашли ли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ, или, по какому-нибудь чуду, сами были его свидѣтелемъ, — оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное и представивъ его въ гармоническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія и свѣта. И въ этомъ отношеніи нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко, вмѣсто нея, сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа; ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Въ этомъ отношеніи ее никакъ нельзя сравнить съ народными легендами, носящими на себѣ имя

ихъ собирателя—Кирши Данилова: то дѣтскій лепетъ, часто поэтическій, но чаще и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ, полный ненужныхъ повтореній одного и того же; поэма Лермонтова — созданіе мужественное, зрѣлое и столько же художественное, сколько и народное. Безыменные творцы этихъ безыскусственныхъ и простодушныхъ произведеній составляли одно съ вѣющимъ въ нихъ духомъ народности; они не могли отъ нея отдѣлиться, она заслоняла въ нихъ саму же себя; но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ, и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ нею, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присуще его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ, въ этой поэмѣ, является не безыскусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ художникомъ,—и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь —въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она — художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни, воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора...

Переходя затѣмъ къ разбору лирики Лермонтова, Бѣлинскій отмѣчаетъ субъективизмъ молодого поэта, однако не видя въ этомъ признака его слабости, такъ какъ „въ талантѣ великомъ избытокъ внутренняго субъективнаго элемента есть признакъ гуманности“. „Не бойтесь этого направленія, восклицаетъ критикъ: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о самомъ себѣ, о своемъ *я*, говоритъ объ общемъ — о человѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *человѣка*, брата своего по человѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ“.

Останавливаясь въ ряду субъективныхъ стихотвореній Лермонтова прежде всего на „Думѣ“, Бѣлинскій замѣчаетъ: „Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскор-

бленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!.. И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней,—и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?.. Если подъ „сатирою“ должно размѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества, — то „Дума“ Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурею чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ дѣйствительно великій поэтъ!..

Крайній пессимизмъ, выразившійся въ стихотвореніи „И скучно, и грустно“, приводитъ критика въ содроганіе, и онъ восклицаетъ: „Страшенъ этотъ глухой, могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это—похоронная пѣсня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ,—тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую піеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слышалъ внутри себя могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ему ужаснаго чувства, — тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ Эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка“...

Не останавливаясь на деталяхъ разбора отдѣльныхъ произведеній Лермонтова, разбора по своему характеру близкаго къ панегирику, приведемъ заключительныя замѣчанія критика. „Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, говоритъ онъ, мы видимъ въ нихъ всѣ элементы, всѣ силы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія. Въ этой глу-

бокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ — всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ, какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ—въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіяся въ полнотѣ умреннаго бурею жизни сердца, упоеніе любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающаго самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва—все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?.. Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ и не скажемъ, чтобъ изъ него со временемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ: ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными, но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества, и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе но по самымъ этимъ созданіямъ, а по тому, что о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ — что говорятъ о нихъ всѣ. Даже восхищаясь про-

изведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на слово... Для толпы не существуютъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму, — и хорошо дѣлаетъ... Чтобъ преклониться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безсмысленное удивленіе. Procul profani...

„Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличатъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и богатыхъ рнемъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею, будто бы, Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличатъ они отъ тѣхъ производствъ въ „лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи“, такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ, какъ должно, и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его—за ничтожность всего новаго...

„И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова, — и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ“...

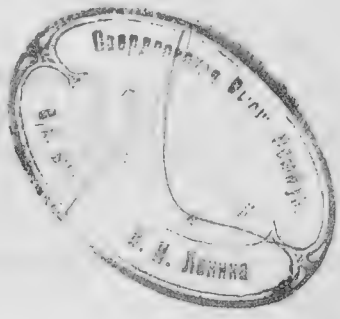
Еще разъ пришлось Бѣлинскому вернуться къ оцѣнкѣ поэзіи Лермонтова уже послѣ кончины поэта, въ 1843 г., когда случайно ему удалось добыть нѣкоторыя неизданныя стихотворенія безвременно погибшаго поэта, и тутъ критикъ естественно долженъ былъ коснуться вопроса о томъ мѣстѣ, какое Лермонтову принадлежитъ среди нашихъ великихъ поэтовъ. „Нѣтъ нужды, замѣчаетъ Бѣлинскій, говорить и доказывать, что Лермонтовъ былъ великій поэтъ:

въ этомъ уже давно и единодушно согласились всѣ, кто только не лишенъ здраваго смысла и эстетическаго чувства. Блескъ поэтическаго ореола загорѣлся надъ головою молодого поэта тотчасъ же со времени появленія первыхъ его опытовъ. Немного Лермонтовъ успѣлъ произвести, но это немногое тотчасъ же дало ему, во мнѣніи общества, мѣсто подлѣ Пушкина. Мало того: теперь уже спорятъ не о томъ, можетъ ли имя Лермонтова упоминаться вмѣстѣ съ именемъ Пушкина, но о томъ, кто выше—Пушкинъ или Лермонтовъ. Подобный вопросъ и подобный споръ могутъ быть плодомъ самаго смѣшного дѣтства, если въ нихъ дѣло будетъ идти не объ идеяхъ, а объ именахъ. Вообще, сравненія одного великаго поэта съ другимъ чрезвычайно трудны; если же въ нихъ видно желаніе возвысить или уронить его на счетъ другого, то они просто нелѣпы и пошлы. Однако-жъ злоупотребленіе какого-нибудь дѣла не должно унижать самого дѣла, и сравненіе одного писателя съ другимъ, дѣлаемое съ цѣлью оцѣнить вѣрно и безпристрастно достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ, съ полнымъ уваженіемъ къ обоимъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ здравой и основательной критики. Результатомъ такого сравненія никогда не можетъ быть пошлое заключеніе, что Пушкинъ никуда не годится, потому что Лермонтовъ хорошъ, или что Лермонтовъ никуда не годится, потому что Пушкинъ хорошъ. Нѣтъ, результатомъ такого сравненія можетъ быть только объясненіе, въ чемъ именно заключается и великая, и слабая сторона того и другого поэта, чѣмъ одинъ изъ нихъ и выше, и ниже другого. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о такомъ важномъ вопросѣ, какъ сравненіе Пушкина и Лермонтова; но мы считаемъ кстати сказать по этому поводу нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что теперь другіе толкуютъ объ этомъ кстати и некстати, вкривь и вкось.

„Сравненіе Пушкина съ Лермонтовымъ особенно трудно по тому горестному обстоятельству, которое какъ будто бы сдѣлалось неизбѣжною участью нашихъ великихъ поэтовъ: мы разумѣемъ безвременный конецъ ихъ поприща, вслѣдствіе котораго нельзя судить о нихъ, какъ о поэтахъ, вполнѣ развившихся и опредѣлившихся. Это особенно относится къ Лермонтову“.

Сопоставляя Лермонтова съ Пушкинымъ, Бѣлинскій высказываетъ слѣдующія соображенія: „Какъ творецъ русской поэзіи, Пушкинъ на вѣчныя времена останется учителемъ (maestro) всѣхъ будущихъ поэтовъ; но если-бъ кто-нибудь изъ нихъ, подобно ему, остановился на идеѣ художественности,—это было бы яснымъ доказательствомъ отсутствія геніальности или великости таланта. Вотъ почему

или Лермонтовъ пошелъ дальше Пушкина, или онъ—талантъ обыкновенный, не стоющій тѣхъ разнообразныхъ толковъ и жаркихъ споровъ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые считаютъ Лермонтова не болѣе, какъ счастливымъ подражателемъ Пушкина, еще не успѣвшимъ проложить собственной дороги для своего таланта. Это мнѣніе столь мелочно и ошибочно, что не стоитъ и возраженія. Нѣтъ двухъ поэтовъ столь существенно различныхъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Пушкинъ—поэтъ внутренняго чувства души; Лермонтовъ—поэтъ безпощадной мысли истины. Пафосъ Пушкина заключается въ сферѣ самого искусства, какъ искусства; пафосъ поэзіи Лермонтова заключается въ нравственныхъ вопросахъ о судьбѣ и правахъ человѣческой личности. Пушкинъ лелѣялъ всякое чувство, и ему любо было въ теплой сторонѣ преданія; встрѣчи съ демономъ парушали гармонію духа его, и онъ содрагался этихъ встрѣчъ; поэзія Лермонтова растетъ на почвѣ безпощаднаго разума и гордо отрицаетъ преданіе. Для кого доступна великая мысль лучшей поэмы его „Боярин Орша“, и особенно мысль сцены суда монаховъ надъ Арсеніемъ, тѣ поймутъ насъ и согласятся съ нами. Демонъ не пугалъ Лермонтова; онъ былъ его пѣвцомъ. Послѣ Пушкина ни у кого изъ русскихъ поэтовъ не было такого стиха, какъ у Лермонтова, и, конечно, Лермонтовъ обязанъ имъ Пушкину; но тѣмъ не менѣе у Лермонтова свой стихъ. Въ „Сказкѣ для дѣтей“ этотъ стихъ возвышается до удивительной художественности; но въ большей части стихотвореній Лермонтова онъ отличается какою-то стальною прозаичностію и простотою выраженія. Очевидно, что для Лермонтова стихъ былъ только средствомъ для выраженія его идей, глубокихъ и вмѣстѣ простыхъ своею безпощадною истиною, и онъ не слишкомъ дорожилъ имъ. Какъ у Пушкина грація и задушевность, такъ у Лермонтова жгучая и острая сила составляютъ преобладающее свойство стиха: это трескъ грома, блескъ молніи, взмахъ меча, визгъ пули“.



КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

Н. МИШЕЕВЪ.

Преподаватель педагогическихъ классовъ СПБ. женскихъ институтовъ: Смольнаго-Александровскаго, Павловскаго, женской гимназіи Принцессы Ольденбургской и Пажескаго Е. И. В. Корпуса.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ч. I. Грецiя и Римъ. Ц. 1 р.

Ч. II. Средніе Вѣка и Эпоха Возрожденія. Ц. 1 р. 25 к.

Ч. I и II Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Маріи ДОПУЩЕНЫ въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи курса Ист. Вс. Лит. въ 8 классѣ женскихъ институтовъ и гимназій.

Ч. III. Литература Новаго Времени. Ц. 1 р. 25 к.

Учебн. Ком. Вѣд. Учрежд. Императрицы Маріи РЕКОМЕНДОВАНО въ качествѣ пособія при прохожденіи курса Ист. Вс. Лит. въ 8-мъ классѣ женскихъ институтовъ и гимназій.

Учен. Ком. Минист. Народн. Просвѣщ. призналъ настоящую книгу подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

НОВѢЙШАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, гр. Л. Толстой, Достоевскій.

Изданіе второе, исправленное.

ОДОБРЕНА для ученическихъ библіотекъ, старшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній Вѣд. учрежденій Императрицы Маріи.